

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1979

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1979

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 14/VIII-1979 г. Подписано к печати 6/XI-1979 г. ФГ 31382. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4:
Заказ 5190. Тираж 2965. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

Н. А. БАСКАКОВ

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ

Советское уйгуроведение — одна из отраслей тюркологии — является наукой комплексной, включающей изучение всех сторон духовной жизни и культуры уйгурского народа: язык, литературу, фольклор, историю и этнографию. В советском науковедении существуют как бы две традиции изучения народов и их культур. Первая предполагает интегральное, комплексное изучение всех проявлений духовной культуры народа в их тесном взаимодействии, находящее воплощение в таких отраслях науки, как славяноведение, востоковедение, иранистика, тюркология и т. д. Иногда этот комплекс ограничивается более узкой областью, например, филологией, охватывающей главным образом только проблемы языка и литературы, в иных случаях же этот комплекс имеет более расширенный характер, как, например, этнология или страноведение, охватывающие большее количество дифференциальных наук. Вторая традиция — это дифференциальное изучение явлений духовной культуры народа, воплощающаяся в таких отраслях науки, как языкознание, литературоведение, история и т. д. В последнем случае те или иные явления духовной культуры народа увязываются с аналогичными явлениями у других народов, например, данный конкретный язык изучается в его отношении к другим родственным или неродственным языкам.

Практика научных исследований, однако, показывает, что обычно обе эти традиции сосуществуют, и все явления духовной культуры каждого народа изучаются как в интегральном, так и в дифференциальном плане.

Советское уйгуроведение, хронологические рамки которого определены самим его названием, охватывает послеоктябрьский период, хотя и базируется на значительном научном фундаменте, созданном задолго до революции усилиями многих крупных ученых — представителей как древней восточной, так и русской и западной науки.

Труды и исследования восточных филологов средневековья — Юсуфа Хас Хаджиба Баласагунского, Махмуда Кашгарского, Джамалэддина ибн-Муханны, Абу-Хайяна ал-Гарнати, Мухаммеда ибн-Кайса, Алишера Навои, Аззамахшари и многих других, а также отечественных ученых И. Н. Березина, И. Бичурина, Н. И. Ильминского, А. Казембека, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, Н. Н. Пантусова, Ч. Валиханова,

В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на научной конференции «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» (Алма-Ата, май 1979 года).

С. Ф. Ольденбурга, Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова, В. В. Бартольда и других и, наконец, западноевропейских тюркологов прошлого и нашего времени: А. Вамбери, Р. Шоу, Х. Витакера, А. Лекока, Г. Ракета, К. Брокельмана, Г. Ярринга, А. ф. Габэн и других — составили солидную базу для дальнейшего развития уйгуроведения и, в частности, уйгурско-го языкознания, литературоведения и исследования истории уйгуров.

Особая роль в развитии уйгуроведения принадлежит, безусловно, патриарху уйгурской филологии С. Е. Малову. Автор многочисленных монографий, книг и статей, посвященных изучению уйгурского языка и уйгурской культуры, он начал свои исследования в этой области еще в начале нашего века. Первая его публикация по уйгурскому языкознанию относится к 1909, а последняя — к 1959 году. Более пятидесяти работ С. Е. Малова в той или иной степени связано с исследованием уйгурского языка и его диалектов, а также литературы, фольклора, истории, культуры и этнографии уйгуров.

Особенно ценны исследования С. Е. Малова, посвященные изучению диалектов новоуйгурского языка Синьцзяна¹, представляющие собой важный вклад в тюркологию. Значение их не только в том, что как филологические монографии по уйгурской диалектологии они являются образцом, но и в том также, что, будучи теоретическими исследованиями, они позволяют глубже интерпретировать некоторые общие для всех тюркских языков фонетические, грамматические и лексические явления.

Работы С. Е. Малова, посвященные лобнорскому языку и языку желтых уйгуров, вообще уникальны, ибо в них впервые исследуются неизвестные до того науке языки, имеющие весьма важное значение для изучения истории тюркских языков.

Особенно большой интерес в этом аспекте представляют диалектологические словари С. Е. Малова, содержащие значительное количество лексических сопоставлений из древних и современных языков, а также грамматический очерк языка желтых уйгуров. Анализ некоторых грамматических форм и системы спряжения глагола языка желтых уйгуров, данный С. Е. Маловым, по-новому освещает глагольную систему тюркских языков и позволяет уточнить значения временных форм глагола в других тюркских языках.

Исследования С. Е. Малова по уйгурским диалектам², а также его классические работы по древним тюркским языкам³ получили весьма положительную оценку отечественных и зарубежных ориенталистов.

Труды С. Е. Малова составили собой целую эпоху в изучении языка, литературы, фольклора, этнографии и истории уйгуров.

С. Е. Малов был одним из создателей уйгуроведения, активным участником разработки основ современного литературного уйгурского языка, начало формирования новых норм которого было положено в 1930 году на II Всеуйгурской конференции (при деятельном участии

¹ С. Е. Малов. Уйгурский язык (Хамийское наречие). М., 1954; *его же*. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956; *его же*. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957.

² Ср.: S. Kažužinski. С. Е. Малов. Уйгурский язык (Хамийское наречие). — «Przegląd Orientalistyczny». Warszawa, 1955, № 1, стр. 118.

³ См. рецензии на работы С. Е. Малова: 1) «Памятники древнетюркской письменности»: А. Н. Бернштам («Эпиграфика Востока», VI, 1952, стр. 113—115); К. К. Юдахин («Труды Института языка и литературы Киргизского филиала АН СССР», вып. 3, Фрунзе, 1952, стр. 231—234); К. К. Юдахин. Ценная книга. — «Мугалимдерге жардам». Фрунзе, 1952, № 5; A. Zajaczkowski. — «Rocznik Orientalistyczny». Warszawa, 1954, т. XIX, стр. 189—192; A. D. Türk dili ve lehçelerinin yeni bir tasnifi. — «Türk dili». Ankara, 1954, с. 28, стр. 182 и 2) «Енисейская письменность тюрков»: С. Доронян. Ценный труд. — Газ. «Советская Киргизия», 1953, номер от 28 марта; P. Ponch. — «Archiv orientální». Praha, 1955, т. 23, № 1—2, стр. 292—294; Inak Abdülkadar. Türklerin Jenisey yazıtları. — «Türk dili». Ankara, 1953, с. 27, стр. 123—124.

С. Е. Малова). Это совещание положило начало новому этапу в истории развития уйгуроведения. Дальнейшее развитие уйгуроведения характеризуется наличием еще двух этапов: с 1930 года до 60-х годов, то есть до организации единого уйгуроведческого центра, и с 60-х годов по настоящее время, когда уйгурский язык и уйгурская культура стали планомерно изучаться.

Таким образом, общая периодизация истории советского уйгуроведения может быть представлена следующей схемой:

- I. Дооктябрьский период.
- II. Послеоктябрьский период.
 - A. Довоенное время:
 - 1-й этап — до 1930 года,
 - 2-й этап — до 1941 года.
 - Б. Послевоенное время:
 - 3-й этап — до 60-х годов,
 - 4-й этап — после 60-х годов.

Таковы, как нам кажется, основные хронологические вехи развития советского уйгуроведения.

Остановимся на основных чертах, характеризующих каждый из этапов развития послеоктябрьского уйгуроведения.

В течение первого этапа (до 1930 года) разрабатывалась латинизированная письменность уйгурского языка, издавались первые книги и учебники по уйгурскому языку и литературе уйгурских авторов А. Мухаммедиева, Л. Ансари, З. Башири, А. Розibaкиева, К. Хасанова, С. Шакирджанова, И. Салиха, Х. Алиева, Х. Каримова и других (главным образом сотрудников первых уйгурских газет «Кәмбәғәлләр авазы» и «Кызыл танг», а также первых национальных уйгуроведов).

В эти годы С. Е. Малов продолжал исследование уйгурских диалектов и опубликовал ряд статей и рецензий на работы отечественных и зарубежных авторов по уйгурскому языку. Однако уйгуроведение в Москве, Ленинграде, Казани и других городах СССР развивалось лишь в плане сопоставления фактов уйгурского и других тюркских языков в общетюркологических работах крупнейших тюркологов В. А. Богородицкого, Е. Д. Поливанова, А. Н. Самойловича, а также в публикациях, связанных с изучением Восточного Туркестана (например, в работах С. Ф. Ольденбурга) и т. п.

Второй этап (1930—1941) в развитии советского уйгуроведения характеризуется уже заметными успехами в изучении уйгурского языка, литературы, фольклора и истории уйгуров. Главным импульсом для этого послужила II Всеуйгурская конференция.

Знаменательным событием этого этапа явилось окончательное утверждение за уйгурским народом его самоназвания — *уйгуры*. Остались в прошлом многочисленные прежние названия представителей уйгурского народа, связанные с местами их расселения: жаркендцы, кашгарцы, таранчинцы, илийцы и т. д.

Научными центрами изучения уйгурской культуры, литературы и языка в этот период были не только Алма-Ата, Ташкент и Фрунзе, но также Ленинград и Москва, где уйгурский язык стал преподаваться в высших востоковедческих учебных заведениях.

Тридцатые годы характеризуются массовым изданием учебников по языку и литературе для уйгурской средней школы, отдельных специальных исследований по языку и литературе, появлением различного рода сборников уйгурской прозы и поэзии. Основным научным уйгуроведческим центром в этот период становится Ташкент, хотя уйгуроведческие работы издаются также в Алма-Ате и во Фрунзе. Видными представи-

телями советского уйгуроведения в то время были Кадир Ашуров, издавший ряд учебников по уйгурскому языку для начальной и средней школы и опубликовавший ряд статей и докладов, связанных с разработкой уйгурского литературного языка (ему же принадлежит один из первых проектов орфографии уйгурского языка на латинской основе), А. Мухаммедиев — автор многих учебников и статей, посвященных разработке уйгурского латинизированного алфавита и орфографии, а также Л. Азнибакиев, О. Зарватов, У. Миралиев, С. Токаев и многие другие уйгуроведы, занимавшиеся главным образом практическими вопросами уйгурского языкознания и составлением учебников уйгурского языка.

Значительные успехи были достигнуты в этот период и в области уйгурского литературоведения. Здесь следует отметить работы Н. Исраилова, М. Каратаева, А. Абдуллина, А. Ногманова по уйгурской поэзии. Особенно значительными были достижения в изучении общих вопросов уйгурской литературы. В этот период вышли из печати сборники, хрестоматии и исследования А. Ансари, З. Башири, Н. Маваева, А. Худайкулова, О. Касимова, А. Мухаммедиева, А. Розибакиева, З. Тореханова, К. Хасанова и многие другие.

Наряду с несколькими сборниками произведений уйгурского народного творчества были изданы также исследования фольклористов З. Башири, Н. Маваева, А. Розибакиева и др.

В 30-е годы появились и первые исследования советских авторов по истории и культуре уйгурского народа — С. Ф. Ольденбурга и А. Ю. Якубовского в Ленинграде, М. Ф. Гаврилова — в Ташкенте, В. Ф. Шахматова — в Алма-Ате⁴.

В Ленинградском институте живых восточных языков, где, начиная с тридцатых годов, было введено преподавание уйгурского языка, А. К. Боровков подготовил первый полный его учебник (1935), способствовавший теоретическому изучению грамматики этого языка.

Московским институтом востоковедения, где уйгурский язык также становится предметом изучения, издается учебник уйгурского языка В. М. Насилова и В. Салиева (1933—1934). Позднее, в 1940 году В. М. Насилов публикует научную грамматику уйгурского языка (на основе кашгарского диалекта) и ряд статей, посвященных вопросам его фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Значительным вкладом в уйгурское языкознание явилась публикация серии статей К. К. Юдахина по фонетике, лексикологии и диалектологии уйгурского языка. Издается первый небольшой русско-уйгурский словарь Н. А. Баскакова и Т. Р. Рахимова. Работы К. К. Юдахина, А. К. Боровкова и В. М. Насилова сыграли большую роль в теоретическом изучении уйгурского языка.

В Лингвистической комиссии Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся Востока в 1931 году была организована специальная уйгурская бригада (руководитель Н. А. Баскаков) для изучения уйгурского языка, разработки теоретических основ его научной грамматики и составления уйгурско-русского словаря. Результатом работы этой бригады явился первый уйгурско-русский словарь Н. А. Баскакова и В. М. Насилова, позже положенный в основу изданного в Пекине Бурханом Шахиди «Уйгурско-русско-китайского словаря» с изданным отдельной книгой на китайском языке «Очерком грамматики уйгурского языка» Н. А. Баскакова.

⁴ См. полную библиографию: З. Л. Амитин-Шапиро. Об уйгурской библиографии. — В сб.: «Белек С. Е. Малову». Фрунзе, 1946; А. Н. Бернштам. Русская и советская уйгуристика. — «Известия АН Казахской ССР. Серия „Уйгуро-дунганская культура“». Алма-Ата, 1950.

Наконец, к этому же этапу изучения уйгурского языка и литературы следует отнести и изданные за рубежом работы шведского тюрколога профессора Г. Ярринга, сыгравшие большую роль в развитии уйгуроведения. Важнейшие труды Г. Ярринга посвящены фонетике («*Studien zu einer osttürkischen Lautlehre*», Lund, 1936), фольклору («*The contest of the fruits. An Eastern Turki Allegory*», Lund, 1936), диалектологии («*Materials to the knowledge of Eastern Turki*», I—IV, Lund, 1946—1951) и лексикорафии («*An Eastern Turki-English dialect dictionary*», Lund, 1964) уйгурского языка.

К этому же времени относятся издание К. Менгесом текстов, собранных Н. Ф. Катановым (K. Menges. *Volksundliche Texte aus Ost-Turkistan. Aus dem Nachlass von N. Th. Katanov*, I—II, Berlin, 1933—1943), его же Словаря к текстам (K. Menges. *Glossar zu den Volkskundlichen Texten aus Ost-Turkistan*), выход в свет работ А. ф. Габэн по истории и культуре уйгуров, а также грамматики (морфологии) уйгурского языка египетского тюрколога Абулазиза Махдума Чингизхана на уйгурском языке арабским шрифтом (Kaigo, 1939).

Третий этап советского уйгуроведения характеризуется постепенной концентрацией уйгуроведческих исследований в учебных и научных учреждениях Алма-Аты.

В языкознании наряду с продолжением разработки проблем уйгурского литературного языка ведутся исследования в области орфографии, терминологии и т. д. уйгурскими языковедами А. Кайдаровым, Г. Садвакасовым, А. Шамиевой, Т. Талиповым, И. Исмаиловым, Т. Кибировым, Ч. Г. Сейфуллиным, О. Хасановой; в области фонетики — Т. Талиповым, Э. Н. Наджилом, Н. А. Баскаковым, А. К. Боровковым, Ф. Г. Исаковым; грамматики — А. Кайдаровым, Г. Садвакасовым, М. Абдурахмановым, Р. Ф. Тарасенко, К. Мелиевым и другими; диалектологии — С. Е. Маловым, Л. А. Аганиной, Т. Талиповым и другими; лексикологии и лексикографии — К. К. Юдахиним, В. И. Новгородским, Ч. Г. Сейфуллиным; составляются новые более полные двуязычные словари — Ю. Цунвазо, А. Шамиевой, А. Илиевым, Т. Кибировым, М. Рузиевым и другими; создаются учебники по уйгурскому языку для вузов — Э. Н. Наджилом.

Значительные успехи в этот период были достигнуты в изучении уйгурской литературы, фольклора, культуры и истории уйгурского народа. Издаются работы литературоведов А. Я. Валитовой, М. Хамраева, У. Маматахунова, А. Л. Ансари, К. Тохтамова, А. Маметова, К. Хасанова и др. Появляются хрестоматии, сборники и антологии уйгурской литературы, составленные В. И. Новгородским, Х. Алиевым, Г. Садвакасовым и др. Собирается и исследуется устное народное творчество М. Алиевой, К. Хасановым, Е. В. Лизуновой и др. Создаются учебники литературы и разрабатывается методика ее изучения А. Шариповым, У. Махпировым и др.

Публикуются переводы русских классиков на уйгурский язык и уйгурских писателей на русский язык (А. Розибакиев, М. Хамраев и др.).

Основы систематического изучения новейшей истории уйгурского народа в этот период заложили П. И. Фесенко, Т. Р. Рахимов, А. Идаятов, М. Н. Кабиров, К. Усманов, Д. И. Тихонов, В. Ф. Шахматов и др.

Расцвет советского уйгуроведения в 60-е годы связан с общим подъемом советской науки, в частности, тюркологии. Успехам советского уйгуроведения во многом способствовали также общие тюркологические исследования А. Н. Кононова, А. М. Щербака, Э. В. Севортяна, С. К. Кенесбаева, М. Ш. Ширалиева, С. Н. Иванова, А. Г. Гулямова и многих других.

Важное значение для развития собственно уйгуроведения имело создание единого уйгуроведческого центра в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР.

Особенно большие достижения в области обобщающих теоретических исследований в этот период принадлежат С. Е. Малову, К. К. Юдахину, А. К. Боровкову, В. М. Насилову, Э. Н. Наджипу, Э. Р. Тенишеву, А. Т. Кайдарову, Г. С. Садвакасову, Т. Р. Рахимову, Т. Талипову, М. Кабирову, Д. Тихонову и другим уйгуроведам.

В 60—70-х годах, кроме общих исследований по уйгурскому языкознанию, публикуются специальные работы по отдельным отраслям и уровням языка. Исследуются слабо изученные или вовсе неизученные диалекты уйгурского языка. Уйгурская диалектология исследуется в капитальных диалектологических трудах обобщающего характера и монографиях по отдельным диалектам С. Е. Малова, Э. Р. Тенишева, Г. С. Садвакасова, А. Т. Кайдарова, Т. Рахимова, Т. Талипова и др.

Значительные успехи в эти годы были достигнуты в области лексикологии и лексикографии. Сюда относятся двуязычные уйгурско-русские и русско-уйгурские словари, из которых прежде всего следует назвать большой уйгурско-русский словарь Э. Н. Наджипа, а также словари и лексикологические исследования Т. Р. Рахимова, А. Т. Кайдарова, И. Исмаилова, А. Шамиевой, Г. Садвакасова, Э. Р. Тенишева, О. Жамалединова, А. Илиева и др.

Из специальных исследований по фонологии и фонетике следует указать работы Т. Талипова, М. И. Трофимова, Г. Садвакасова и А. Т. Кайдарова.

Менее разработанными в уйгуроведении остаются проблемы грамматики. После издания грамматики В. М. Насилова вопросы грамматического строя уйгурского языка освещались главным образом в обобщающих и диалектологических исследованиях, а также в учебниках уйгурского языка для средней школы. Из специальных грамматических работ следует упомянуть небольшую монографию Э. Н. Наджипа и очерк грамматики лобнорского языка У. Асаналиева, а также специальные грамматические исследования отдельных категорий (в работах К. Мелиева, А. Т. Кайдарова, Э. Р. Тенишева, Г. С. Садвакасова, В. П. Юдина и др.).

В 60—70-х годах опубликован ряд исследований по уйгурской литературе и фольклору. Это работы М. Хамраева, А. Валитовой, Р. Кадири, П. Сабитовой, А. Маматахунова, С. Моллаудова, Ю. Мухлисова, К. Тохтамова, В. П. Юдина, Д. Розиева, М. Абдурахманова, М. Алиевой, И. Бахниязова и др. Основной проблематикой этих исследований является история уйгурской советской литературы: вопросы традиций и новаторства, взаимодействия литератур и др. Были изданы антологические сборники и исследования, посвященные классикам уйгурской литературы: Хиркатий, Мулла-Билалу, Залилий, Назарий и др. Продолжается сбор материала и исследуется уйгурский фольклор.

Немало сделано в области изучения истории уйгурского народа и его культуры. Следует назвать исследования историков Т. Рахимова, С. Г. Кляшторного, Д. Тихонова, М. Кабирова, М. Турганова, Х. Вахидова, Э. Мамедовой, М. Кутлукова, М. Рузиева, А. Валитовой, В. П. Юдина, Д. Исиева, Г. М. Ибрагимова, О. Ф. Акимушкина, А. Ахмеджанова, А. М. Матвеева, Х. Кадырова, М. Ерзина, Л. М. Ауэзовой и др. Совсем недавно (1978) вышел в свет под редакцией Г. С. Садвакасова, Р. Г. Ходжаева и Г. М. Исхакова сборник «Материалы по истории и культуре уйгурского народа».

Проблематика исследований историков охватывает вопросы истории древнетюркских каганатов, периода маньчжурского завоевания Джунгарии и Восточного Туркестана, национально-освободительного движения уйгуров, миграции уйгуров в Российскую империю, связей России с Синьцзяном и политики России в отношении Восточного Туркестана, истории уйгуров в период Великой Октябрьской социалистической революции и после нее, а также источниковедения и многие другие.

Проблемы уйгурского языка, истории и культуры уйгурского народа в особенности древнего времени вызывают большой интерес и у зарубежных уйгуроведов. В послевоенный период и в последние полтора десятилетия вопросами языка, истории, культуры, литературы и фольклора уйгуров продолжал заниматься шведский ученый Г. Ярринг, ряд работ по этим вопросам опубликовали: в Англии — Дж. Клоусон, в Дании — К. Томсон, в ФРГ — А. ф. Габэн, Г. Дёрфер и К. Рёрборн, в США — О. Прицак, в Турции — А. Рахмати, Т. Бангоглу, в Японии — А. Такео, Н. Ямада, Г. Масао, в Австралии — К. Макеррас и др.

Говоря о ближайших задачах в области уйгуроведения, следует, как нам кажется, отметить следующие моменты:

1) в области языкознания необходимо организовать составление научной нормативной грамматики уйгурского языка на уйгурском и русском языках, включающей подробное описание фонетической структуры языка и его морфологического и синтаксического строя. Настало время составления уйгурского диалектологического атласа и толкового уйгурского словаря, работа над которым уже начата;

2) в области литературоведения и исторических исследований предстоит подготовить обобщающие труды по уйгурскому фольклору и литературе, а также монографические исследования, посвященные древнему, среднему и новому периодам истории уйгурского народа, внести соответствующую ясность в сложный вопрос о правомерности теории преемственности в истории древних и современных уйгуров — проблемы, которая все еще не имеет убедительного аргументированного решения.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

З. И. БУДАГОВА, В. Л. ГУКАСЯН

ОБ АЗЕРБАЙДЖАНСКО-АРМЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ

Начало азербайджанско-армянских языковых контактов следует отнести еще к раннему средневековью. Они возникли как следствие этнических, экономических, политических, культурных и других связей азербайджанцев и армян, утвердившихся еще в первые века нашей эры. Закавказские (особенно армянские), византийские, сирийские и другие источники раннего средневековья свидетельствуют о том, что в IV—V веках в Закавказье наблюдался интенсивный приток тюркоязычных народностей, которые к середине VI века в довольно значительном количестве проникли в северо-западную зону Азербайджана и на сопредельные с ней области Грузии, Армении и Дагестана. Армянские и византийские историки V—VIII веков, сирийский хронист начала VI века Захария Митиленский, а также автор «Истории алван» (конец VII века) сообщают о проникновении и оседании в Закавказье савиров, кангаров, хазаров, барсиллов и других тюркоязычных племен. Достаточно отметить, что савиры в 552 году захватили всю северную часть Кавказской Албании¹ и перешли здесь к оседлой жизни, а кангары к этому времени занимали в зоне Нахичевань-Армения огромную территорию, именуемую в армянских источниках V века «Область кангаров» (*gavagn Kan-garagac*)². Византийские и сирийские авторы VI века сообщают, что заметное увеличение тюркского этноса в Закавказье сильно беспокоило Сасанидов. Поэтому шахиншах Хосров Ануширван (531—579) начал в 542 году войну с кангарами³, а в 568 году — с савирами. По данным византийского историка VI века Менандра, Ануширван поселил в междуречье Куры и Аракса 10 тысяч (по-видимому, семей) савиров⁴, к которым потом присоединились савиры, потерпевшие поражение от тюрков-аваров на Северном Кавказе⁵. По сообщению Моисея Хоренского к

Основные положения данной статьи были доложены на научной конференции по вопросам взаимоотношений и развития языков Закавказья (Ереван, сентябрь 1977 года).

¹ См.: «История Агван Моисея Каганкатваци». СПб., 1861, стр. 90; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 74, 126.

² См.: Лазар Парпский. История Армении. (На древнеармянском языке). Тифлис, 1904, стр. 132.

³ См.: Н. В. Пигулевская. Мар Абба I (К истории культуры VI в. н. э.). — «Советское востоковедение», V. М.—Л., 1948, стр. 77.

⁴ См.: «Византийские историки». СПб., 1860, стр. 411—412.

⁵ См.: М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 126—127; Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 50.

этому же времени в Армении осела часть булгаров (у автора — *vũp-dur*), барсилов/басилов, хазаров и других тюркских племен⁶.

Судя по письменным памятникам раннего средневековья, особенно интенсивный приток тюркоязычных народностей в Закавказье, главным образом в Албанию, наблюдался в VII веке. Ряд источников дает основание полагать, что в VIII веке почти все жители современной территории Азербайджана, независимо от их этнической и языковой принадлежности, являлись органическим составным компонентом единой и целостной экономической, политической, культурной общности, у которой функциональный приоритет был за формирующимся азербайджанским разговорным языком⁷. Это предположение согласуется с мнением М. И. Артамонова, отмечающим, что «поселение тюрков — савир, хазар, болгар и др. в Закавказье, в особенности в степной Албании, существовало, вероятно, со времени первых вторжений их в эту страну. В дальнейшем их число пополнили новые тюркские племена, что и определило современный этнический облик Азербайджана»⁸.

Указанные экстралингвистические факторы создали благоприятные условия для языковых контактов азербайджанцев, армян, грузин и других народностей Закавказья. Отметим, что тюркские народности в эту эпоху проникали и в Малую Азию, где составили этническую основу турецкого народа. Таким образом, многообразное общение армян с тюркским миром происходило, с одной стороны, через территорию современного Азербайджана, с другой — через территорию современной Турции. Результаты двусторонних языковых контактов на контактирующих языках сказались различно: армянский язык в большей мере оказался подверженным влиянию тюркских языков. Это признают не только армянские лингвисты, но и видные писатели и литературоведы. Так, например, основоположник новоармянской литературы Хачатур Абовян отмечал, что «тюркским языком владеют в Армении даже дети и женщины. Поэтому сочинение и импровизация песен-стихов на тюркском языке талантливыми армянскими поэтами и ашугами-импровизаторами абсолютно естественное явление»⁹. Этот факт Х. Абовян объясняет тем, что «татарский (то есть азербайджанский. — З. Б., В. Г.) своей гармоничностью, поэтичностью и простотой грамматического строя особо выделяется среди других языков Закавказья»¹⁰. Эти слова Х. Абовяна перекликаются со словами его современника — великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, который в 1837 году писал, что он на Кавказе «начал учиться по-татарски, язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе»¹¹, а также с высказыванием видного кавказоведа XIX века академика Е. Вейденбаума: «Простота и доступность для изучения сделали азербайджанское наречие международным языком для всего восточного Закавказья. Каждый год оно делает новые захваты среди горцев Дагестана, влияя на туземные языки и вытесняя их мало-помалу... В некоторых местностях само население

⁶ См.: «История Армении Моисея Хоренского». М., 1893, стр. 113, 126, 131, 133 и сл.

⁷ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 4—11; *его же*. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода. — «Советская тюркология», 1978, № 2.

⁸ М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 132.

⁹ См.: Х. Абовян. Избранные сочинения. (На армянском языке), т. I. Ереван, 1940, стр. 47.

¹⁰ См. Х. Абовян. Полное собрание сочинений. (На армянском языке), т. V. Ереван, 1950, стр. 174.

¹¹ См.: М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1965, стр. 411—412.

отмечает себя особым именем..., но говорят азербайджанским наречием»¹².

Об объективных экстралингвистических причинах влияния азербайджанского языка на армянский написано достаточно¹³. В данной статье делается попытка дать лингвистический анализ некоторых результатов азербайджанско-армянских языковых контактов. Отметим, что последствия этих контактов выявляются прежде всего на уровнях диалектов, а затем и литературных языков. Диалекты и говоры армянского языка, представленные в Азербайджане, исторически находившиеся и ныне находящиеся в окружении диалектов и говор азербайджанского языка, подверглись их заметному влиянию.

Влияние азербайджанского литературного языка армянский литературный язык начал испытывать, по-видимому, в период XII—XIII веков, когда азербайджанский и турецкий литературные языки уже сформировались. Не случайно некоторые армянские поэты именно в это время писали на упомянутых тюркских языках. Тюркские слова стали вводиться и в произведения армянских авторов, создаваемые на армянском языке. Естественно, не все эти тюркские слова, написанные армянским шрифтом, вошли в лексический состав армянского языка и поэтому не могут считаться заимствованиями. Однако они представляют исключительную ценность для изучения истории самих азербайджанского и турецкого языков.

Влияние азербайджанского языка на армянский, как следствие азербайджанско-армянских языковых контактов, проявлялось на всех его уровнях: лексическом, фонетическом и грамматическом.

1. Как известно, языковое влияние, нередко приводящее к одностороннему (а иногда и двухстороннему) двуязычию, начинается с лексических заимствований. Поэтому начальный период азербайджанско-армянских языковых контактов характеризуется главным образом именно лексическими заимствованиями, частично зафиксированными в армянских письменных источниках раннего средневековья. Этот период исследователи датируют по-разному. Доктор Мордман, первый обративший внимание на эти заимствования, в статье, опубликованной в 1872 году, писал: «Известно, что армяне относятся к индоевропейским народам, но их язык подвергся сильному влиянию туранского языка. Здесь я имею в виду не те турецкие слова, которые вошли в язык вследствие вековых связей с османами, а тюркские элементы в письменном языке IV, V, VI и VII столетий, вошедшие в него, когда еще никто не слышал о сельджуках, османах и других»¹⁴. Далее он приводит 23 якобы тюркских слова, из которых интерес представляют *ot* > *hot* 'трава, сено', *tel* 'нитка, струна; челка', *pārdi* > *barti* 'бревно, балка'. Два последних слова (*tel* и *pārdi*) Р. А. Ачарян совершенно справедливо считает армянскими заимствованиями в азербайджанском и турецком языках¹⁵.

Комментируя статью Мордмана и развивая его идеи, К. П. Патканян отмечал, что турки в Закавказье действительно появились в раннем средневековье. Для подтверждения этой мысли он, помимо истори-

¹² Е. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, стр. 120—121.

¹³ См. например: Р. А. Ачарян. Тюркские заимствованные слова в армянском языке. (На армянском языке). Москва—Багаршадат, 1902, стр. 1—4.

¹⁴ *Mordtmann*. Entzifferung und Erklärung der arm. Kellinschriften von Van und der Umgegend. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Leipzig, 1872, XXII, 80, стр. 465—493.

¹⁵ См.: Р. А. Ачарян. Этимологический коренной словарь армянского языка. (На армянском языке), 2-е издание, т. 1. Ереван, 1971, стр. 403; т. 2. Ереван, 1973, стр. 169, 402.

ческих данных, ссылается и на следующие тюркские слова, обнаруженные им в армянских источниках V—VI веков: «агуц 'тощий; бесплодный'; у Ценкера *أرق، أروق* (arig, arug) 'тощий'... аги и *أریق* (arig) 'канавы' и др. ... Вышеприведенные нами слова ... как по значению, так и по форме совершенно тождественны с турецкими и преимущественно с восточными турецкими...»¹⁶. Далее К. П. Патканян пишет: «Возьмем еще одно до сих пор также не тронутое слово и сравним: оѣхаг, воѣхаг 'баран, овца'. Слово V века. Я нахожу его в словаре Будагова, джаг., тат. *فوجقار* (khoschkar) — баран племенной; в алтайском — коѣког 'дикий баран'... Нельзя присутствие этого слова в армянском языке в V веке объяснять только случайностью. Утрата гортанного „k" перед „vo" тоже не без аналогии»¹⁷.

Мнение К. П. Патканяна о слове агуц разделял и Х. Педерсен¹⁸, отмечавший, что к этой тюркской основе восходит и венгерское слово *agok* 'канал'.

Р. А. Ачарян считает, что история азербайджанско-армянских языковых контактов начинается с XI—XII веков¹⁹. Однако исконно тюркское слово *агх* он находит в армянской надписи, относящейся к 996 году (*berdkaj ajqin or žgancı arxi takn ē*)²⁰, а его другой вариант *агуц* — в «Повествовании Аристакеса Ластвиреци» (XI век)²¹. Небезынтересно, что к этому же времени относятся топонимы *Arxi uli* (< азерб. *ulu agx* 'большая, или древняя, канава') и *Arxi sıxe* (< азерб. *Arxly qala* 'крепость, обнесенная канавой') в восточной Грузии, указанные в грузинских источниках XI—XII веков²².

Имеется известное сходство в основах армянского *воѣхаг/оѣхаг* и тюркского *коѣкаг/коѣкаг*. В пользу мнения К. П. Патканяна свидетельствуют топонимы *Qoşqar dağ* и *Qoşqar çaj* в Дашкесанском районе Азербайджанской ССР и название тюркского племени *Qoşqar*, представленное в Азербайджане. Следовательно, наличие наряду с такими тюркскими этнопонимами, как *Bajan*, *Qışçı*, *Сапахѣу*, *Qагаqullar* и названий *Qoşqar* (*dağ* и *çaj*) не случайно. Это тем более убедительно, что на территории соседних в Азербайджане районов — Кельбаджарского и Таузского — имеются топонимы *Qoş dağ* 'гора Гоч' и *Qoş dāğā* 'ущелье Гоч'²³. *Qoş* и *Qoşqar/Qoşqar* в древнетюркских языках обозначали племенного барана²⁴. Если учесть, что в азербайджанском языке испокон веков существует огузское слово *qoş*, то можно предположить, что *qoşqar/qoşqar* занесен в Закавказье более ранними тюрками савиро-хазарского союза.

Таким образом, в армянском языке встречаются тюркские лексические заимствования, зафиксированные в источниках до XI века.

¹⁶ К. Патканов. О месте, занимаемом армянским языком в кругу индоевропейских. — «Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества», т. VI, № 1. Тифлис, 1879—1881, стр. 45—46.

¹⁷ Там же, стр. 46—49.

¹⁸ H. Pedersen. Zur armenischen sprachgeschichte. — «Kuhns Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung», Bd. 38, 1904, стр. 195.

¹⁹ См.: Р. А. Ачарян. Тюркские заимствованные слова в армянском языке..., стр. 1—4.

²⁰ Там же, стр. 264—265.

²¹ Р. А. Ачарян. Указ. словарь, т. 1, стр. 317.

²² См.: «Матиане Картлиса». Тбилиси, 1976, стр. 51. Подробнее см.: В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников..., стр. 21—25.

²³ См.: «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР». Составитель Е. Н. Бушуева. М., 1971, стр. 51.

²⁴ Mahmud Kaşkarlı. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay, c. I. Ankara, 1939, стр. 321; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 451.

С конца XI века количество азербайджанских лексических и лексико-грамматических заимствований в армянском языке заметно увеличивается. Это прежде всего связано с тем, что с середины XI века в Закавказье переселяются и оседают в большом количестве турки-огузы — с юга и кыпчаки — с Северного Кавказа. К этому периоду относятся и формирование азербайджанского и турецкого литературных языков, которыми пользуются уже не только азербайджанские и турецкие, но и армянские писатели и ученые. Таким образом, языковые контакты распространяются с диалектного уровня на уровень литературных языков.

Характеризуя указанный период, Э. В. Севортян писал: «Еще до монголов, в XII веке, если не раньше, армяне вступили в контакт с сельджуками, туркменами, а затем с османами и предками современных азербайджанцев и находились с ними в постоянных сношениях, нередко живя бок о бок с ними.

Только повседневным общением с огузскими племенами и народами объясняется факт весьма раннего проникновения южнотюркских слов в произведения армянской средневековой литературы. Многие из армянских авторов той эпохи, равно как и их соотечественники, говорили на тюркских языках и, по-видимому, нередко были двуязычными»²⁵. Говоря о тюркизмах в стихах армянского поэта XIII века Ованнеса Ерзнкаци, Э. В. Севортян замечает: «Употребляемые Ованнесом Ерзнкаци заимствования из тюркского разговорного языка и диалектов — собственно тюркского или арабо-персидского происхождения — являются не авторскими, а общепринятыми в разговорном армянском языке тех далеких веков, о чем свидетельствуют произведения его современников, у которых встречаются те же тюркизмы»²⁶.

К сказанному добавим, что, например, еще у Аристакеся Ластвиреци, кроме агуц 'канавы, арык', встречаются антропимы Alp, Aslan, Sultan и топоним Turkestan, а также слово baban²⁷ 'каменное орудие', зафиксированное и у Смбата Спарапета (XIII век). У последнего, кроме названий Kitbuça, Sarum, Temurtaş (ср. азерб. Daşdāmir), Ayačāgik (от аya 'старший, главный' и čārik 'войско' или 'воин'), uz(u)n, Türk, Türkmen, Rasinak (~ rečenek), Toquztare (то есть toquz târā 'девять холмов') и других, встречаются два следующих любопытных антропимов — Qlyč Arslan (где qlyč 'меч', 'сабля') и Poltači (букв. 'топорник')²⁸. Таким же интересным словом является й kesikdank (от kesik 'отрубленный, усеченный' + dan), зафиксированное у Мхитара Айриванского (XIII век), писавшего, что монголы всех грузинских «князей и дворян увели заложниками в орду и называли их kesikdank»²⁹. Это слово, безусловно, тюркское. Рашидаддин пишет, что Угедей-каан (третий сын Чингизхана) назначил одного из своих сыновей, а именно Гуюкхана, на должность kesikdan'a и поручил ему служить Чагатаю³⁰. По-видимому, у монголов эта должность соответствовала должности наместника.

К заимствованиям XIII века Р. А. Ачарян относит и такие слова, как elči 'посол', jargluq 'ярлык', jam 'почтовая станция' (заимствованное

²⁵ Э. В. Севортян. *Тюркизмы у ранних армянских писателей*. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 264—265.

²⁶ Там же, стр. 266.

²⁷ См.: «Повесть о Аристакеся Ластвиреци». М., 1968, стр. 86, 103, 133 и сл.

²⁸ См.: *Смбат Спарапет*. Летопись. Ереван, 1974, стр. 13, 30, 46, 53, 55, 110, 133, 134, 152.

²⁹ См.: *Мхитар Айриванский*. Хронологическая история. (На древнеармянском языке). М., 1869, стр. 152.

³⁰ См.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 96.

и в русский язык в XIII—XIV веках³¹), *temači* 'род войска у тюрков XI—XIII веков', *aγul haq* 'надзиратель загона, хозяин загона' (от тюрк. *aγul* 'загон' и араб. *haqq* 'право') и ряд других³².

По нашим наблюдениям, помимо тюркской антропонимии, этнонимии и топонимии, в армянских источниках XII—XIV веков, особенно в произведениях Киракоса Гандзакеци, Фрика, Смбата Спарапета, Ованнеса Ерзнкаци и Ованнеса Тлкуранци, зафиксировано более 200 азербайджанских и турецких слов. Это — термины родства, названия частей тела, названия животных, птиц, растений, продуктов питания, профессий и ремесел, а также политические, религиозные, военные термины, личные и указательные местоимения, прилагательные и т. д.

Большой научный интерес представляют произведения Киракоса, Ованнеса Ерзнкаци и Ованнеса Тлкуранци. У Киракоса, особенно в тридцать второй главе его «Истории», наряду с монгольскими словами приводится около 60 тюркских слов, причем Киракос очень хорошо различает одни от других. В тех случаях, когда у монголов для обозначения одних и тех же предметов используются как монгольские, так и тюркские слова, он приводит оба синонима: *ēgē* ~ *āgān* 'человек, мужчина', *ēmtē* ~ *arži* 'женщина, жена', *niur* ~ *jüz* 'лицо' *tula* ~ *tablya* 'заяц', *burkhi* ~ *γuś* 'орел', *pour* ~ *tāngiz* 'море', *mogan* ~ *ulapsu* 'река' и т. д. Там, где используются лишь одни монгольские названия, автор, естественно, не указывает тюркских синонимов: *akhar* 'бык', *mogi* 'мул', *pitun* 'глаз', *loxaĵ* 'собака', *tiŋon* 'голова', *thaxea* 'курица', *čikin* 'ухо, уши' и т. д. Аналогично поступает он и при отсутствии монгольских названий, приводя только тюркские: *aγa* 'брат', 'господин', *ākā* 'мать', *ākāči* 'сестра', *saxal/sakal* 'борода', *bitikči* 'писец, писарь', *γojna* 'баран', *el* 'народ, страна', *elči* 'посол, посланник', *koikičip* 'голубь', *melik* 'царь, князь' и т. д.

Причем любопытно, во-первых, то, что в армянской передаче тюркских слов у Киракоса преобладают именно азербайджанские формы (см. *āgān* > *aγan*, *ākā* > *aka*, *aγa* > *aka/aqa*, *ātmāk* > *atmak...*), и, во-вторых, то, что число тюркских слов в его «Истории» намного превышает число монгольских. Материалы «Истории» Киракоса показывают, что тюркская антропонимия была широко употребительна в Азербайджане даже среди христиан. Например, жену Вахтанга (1141 год) — правителя верхнего Хачена — звали *Arzu xatun*, сына Вахрама — правителя Шамхора — *Aγbuγa*, одного из братьев Мамиконянов — *Aslan bek*, сын *Hāsān Zalala* — князя Хачена — носил имя *Atabeg*; распространенными были также имена *Tonguz aγa*, *Alp Arslan*, *Quli*, *Gürzi xatun* (это о царице Тамаре — букв. 'госпожа грузинка'), *Alγu*, *Qara Bahadur* и др. У Киракоса встречаются и такие азербайджанские слова, как *ata* 'отец', *bek* 'бек', *buγa* 'бугай, бык', *bitikči* 'писарь, писец', *gürzi* 'грузин', *γaga/qaqa* 'черный', *γuś/quś* 'птица', *el* 'народ, страна', *elči* 'посол, посланник', *eltamγa* 'вид налога'; 'большая четырехугольная тамга'³³, *ekā/jekā* 'большой', *jüz* 'лицо', *ulusu* 'полноводная река', *ātmāk/ōtmāk* 'хлеб', *sγnax* 'укрытие, пристанище', *süd gölü* (у автора — *sud gol*) 'молочное озеро', *tonγuz/donγuz* 'свинья', *tamγa/damγa* 'клеймо', *tangri* 'бог', *tula*

³¹ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1973, стр. 555.

³² См.: Р. Ачарян. Указ. словарь, т. I, стр. 131, 188, 449; т. II, стр. 3, 4, 116, 172, 207, 236, 312 и т. д.

³³ У Рашидаддина: *ал тамга* — большая четырехугольная печать монгольских ханов (см. его указ. соч., стр. 54).

‘овчарка’ (у автора — ‘заяц’), Qağaşıq собственное имя (ср. Qağaşıq Şoban в «Китаби-дедем Коркут»), x(y)zyl ‘золото’, polat ‘сталь’ и т. д. Все эти слова входят в лексический состав азербайджанского языка, а большинство из них употребляется и в литературном языке. Передача $\ddot{a} > a/e$, $\ddot{o} > o/eo$, $q > x$ и т. д. ($\ddot{a}k\ddot{a} > aka/eka$, $g\ddot{o}l > gol/geol$, $qy-zyl > xzyl...$) указывает на то, что Киракосом зафиксированы именно азербайджанские формы.

Тюркизмы произведений Ованнеса Ерзнкаци и Фрика подробно исследованы Э. В. Севортяном и В. Л. Гукасяном³⁴. Наличие азербайджанских слов в сочинениях Фрика не случайно, ибо он, находясь на службе у монголов, продолжительное время жил в Азербайджане (в основном — Мугани и Карабахе) и об этом времени писал: «Летовкой для нас служили Aladaу и Qaradaу, а зимовкой — Muуan — Aran. В течение 20 лет мы пережили такое, что растворились наши кости и кожа»³⁵. В стихах Фрика встречаются такие исконно азербайджанские слова, как şyal ‘поглаживание’, dārman ‘лекарство’, basar (от basmaq ‘давить’), başar (от диалектного başarmaq < başarmaq) ‘уметь’, talan ‘грабеж’, tütäq ‘свирель, дудка’, aуa ‘господин’, köş ‘кочевка, табор’, ortal ‘пайщик, компаньон’, şuxa ‘бурка’, şayar/şayar gözli ‘зеленоглазый, голубоглазый’, диалектные hanşax (< anşaq) ‘только лишь’, ымaz (< qanmaz) ‘невежа, бестолковый’, а также ырşax (< qurşaq) ‘кыпчак’, muуal ‘азербайджанцы Закатальской зоны’, Muуan ‘Мугань’, Aran ‘Аран’ (‘равнинный Азербайджан’), bājlārbāji ‘беглярбек, главный бек’, sultan ‘султан’, Buуa, Qazan (Yazan) — собственные имена и др. Все эти слова почти без каких-либо изменений по сей день функционируют в азербайджанском языке.

Что же касается тюркизмов в произведениях Ованнеса Ерзнкаци, то их классификация предложена одним из авторов настоящей статьи: «...Ованнес родился и жил в Арзинджане, следовательно, в его лексиконе арзинджанское наречие занимало особое место... Вместе с тем в произведениях Ованнеса имеются такие азербайджанизмы, которые Э. В. Севортян относит либо к восточноанатолийскому диалекту турецкого языка, либо же к туркменскому языку, тем более, что наблюдаемая у предшественников и современников Ованнеса закономерность замещения звуков в азербайджанизмах присуща и его стихам»³⁶. В стихотворении «Сын священника и дочь муллы», например, наряду с турецкими şen ‘ты’, ben (> pēn) ‘я’, joу ‘иди, беги’, müsürman ‘мусульманин’, benden (> pēnden) ‘от меня’ имеются и их азербайджанские варианты: sän (> san), bān (> ban/pan), bāndān (> pantan), jeri, götūr (> gotur/geotur) ‘возьми’. Эти слова встречаются не только в сочинениях Гасаноглы (современника Ованнеса), Насими, Хатаи и последующих азербайджанских поэтов, но и у Низами, Хагани, Говси Тебризи и др.

Особого внимания заслуживают слова tamux ‘ад’ и tangri ‘бог’. В «Китаби-дедем Коркут», в сочинениях Хатаи и других классиков азербайджанской поэзии приводится форма tamu/damu, а слово tangri зафиксировано лишь у Гази Бурханеддина (tangri saxlasun anı jaman gözdān ‘да сохранил его бог от дурного глаза’)³⁷.

³⁴ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 261—275; В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников..., стр. 26—32.

³⁵ Фрик. Стихотворения. (На армянском языке). Составители и комментаторы М. Мкрян и Е. Торосян. Ереван, 1941, стр. 211.

³⁶ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников..., стр. 31.

³⁷ См.: Гази Бурханеддин. Күлшәнә кәл, никара, бүлбүлү. Бақы, 1976, стр. 30.

Подобные архаизмы имеются и в стихотворении «Кимсе бени бил-мез иди» («Никто меня не знал») Ованнеса Тлкуранци, армянского поэта конца XIV века³⁸. Формы турецкого и азербайджанского языков четко различаются и в стихах Тлкуранци (ср. *kimse* ~ *kimcä* 'никто', *ben/rēn* ~ *bān* 'я', *ejlejm* ~ *ejlājm* 'сделаю' и т. д.). Как у Ованнеса Ерзн-каци, так и у Тлкуранци встречаются слова с анлаутным *γ* (*γüträtimden* 'от мощи моей', *γaganluxta* 'в темноте'), характерные для произведений азербайджанских классиков. Любопытны и лексические кальки: слово *jazyuym* в строке *jazyuym şox, gupahlımtzej* представляет собой кальку армянского слова *texks* 'грехи мои' (букв. 'грехов у меня столько, сколько и провинностей'). По-видимому, семантика персидского слова *gōpāh* не совсем была ясна автору. Вообще тюркизмы в произведениях Тлкуранци требуют специального лингвистического исследования.

Из армянских письменных источников XV—XIX веков явствует, что в последующие века количество азербайджанских и турецких лексических заимствований намного увеличилось. В упоминавшейся выше книге Р. А. Ачаряна «Турецкие заимствования в армянском языке» отмечено 4200 таких слов. Широко распространена азербайджанская лексика и в топонимии Армении. Здесь встречаются не только такие этнотопонимы, как *kängär day* (*kangarac lern*), зафиксированные в «Истории» Лазаря Парпского в V веке (см. выше), или *Bajandur, Qaradayly, Qazançı, Qaratürki, Qurçak, Muğan, Qaraqojun, Songurlu* и другие³⁹, но и названия мостов *Cirpili* (XI в.), *Cubuk körpi*, *Xan körpi* (XIV в.), *Gälin körpi* (XIII—XIV вв.), *Soban körpüsü* (XIII—XIV вв.) и т. д.⁴⁰

II. На основании изложенного можно допустить априори, что большинство армян, особенно проживавших на территории Турции и Азербайджана в период XII—XIV веков, было двуязычным. Двуязычие, как известно, создает не только благоприятные условия для многочисленных лексических заимствований, но и для фонетической и грамматической интерференции влияющего языка в язык подвергающийся влиянию. Л. Блумфилд об этом пишет: «Если заимствующий народ более или менее знаком с тем языком, из которого производится заимствование, или если заимствованные слова достаточно многочисленны, тогда чужие звуки, акустически не похожие ни на одну из фонем заимствующего языка, могут сохраниться в более или менее точной передаче, нарушающей фонетическую систему данного языка. При этом возникает много территориальных и социальных различий. Так, французские назализованные гласные сохраняются очень широко в английском языке даже людьми не говорящими по-французски. Заимствованные таким образом иноязычные звуки могут полностью закрепиться в языке»⁴¹.

Мы не разделяем точки зрения тех языковедов, которые считают, что звуки или фонемы могут заимствоваться. Как бы ни были многочисленны лексические заимствования, фонемы как таковые заимствоваться не могут. Новые фонемы появляются в языке только при наличии сочетания как **внешнего фактора** (то есть влияния неродственного иноструктурного языка), так и **внутреннего фактора**, заключающегося в артикуляторной предрасположенности⁴². А. Мартине и Л. Р. Зиндер, говоря о возмож-

³⁸ Подробнее о Тлкуранци см.: *Исрафил Аббасов*. Азербайжан фольклору XIX әср ермәни мәнбәләриндә. Баки, 1977, стр. 14—21.

³⁹ См.: «Армянская ССР. Административно-территориальное деление». Ереван, 1971.

⁴⁰ О. Х. Халпахчян. Инженерные сооружения Армении. — «Архитектурное наследство». М., 1964, № 17, стр. 67—120.

⁴¹ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 490.

⁴² Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. К вопросу о фонемном новообразовании. — «Советская тюркология», 1978, № 5.

ности появления в языке под влиянием заимствований новой фонемы, подчеркивают необходимость существования в заимствующем языке соответствующих артикуляторных особенностей, способствующих освоению нового звука⁴³. Таким образом, можно заключить, что как бы ни были многочисленны лексические заимствования из азербайджанского языка в диалектах и говорах армянского и других языков, распространенных на территории Азербайджана, в них не возникли бы гласные *ä, ö, ü* (*ə, ɐ, ʏ*), если бы у носителей этих диалектов и языков не выработались соответствующие артикуляторные навыки. В диалектах армянского языка, представленных в Азербайджане и в сопредельной зоне Армении, эти навыки возникли в результате их длительного и интенсивного контактирования с азербайджанским языком в условиях одностороннего двуязычия. Именно благодаря этому фактору речевой аппарат носителей указанных диалектов со временем приспособился к произношению этих звуков, то есть, по словам Ежи Куриловича, произошла постепенная фонологизация чисто артикуляторных признаков⁴⁴ *ä, ö, ü*.

Исследователи распространенных в Азербайджане диалектов и говоров армянского языка отмечали существование в них, а также в сюникском диалекте гласных *ä, ö, ü* и согласного *f* (в Шемахинском диалекте). Все эти звуки не характерны ни для литературного армянского языка, ни для тех армянских диалектов и говоров, которые не контактировали с азербайджанским и турецким языками. Судя по данным Р. А. Баграмяна и других диалектологов, *ä, ö, ü* в армянских диалектах Азербайджана фонологизировались и коррелируют с широкими гласными *a, o, u* во всех позициях в слове. По этому поводу Р. А. Баграмян пишет: «В местных говорах встречаем множество звуков, которые не знает литературный язык... Во всех позициях в слове в обычном употреблении наличествуют переднеязычные гласные *ä, ö, ü*... Вот несколько примеров, взятых из Шамхор-Дастафюрского междиалекта: *thar* 'куриный насест' — *thär* 'голубоватый', *pyžan* 'волчок' — *pyžän* 'маioni, которым женщины смягчают волосы при мытье головы', *ustakel* 'сдохнуть' — *ustäkel* 'очистить пшеницу решетом', *tašt* 'корыто' — *täšt* 'поле, равнина', *soğ* 'струя жидкости' — *sög* 'ущелье'»⁴⁵.

Некоторые исследователи, в том числе и Р. А. Баграмян, высказывают предположение, что гласные *ä, ö, ü* возникли в диалектах армянского языка лишь под влиянием внутреннего фактора в соответствии с законом, сформулированным Р. А. Ачаряном (то есть в результате палатализации широких гласных под влиянием корневого анлаутного смычного согласного). Однако в языкознании уже давно считается установленным, что возникновение любого нового звука в языке — это результат взаимодействия внешнего и внутреннего факторов. Именно таким путем возникли *ä, ö, ü* в армянских диалектах, в удинском, крызском, будугском, хыналыгском, талышском, татском языках, в диалектах лезгинского, цахурского, рутульского и табасаранского языков, длительное время контактировавших с азербайджанским языком. Ведь нет же этих гласных в других диалектах армянского и названных языков, не находившихся в контакте с азербайджанским языком⁴⁶. Сказанное пол-

⁴³ А. Мартине. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 135—139; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М., 1960, стр. 67.

⁴⁴ Е. Курилович. О методах внутренней реконструкции. — В кн.: «Новое в лингвистике», IV. М., 1965, стр. 405.

⁴⁵ Р. А. Баграмян. Армянские диалекты в Азербайджанской ССР. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1969, стр. 38.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 19—26; его же. К вопросу о фонемном новообразовании, стр. 37—40.

ностью относится и к фрикативному спиранту *f*, существующему в Шемахинском диалекте армянского языка.

III. В результате многовековых тесных армяно-азербайджанских и армяно-турецких контактов в грамматике новоармянского языка возник ряд структурных изменений. Как в области фонетики, так и лексики совокупность внешних и внутренних факторов создала благоприятные условия для проникновения в армянский язык азербайджанских и турецких грамматических элементов и для возникновения новых явлений, аналогичных наблюдаемым в тюркских языках.

На этот факт еще в начале нашего столетия обратил внимание М. Х. Абегиан. В своей монографии «Синтаксис новоармянского языка» (на армянском языке, Ереван, 1912) он отметил, что под влиянием тюркских языков (то есть азербайджанского и турецкого) синтаксис новоармянского языка (ашхарабара) стал резко отличаться от синтаксиса древнеармянского языка (грабара). Эта мысль М. Х. Абегиана получила подтверждение в «Истории армянского языка» Р. А. Ачаряна (на армянском языке, т. II, Ереван, 1951, стр. 287—291). Сравнивая синтаксис армянского языка с синтаксисом генетически родственных индоевропейских языков, он заметил следующее: а) в грабаре, как правило, сказуемое употреблялось в начале предложения (перед подлежащим), а в ашхарабаре, наоборот, последовательность главных членов предложения идентична последовательности в тюркских языках (ср.: *tesi zthrdunn or jerger i vraj carin* 'видел птицу, поющую на дереве' > *cari vra jergoy thrduny tesa* букв. 'на дереве поющую птицу увидел', или: *zinč araric vasp ordvoj imoj* 'что делать для своего сына' > *tyis hamar inč anem* 'для сына своего что [мне] делать'); б) в грабаре определяющий компонент предшествует определяемому, а в ашхарабаре — наоборот (ср. *ztunn Petrosi* 'дом Петра' > *Petrosi tuny* 'Петров дом'); в) в грабаре, как и в других индоевропейских языках, местоимения следуют за именами, а в ашхарабаре — предшествуют им (ср. *ajr ajs* 'человек этот', *tun im* 'дом мой', *hor imun* 'отец мой' и т. д. > *ajs(es) mardy* 'этот человек', *ajs(es) tuny* 'этот дом', *im hory* 'мой отец'); г) имена после числительных в грабаре употреблялись во множественном числе, а в ашхарабаре — в единственном (ср. *hing tner* 'пять домов' > *hing tun* 'пять дом'); д) наречия в грабаре предшествуют именам, а в ашхарабаре — следуют за ними (ср. *agači hor imaj* 'перед отцом моим' > *im hor agač* букв. 'моего отца впереди'); е) в грабаре, как правило, глагол (сказуемое) употребляется в начале предложения, а в ашхарабаре — в конце и т. д.

Кроме того, следует отметить и влияние тюркских языков, особенно азербайджанского, на аффиксальное словообразование в армянском. Азербайджанские словообразовательные аффиксы *-lu*, *-lu*, *-či*, *-mži* и глаголообразующий *-miš*, представленные в армянском языке, обладают функциональной активностью и статусом исконных элементов. Эти словообразовательные элементы проникли в армянский язык, да и во все языки и диалекты, контактирующие с азербайджанским языком, в составе заимствованных слов⁴⁷. Как отмечал Герман Пауль, «слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются. Однако при заимствовании большого пласта слов, содержащих один и тот же суффикс, эти слова, точно так же как и слова родного языка с одинаковым суффиксом, могут образовать группу, которая со временем может стать непродуктивной. Путем образования новых слов по аналогии усвоенный таким об-

⁴⁷ Подробнее об этом см.: В. Л. Гуксян. Указ. автореф., стр. 28—33.

разом суффикс может вступать в сочетание со словами родного языка»⁴⁶.

Кроме того, в армянском языке под влиянием многочисленных азербайджанских заимствований образовались аффиксальные и безаффиксальные пары, что привело к морфологическому вычленению в сознании армян азербайджанских аффиксов. Например, наряду с *aj* 'месяц', *ajna* 'стекло, зеркало', *el* 'народ, страна', *bostan* 'огород', *ajru* 'отдельно, раздельно', 'отдельный, раздельный', *azag* 'болезнь', *az-* 'давить, раздавить', *toz* 'пыль' и десятками других стали употребляться: *ajnači* 'стекольщик', *elči* 'посол', *bostaŋči* 'огородник', *ajrułmiš* 'отделенный, разделенный', *azarłamiš* 'захворавший', *azilmiš* 'раздавленный', *tozluç* 'пыльное место' и т. д. Аффиксы этих слов имеются в составе таких древних тюркизмов, как *avči* 'охотник', *çörçi* 'знахарка' в «Истории алван» (конец VII века), *jarunzi* 'бурка' — у Левонда (VIII век), *bitikçi* 'писарь, писатель', *baltaçi* 'топорник', *tatyaçi* 'клеимовщик', *elçi* 'посол', *oğlu* 'его сын' и т. п. — у Киракоса Гандзакеци, Смбага Спарапета, Ованнеса Ерзнкаци, Фрика и у других армянских авторов XIII века. Отметим также многочисленные перфектные формы на *-miš*; например: *ajrułmiš inel* 'разделиться, отделиться', *alyšmiš inel* 'воспламениться', *jaralamış inel* 'ранить(ся)' и т. д.

Порядковые числительные в диалектах армянского языка образуются при помощи аффикса *-mži* (ср.: *tekmž* 'первый', *jekmž* 'второй', *tasmž* 'десятый' и т. д.).

Можно указать также многочисленные фразеологические обороты, образованные при помощи азербайджанских заимствованных слов или путем калькирования. Немало пословиц и поговорок целиком заимствованных из азербайджанского языка; например: *gjal-gjal anel* (азерб. *кәл-кәл демәк*), *giž damağ* (азерб. *кич дамары*), *tikā-tikā anel* (азерб. *тика-тика етмәк*), *yağan arnel* (азерб. *гадасыны алмағ*), *aslan ktrel* (азерб. *аслан кәсилмәк*) и т. д.⁴⁹

Азербайджанско-армянские языковые контакты, естественно, имели следствием также заимствования в азербайджанский и турецкий языки армянских слов. Р. А. Ачарян в своем выступлении на I Тюркологическом съезде в Баку в 1926 году отметил, что в азербайджанском и особенно в диалектах турецкого языка им обнаружено 200 армянских слов. Эти слова Р. А. Ачаряном включены в его многотомный «Этимологический коренной словарь армянского языка» (на армянском языке, тт. I—VII, Ереван, 1927—1935).

На армянские лексические заимствования в азербайджанском языке, особенно в его диалектах и говорах, обратил внимание М. Ш. Ширалиев. В своих монографиях «Бакинский диалект» и «Основы азербайджанской диалектологии» он зафиксировал такие арменизмы в азербайджанском языке, как *андыр* 'без хозяина, беспризорный', *барров* (< *парав*) 'пожилой, старый', *мәгиј* (< *магеј*) 'буйволенок', *хахчых* (< *ахчик*) 'девочка, девушка', *дыға* 'мальчик' и др.⁵⁰

В азербайджанском языке, особенно в его диалектах и говорах, контактирующих с диалектами и говорами армянского языка, нами обнаружено несколько десятков армянских слов. Укажем на некоторые из них.

⁴⁶ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 469.

⁴⁹ См.: А. М. Сукиасян, С. А. Галстян. Фразеологический словарь армянского языка. (На армянском языке). Ереван, 1975.

⁵⁰ См.: М. Ш. Ширалиев. Баки диалекти. Баки, 1957, стр. 162—201; *его же*. Азербайжан диалектологикјасынын эсаслары. Баки, 1962, стр. 350—351.

В азербайджанском языке широко употребляются такие армянские слова, как: *sal* (*daš, qaja*), *herik* (*šumu*), *žürdäk*, *xosunlašmaq*, *čäğänlä-mäk*, *andug*, *händ*, *haxčix*, *tändirin bady* и другие. Эти же слова встречаются в произведениях азербайджанских писателей. Слово *sal* 'отшлифованная плита, камень' обычно возводят к санскриту, однако, по всей вероятности, оно проникло в азербайджанский язык через армянское посредство. Широко употребительно слово *herik* в составе *herik šumu* 'осенняя пашня', слова *žurdak* (*žur* 'вода' + *dak/tak* 'кувшин для хранения воды') и *andug* 'вещи, не имеющие хозяина' (*an* 'не, без' + *ter* 'хозяин, владелец') функционируют с небольшими фонетическими изменениями. К двум заимствованиям из армянского добавлены глаголообразующие сложные аффиксы *-lašmaq* (*-laš* + *-maq*) и *-lämq* (*-lä* + *-mq*) — *xosunlašmaq* 'вести беседу шепотом' и *čäğänlämq* 'говорить слишком долго и несуразно'. Армянские *xosun* (от *xosk* 'слово') и *čag* 'речь' семантически отличаются от азербайджанских вариантов. Слова *tändirin bady* 'стенка тендира' (печи для выпечки хлеба) и *haxčix* 'девочка, девушка' широко употребляются в диалектах и говорах азербайджанского языка.

О Н О М А С Т И К А

В. У. МАХПИРОВ

АНТРОПОНИМЫ В «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТЮРК» И «КУТАДГУ БИЛИГ»

Антропонимы, зафиксированные в обоих этих памятниках, представляют большой научный интерес, особенно много их в «Диване» Махмуда Кашгари.

Выборка личных имен из памятников производилась нами по их турецким изданиям¹.

Антропонимы «Дивана» имеют различное в языковом отношении происхождение. Среди них можно выделить, кроме собственно тюркских, также арабские и иранские. Широко представлены в «Диване» имена арабского происхождения. Это объясняется тем, что «арабская антропонимия сыграла первостепенную роль в формировании ономастических систем ряда языков Ближнего и Среднего Востока. Ни турецкая, ни персидская, ни афганская антропонимия не может быть понята без изучения арабских имен»². В значительной мере то же может быть сказано об антропонимии Средней Азии.

Известно, что исламская религия имела исключительно большое влияние на антропонимию среднеазиатских народов. В связи с принятием ислама изменились обычаи и традиции наречения детей именами: отчасти вытеснились многие языческие имена и получили широкое распространение арабские имена религиозного происхождения: Muhammed (МК, I, 28), Ibrahim (МК, I, 28), Ishak (МК, I, 28), Iysu/Isa (МК, I, 28), Nuh (МК, I, 28) и др. Эти имена не исконно арабские, а, в свою очередь, заимствованные исламом у иудеев. Заимствованные имена адаптировались на арабской языковой почве (например: Авраам—Ибрагим, Иисус—Иса, Исаак—Исхаки др.) и именно в этой форме были усвоены тюрками, что дает основание считать их арабскими заимствованиями. Влияние арабоисламской культуры к XI веку прочно утвердилось в антропонимии тюрков. Так, значительная часть тюркской знати времен Махмуда Кашгари носила чисто арабские имена: Muhammed-ül-Muktedi-bi-emr-illah (МК, I, 4). Часто встречались имена, составленные из тюркских и арабских слов. Последнее обычно было именем основателя ислама или одним из его эпитетов: Muhammed Cakır Tonga хан или Nizameddin Israfil Togan tegin (МК, I, 111) (Nizameddin 'устроитель веры' — один из арабских эпитетов Мухаммеда).

¹ «Divanü lûgat-it-türk tercümesi». Çeviren Besim Atalay. Cilt 1—3. Ankara, 1939—1941 (далее — МК); *Jusuḫ Has Hâcib*. Kutadgu Bilig, II. Tercüme. Ankara, 1959 (далее — КВ).

² А. С. Илизаров и др. О внутренней форме и происхождении арабских имен. — В кн.: «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970, стр. 290.

Большой интерес представляют арабские имена нерелигиозного происхождения, также получившие широкое распространение в системе тюркских личных имен. Арабские слова, говорящие о силе, об уме, особенностях характера человека, выражающие возвышенные понятия и устремления, тоже стали именами собственными. К именам подобного типа относятся: Kadır (МК, I, 364), Sabit (МК, I, 355), Selim (МК, I, 59) и др.; довольно часто в «Диване» упоминается Александр Македонский, известный у тюрков под именем Zülkarneyn (МК, I, 90), ср.: Iskender (KB, 470) — арабская форма имени «Александр».

Значительное место в «Диване» занимают антропонимы иранского происхождения, такие, как Behram Cûrin (МК, III, 99) — полководец из старинного парфянского рода, которого считают предком Саманидов, Tahmures (МК, III, 149) — один из легендарных царей Ирана, Afrasyab (МК, I, 159, 343, 381 и др.) — легендарный герой древних преданий иранцев. Династия Караханидов, захватившая Туркестан, именовала себя потомками Афрасиаба³. В обоих письменных памятниках Афрасиаб выступает как герой тюрков и отождествляется с героем Алп Эр Тонга. Ираноязычными являются, по-видимому, и имена его сыновей Barsgan (МК, III, 147), Barman (МК, III, 369), дочери Kaz (МК, III, 149) и зятя Siyavuş (МК, III, 150).

О несомненном влиянии арабской и иранской антропонимии на формирование тюркских антропонимов свидетельствует и «Кутадгу билиг», в котором также приводится значительное количество арабских и иранских имен, например: арабские Ali (KB, 470), Muhammed (KB, A), Iskender и другие; иранские Dahhâk (KB, 28), Feridun (KB, 28), Rüstem (KB, 470), Efrasyab (KB, 31) и другие.

Таким образом, уже в XI веке арабская и иранская антропонимия занимала значительное место в системе личных имен тюрков (из 32 личных имен, упоминаемых в «Кутадгу билиг», 21 арабского и иранского происхождения и два греческих имени).

И все же наиболее широко в этих памятниках представлены имена исконно тюркского происхождения. Основные герои «Кутадгу билиг» носят тюркские имена.

«Все тюркские народы, по Махмуду Кашгарскому, — пишет Н. А. Баскаков, — разделяются на две ветви — северную и южную. В состав северной группы входят в порядке их расселения с запада на восток: печенеги, кыпчаки, огузы, йемеки, башгурты, басмылы, кай, ябаку, татары и киргизы, а в состав южной ветви, в том же порядке с запада на восток: чигили, тухси, ягма, ыграки, чаруки, джумулы, уйгуры, кытай и табгачи»⁴. Махмуд Кашгари, классифицируя языки, основывается на признаках их чистоты и на фонетических признаках [например: в анлауте глухой согласный /t/ южной группы и звонкий /d/ северной, среднеязычный /m/ южной и /ʒ/ ~ ø (нуль) северной и т. д.]. Многие тюркские личные имена «Дивана» принадлежат той или иной языковой группе, что легко устанавливается по родовой или племенной принадлежности их носителей, часто указываемой автором, или же на основании фонетико-морфологических признаков, характерных для каждой из этих групп.

Имена северной группы: Azak (МК, I, 66) — огузский бек, Тараг (МК, I, 361), Inal (МК, I, 361), Kaŋlı (МК, III, 379) — кыпчакские имена, Budraç (МК, I, 452) — старейшина племени ябаку, а также Selçük (МК, I, 478), Kay (МК, III, 88), Kökyük (МК, III, 133) и др.

³ В. В. Бартольд. Обзор истории тюркских народов. Сочинения. Т. 5, М., 1968, стр. 433.

⁴ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 167—168.

Имена южной группы: Çuglan (МК, I, 444) — старейшина племени карлуков, Köl Bilge хан (МК, I, 429) — уйгурский хан, а также Bogra kağa хан (МК, III, 221), Yağan Tegin (МК, III, 29), Çağrı Beg (МК, I, 421) и др.

Большая же часть собственно тюркских антропонимов представляет собой личные имена общетюркского происхождения. В основном это имена, образованные от общетюркских слов, типа: ау 'месяц', кӱп 'солнце', алр 'герой', а также личные имена, восходящие к общетюркским названиям животных, птиц, явлений природы и т. д.

Среди антропонимов «Дивана» большое место занимают имена высшей знати: ханов, беков, принцев и т. д., составленные из сложных сочетаний личного имени и сословных титулов. Последние были тесно связаны с другими лексико-семантическими и генетическими группами личных имен и представляли собой один из древнейших пластов общетюркской лексики. Многие из них сохранились в лексике современных тюркских языков. Поэтому следует остановиться на них подробнее.

Титул *бек* встречается в составе имен İnanç Beg (МК, I, 133), Çağrı Beg (МК, I, 421), Bilge Beg (МК, I, 428) и др. По мнению В. В. Бартольда, семантика этого слова сводится к трем основным значениям: 1) человек благородного происхождения (в отличие от простолюдина, а также от принцев правящей династии), 2) правитель небольшого племени или небольшой родовой группы (в отличие от хана или кагана — правителя сравнительно большого государственного образования), 3) всякое начальство в самом широком смысле этого слова. В древнейших памятниках тюркских языков — в надписях VIII века нашей эры слово *бек* упоминается во всех этих значениях⁵. В памятниках встречаются и имена, включающие в свой состав титул *хан* ~ *хаган*: Kılıç хан (МК, I, 359), Bogra kağa хан (МК, I, 420), Köl Bilge хан (МК, I, 429). Т. А. Бертагаев считает, что «хаган и хан — варианты, имеющие одну корневую основу и означающие 'посланец неба, отправленный на землю, чтобы стать владыкой данной местности', или 'царствующий с благословения тэнгрия'»⁶.

Интересно происхождение титула *тегин*. Махмуд Кашгари пишет, что слово *тегин* первоначально означало «раб», и приводит имена рабов с этим включением: Kılıç tegin (МК, I, 413), Kümüş tegin (МК, I, 413), Alp tegin (МК, I, 41) и др. Дети Афрасиаба при обращении к нему называли себя его рабами, употребляя в этом значении слово *тегин*, которое впоследствии вошло в состав их имен. Чтобы отличаться от настоящих рабов, они прибавляли к *тегин* какой-нибудь высокий титул (МК, I, 192), см., например: Bekeç Arslan Tegin (МК, I, 357), где Bekeç 'принц'. Отсюда *тегин* — титул, присоединяемый к имени младших членов ханской семьи⁷.

Таким образом, многие личные имена представителей древней тюркской знати включали в свой состав сословные титулы, следы этого сохранились и в современных тюркских языках.

Особенностью тюркской ономастики является прозрачная семантика имен собственных, объясняющаяся тем, что тюркские языки характеризуются неизменностью корня-основы, что облегчает этимологический

⁵ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5, стр. 502.

⁶ Т. А. Бертагаев. Об этимологии *хән* ~ *хаган*, *хатун* и об их отношении к *хйт*. — В кн.: «Туркологические исследования». М., 1976, стр. 49.

⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 547; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 97.

анализ: «в тюркских языках корни и производные основы слов удивительно мало подвергались изменениям и обычно в памятниках тысячелетней давности имеют тот же вид, что и в современных тюркских языках. Поразительна также стабильность основных значений большей части слов, относящихся к общетюркскому фонду»⁸. В «Диване» и «Кутадгу билиг» описываются обычаи наречения именем у тюрков, имеющие много общего с традициями арабов и иранских народов.

Традиционные мотивы наречения именем у тюрков, как и у многих других народов, связаны с явлениями природы, названиями животных, птиц и растений, с именами предков, святых, исторических лиц, с названиями народов и племен и т. д. Подобного типа имена можно объединить по главному признаку в группу **имен-посвящений**.

Принято считать, что к древнейшему пласту антропонимов относятся имена, связанные с культом неба, светил и звезд. Так, главных героев «Кутадгу билиг» звали *Ay-Toldı* (КВ, 43) 'полнолуние' и *Kün-Toğdı* (КВ, 39) 'восход солнца', в «Диване» встречается имя *Ay* (МК, I, 193).

Столь же древними являются и антропонимы, в основе которых лежат названия животных и птиц. Происхождение их связано с первобытными культами, что нашло отражение в родоплеменных названиях, в топонимах, в табу, обрядах и поверьях и т. д. Первоначально люди поклонялись различным животным, приносили им жертвы, налагали табу на их названия. Впоследствии эти названия стали олицетворением определенных достоинств, могущества, силы и т. д. Чаще всего такими именами нарекались представители знати. Так, легендарного героя иранских преданий, предводителя туров Афрасиаба тюрки называли *Tonğa Alp er* (МК, III, 368 и др.). Махмуд Кашгари возводит это имя к *tonğa* 'леопард', *alp* 'герой', *er* 'герой', 'мужчина'. Аналогичного происхождения имена *Tonğa xan* (МК, III, 368), *Tonğa Tegin*, имя одного из первых представителей династии Караханидов *Bogra kaka xan* (МК, III, 221), где *bogra* 'верблюд-самец'. Позже *tonğa* и *bogra* стали употребляться и в качестве титулов. Широко распространено у тюрков имя с компонентом *Arslan* 'лев', который входил составной частью в почетные прозвища Караханидов: *Bekeç Arslan Tegin* (МК, I, 357) (ср. также имена *Arslan balban*, *Arslan sığ toyıl*⁹ и др.).

От подобных имен как по форме, так и по содержанию отличались имена простых людей. Чаще всего это односоставные имена, образованные от названий животных: *Kapan* (МК, I, 415) 'кабан', *Ars//As* (МК, I, 80) 'горноста́й', 'ласка'.

Традиция наречения людей именами, основу которых составляют названия животных, существовала не только у тюрков. В памятниках встречаются имена иранского происхождения с аналогичными основами: *Tahmures* (МК, I, 419) — имя одного из легендарных царей Ирана. Как пишет А. Гафуров, древнейшая форма этого имени приводится в «Авесте»: *Тахмаурупа* 'сильная лиса'. Очевидно, — предполагает он, — еще в доисламское время *урупа* было переосмыслено в *урутха* 'тело', так как наименование „лиса“, видимо, казалось не соответствующим образу полусвятого легендарного царя. Тогда все имя приобрело новое значение — „сильный телом“, которое вполне подобало древнему царю-богатырю. В то же время само имя претерпевало дальнейшие изменения. *Тахмаурутха* превратилось в *Тахмауратх*, а это последнее в *Тахму-*

⁸ Д. Е. Еремеев. Язык как этногенетический источник (Из опыта лексического анализа турецкого языка). — «Советская этнография», 1967, № 4, стр. 64—65.

⁹ «Древнетюркский словарь», стр. 55.

рас»¹⁰. Антропоним Haydar (КВ, 470) восходит, например, к иранскому слову, означающему «лев».

Многочисленность антропонимов тюрков, основу которых составляют названия птиц, заставляет предположить, что в древнейший период их религиозное мировоззрение было теснейшим образом связано с культом птиц. Чаще всего это названия хищных птиц, отличающихся стремительным полетом, например, в именах: Muhammed Çakır Tonga хап (МК, I, 111), Çagrı Beg (МК, I, 421), Çagrı Tegin (МК, I, 415); в этих именах — çakır/çagrı 'сокол'; так, личное имя Togrı (МК, I, 482) восходит к названию птицы, которая «уничтожает тысячу гусей, чтобы съесть одного» (МК, I, 482); Turumtay (МК, III, 243) 'хищная птица' (мужское имя) (ср. turumtaj 'дербник'¹¹, *турумтай* 'перепелятник', 'копчик', 'маленький ястреб'¹²). В имени Behram Çurın (МК, III, 99) *чубин* (иранск.) 'ворона' — «кличка Бахрама на придворном жаргоне времен шаха Хормизда»¹³, царствовавшего в Иране в конце VI века нашей эры.

В «Диване» нашел отражение также древний обычай наречения именем в честь народа, племени, рода: имена Kumuk (МК, III, 338), Kay (МК, III, 158), Kanglı (МК, III, 379), Tekiş (МК, I, 368), Otamış (МК, I, 96) восходят к названиям соответствующих племен. Близки к ним и антропонимы, восходящие к терминам родства, часто это имена, данные в честь предка: Abı (МК, I, 86) — мужское имя, восходящее к abı 'отец', 'дядя', 'дед'. З. Б. Мухаммедова считает, что имя Abı в «Диване», видимо, дано в честь деда мальчика¹⁴. Термины родства нашли отражение также в именах İnal (МК, I, 122), İnal öz (МК, I, 361), где İnal «имя сына женщины из знатного рода и простолюдина» (МК, I, 122), позднее ставшее титулом. Имя Begi (МК, III, 228) восходит, вероятно, к begi 'герой; муж, супруг'¹⁵. Аналогичный термин родства, но более распространенный eg 'муж, супруг', имеющий также и ярко выраженный оттенок 'храбрый, сильный'¹⁶, использован в личном имени Tonga Alp eg // Alp eg Tonga (МК, III, 368 и др.).

Вторую большую группу имен в памятниках составляют **имена описательные**. В состав этой группы входят антропонимы, образованные от слов, обозначающих различные положительные качества личности: силу, мудрость, храбрость, благородство, справедливость и т. д., например: Alp Aya (МК, III, 208), где alp 'герой, богатырь', aya 'лучший'; Bilge Beg (МК, I, 428) 'мудрый бек' (ср.: Bilge çikşān, Bilge qaγan и т. д.). Имя уйгурского хана Köl Bilge хап (МК, I, 429), по Махмуду Кашгари, означает «хан, ум которого обширен, как озеро». Однако В. В. Бартольд справедливо полагал, что автор «Дивана» не увидел в *күл* вариант им же самим приведенного слова *күр* 'твёрдый', 'стойкий'¹⁷. Отсюда происходит имя Köl Bilge хап 'твёрдый, мудрый хан'. Определенные черты человеческого характера отражены и в именах: İpanç Beg (МК, I, 133) 'доверенный, надежный бек'; Ögdülmiş (КВ, 94) 'достохвальный'; Ödgürmiş (КВ, 234) 'пробуждающий'; Uawlak Sāriğ (МК, III, 44), где Uawlak, по Махмуду Кашгари, «крепкий», хотя скорее

¹⁰ А. Гафуров. Лев и Кипарис. О восточных именах. М., 1971, стр. 136.

¹¹ «Древнетюркский словарь», стр. 589.

¹² В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905, т. 3, ч. 2, стр. 1456.

¹³ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 162.

¹⁴ З. Б. Мухаммедова. Личная ономастика у туркмен (по данным исторических источников). — В кн.: «Питання ономастики», II. Київ, 1965, стр. 57.

¹⁵ «Древнетюркский словарь», стр. 91.

¹⁶ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 57.

¹⁷ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5, стр. 82.

Yawlak Sāriğ не имя, а кличка дурного, плохого бека, ибо автор выше приводит Yawlak (МК, I, 177) 'плохой, дурной'¹⁸.

К описательным именам можно отнести также ряд имен арабского и иранского происхождения, например: арабские Kadir (МК, I, 364) 'могучий, влиятельный', Sabit (МК, I, 355) 'твердый, стойкий', Selim (МК, I, 59) 'здоровый, неврежденный'; или иранские Afrasyab (МК, KB) 'грозный'; Rüstem (KB, 470) 'могучего роста', Feridun (KB, 28) 'втроене могучий' и т. д., характеризующие личные качества носителей этих имен.

Описательные имена нередко указывают на обстоятельства рождения ребенка. Тюрки, известные в истории своей воинственностью, часто вели войны. Это тоже нашло свое отражение в ономастике. Махмуд Кашгари приводит имя Kawşut (МК, I, 451) 'мир между царями'. По-видимому, нареченный этим именем ребенок родился в период перемирия. Чаще встречаются имена типа Tokış (МК, I, 368) 'битва', 'сражение'; Süngüş (МК, III, 365) 'сражение', 'война', 'схватка на копьях'; Atış (МК, I, 60) 'стрельба', 'перестрелка', 'бой' и т. п.

Согласно древнему обычаю, мать часто давала имя ребенку по названию той вещи, предмета, который она увидела первым после родов, например, Katmış (МК, I, 460) произошло от *катмыш* 'перстень' (Радлов, т. 2, ч. 1, стр. 305), увиденный роженицей.

Обряд наречения ребенка в древности часто связывался с процессом торговли, обмена и т. д., что нашло отражение в именах Utuş (МК, I, 60) 'выигрыш', Tapdu (МК, I, 205) 'нашел' и т. д. Если в семье долго не было детей или рождались одни девочки, то это обстоятельство почти всегда отражалось на имени родившегося в конце концов мальчика, например, Küsemiş (KB, 46) 'желанный'. Имя Azak (МК, I, 66) 'конец', 'завершение' могли дать родители, не желающие больше иметь детей.

«Людские имена собственные выполняют определенные функции. По своему значению выделяются две пары таких функций, тесно связанных друг с другом: социально-различительная и харизматическая... Вторая призвана обеспечить носителю имени защиту от злых (или покровительство со стороны добрых) сверхъестественных сил...»¹⁹. Вера в сверхъестественную силу слова была основной причиной появления имен-пожеланий. Выражение пожелания ребенку счастья, долголетия, славы и т. д. характерно для многих имен, например: Bektur (МК, I, 455) — от bek 'крепко, крепкий', tur 'стой', 'стой крепко'; имя Çava (МК, III, 225) восходит к çava 'славься', 'стань известным' (это имя давалось юношам) (ср.: Çavaldur, Çavlı Bey²⁰); Beglen (МК, I, 444) 'оберегайся', 'берегись'; Utar (МК, I, 367) 'победит', 'выиграет'; Tapağ (МК, I, 361) 'найдет' и т. д.

Особо следует остановиться на именах рабов и рабынь, упоминаемых в «Диване». Рабы рассматривались прежде всего как собственность, как рабочая сила, как предмет наслаждения и т. п., что отражалось и на их именах. Ayas (МК, I, 123) 'чистое, ясное небо' — так называли красивых рабов; Süli (МК, III, 233), по Махмуду Кашгари, усеченная форма имени Suleyman, но не исключено, что имя восходит к süli 'свежесть, сочность' (МК, III, 134). Название благородного металла легло в основу имен Kümüş (МК, I, 371) 'серебро' и Kümüş tegin (МК,

¹⁸ С. М. Муталлибов. Дивану лугат-ит турк. Тошкент, т. III, стр. 50 (см. примечание 44).

¹⁹ И. В. Бестужев-Лада. Имя человека: прошлое, настоящее и будущее (исторические тенденции развития людских имен собственных и формирование современных антропонимических зон). — «Советская этнография», 1968, № 2, стр. 132.

²⁰ В. Atalay. Türk Büyükları veya Türk adları. Istanbul, 1935, стр. 42.

I, 413) 'раб, чистый, как серебро'. Такие качества раба, как сила, отвага, храбрость и т. д., высоко ценились, и слова, обозначающие подобные качества, нередко становились их собственными именами: Alp tegin (МК, I, 413) 'отважный раб', 'герой'; Kūç tegin (МК, I, 413) 'сильный раб' и т. д. В этих именах tegin употребляется в прямом значении «раб», в отличие от имен типа Bekeç Arslan Tegin, где Tegin — титул членов ханской семьи.

Даже неполный анализ антропонимов «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг» подтверждает многие выводы исследователей тюркской ономастики, о которых было сказано выше.

Изучение ономастики «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг», несомненно, поможет ответить на ряд вопросов истории тюркских народов, их языков, культуры и быта.

А. ДУБИНЬСКИ

КАРАИМСКИЕ ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В КРЫМУ И ИХ СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Наиболее древние поселения караимов были расположены на территории Причерноморья, главным образом на Крымском полуострове. Караимские колонии группировались в таких районах Крыма, как Солхат (Эски Крым), Мангуп, Кыркйер, Бахчисарай, Каффа, Гёзлев и др. Самыми древними из них считаются Солхат, Мангуп, Кыркйер.

Как у большинства других народностей, наречение новорожденных именем у караимов было связано с исповедуемой ими религией и поэтому многие имена у них библейского происхождения. В первую очередь это относится к мужским именам. Об этом свидетельствуют имена надгробных надписей на одном из самых древних караимских кладбищ, расположенном в Кыркйер (ныне Чуфут Кале) около Бахчисарая. С этим кладбищем, известным под названием «Иософатова долина», связан особый культ караимов Крыма. Растущие на нем старые дубы почитались священными и назывались «Балта тиймез» (то есть «топор не смеет прикоснуться»). На этом кладбище хоронили мужчин и женщин, умерших не только в данной местности, но и в других местах, иногда в весьма отдаленных районах Крыма. Надгробные надписи кладбищ Крыма являются основным источником изучения караимской ономастики, особенно женских имен.

Известный в прошлом столетии коллекционер и знаток караимской эпиграфики А. С. Фиркович (1786—1874) занимался ее изучением с исторической точки зрения. Среди своих соплеменников он почтительно именовался Хаджи Баба (то есть «Отец-Паломник»). Именно он является автором труда о надгробных надписях на древних караимских кладбищах в местностях Кыркйер, Мангуп, Солхат, Каффа, Гёзлев¹. Им опубликованы 564 надгробных надписи, высеченные древнееврейским шрифтом, причем последняя эпитафия датирована 1842 годом. Следует отметить, что в семитских языках, в том числе и в древнееврейском, получила развитие консонантическая система письма, в которой гласные выполняют лишь вспомогательную функцию и зачастую вовсе опускаются. К тому же, как правило, отсутствуют диакритические знаки. Это приводит к трудностям палеографического характера при необходимости прочтения недревнееврейских слов и выражений, в данном случае при расшифровке имен собственных и фамилий крымских караимов. Правда, в караимском, как и в других языках, большинство имен собственных имеет нарицательное значение, что в определенной степени облегчает их прочтение.

¹ А. Фиркович. Авнэ зиккарон. Вильна, 1872.

Из 564 эпитафий, опубликованных А. С. Фирковичем, 178 надписей (то есть свыше 30%) посвящены женщинам. О караимских женских именах, распространенных в Крыму, сообщает в своем письме (от 4 апреля 1978 года) С. И. Кушуль, проживающая в Евпатории². Основным источником изучения караимских женских имен остается все же печатное издание надгробных надписей А. С. Фирковича, хотя и остальная информация также была использована нами.

Наиболее многочисленную группу женских имен с этимологической точки зрения составляют имена арабо-персидско-тюркского происхождения. К этой группе принадлежат 40 собственных имен. Некоторые из них встречаются чаще, другие — реже.

Рассмотрим имена этой группы в последовательности, определяемой частотой их употребления.

GULEF (10 случаев употребления). Это сложное слово, восходящее к перс. *gol'-āb* 'розовая вода'³. Ср. также в языке литовско-польских караимов *gil'af* 'роза'⁴. Подобные сложные женские имена с основой на *gul'* часто встречаются в казанско-татарском языке (см. «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965; в дальнейшем — «Справочник»). В близком к караимскому карачаево-балкарском языке отмечено также женское имя *Gülzap* (см. «Справочник»).

ARZU (9 случаев употребления). Это персидское слово со значением «желание, стремление»⁵. В тюркском языковом ареале оно с той же семантикой известно в турецком, азербайджанском и туркменском языках. В язык крымских караимов могло перейти непосредственно из турецкого.

VIKEŖE (9 случаев употребления). Это имя состоит из трех компонентов — *bi(j)* + *ke* + *Ŗe*. Слово *bij* во многих тюркских языках, в том числе в кыпчакских (к которым принадлежит караимский), обозначает «господин; властелин», *ke* и *Ŗe* — аффиксы женского рода или диминутивы. Хотя тюркские языки в основном не знают категорий грамматического рода, однако в некоторых случаях он обозначается⁶. Таким образом, представленное имя переводится как «госпожа; повелительница». В качестве имени нарицательного форма *bikeŖ* известна в татарском языке⁷. С именем *VikeŖe* связаны имена собственные *ViŖe* и *Akbike* (см. далее).

MAVUK (8 случаев употребления). Это слово как апеллятив известно в огузской группе тюркских языков, где оно представлено в фонетической форме *ramuk* со значением «хлопок; вата» (< перс. *rembe*). Переход в анлауте губных *p* > *m* в заимствованных словах — явление, обычное для тюркских языков⁸. К тому же женское имя собственное *Рамук* распространено у туркмен, особенно в народных сказках⁹.

SULTAN (8 случаев употребления). Слово арабского происхождения употребляется на всей территории Ближнего Востока. Когда оно

² Нами была использована также картотека женских имен, составленная Д. М. Гумушом из Севастополя. Обом информаторам приносим глубокую благодарность.

³ Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1960, стр. 425.

⁴ «Караимско-русско-польский словарь». М., 1974, стр. 160.

⁵ Б. В. Миллер. Указ. словарь, стр. 15.

⁶ См.: «Philologiae Turcicae Fundamenta». Bd. I, Wiesbaden, 1959, стр. 268, 330, 429. О категории женского рода в караимском языке см.: W. Zajaczkowski. Sur le genre féminin en langue karaïte. — «Folia Orientalia», 1969, т. XI, стр. 315—317.

⁷ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 71; см. также: Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. СПб., 1869, стр. 303.

⁸ См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 146.

⁹ «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 513.

предшествует имени собственному, то означает «монарх, государь», после имени собственного оно переводится как «жена или дочь султана, принцесса».

ТОХТАР (5 случаев употребления). Здесь имя собственное имеет глагольную форму, восходящую к тюркскому глаголу *tohta-* 'остановиться, задержаться; перестать'. Имя собственное *Тохтар*, представленное в форме аориста, приобретает значение причастия, позволяющее ему выступать в определительной функции. Этим именем чаще всего нарекается ребенок, после которого родители не хотят иметь детей, или же в тех случаях, когда новорожденные умирают — как пожелание, чтобы ребенок остался в живых. Это имя как мужское распространено среди казахов¹⁰. Известны также мужские имена *Tohta* и *Tohtamyş*.

АКВИКЕ (4 случая употребления). Это имя включает два компонента: *ak* + *bike*. Первый из них *ak* во всех тюркских языках означает «белый, белая». Вторая часть *bike*, как и в случае с *Vikeçe*, состоит из основы *bi(j)* + *ke* (аффикс женского рода) и означает «госпожа; повелительница». Как нарицательное существительное *bike* известно в ряде тюркских языков¹¹. Таким образом, имя *Akbike* переводится как «белая (или чистая) госпожа, повелительница». Аналогичные составные имена собственных существуют и в других языках кыпчакской группы. Например, *Gülbike* в кумыкском и татарском, а также *Akbijçe* в караево-балкарском (см. «Справочник»). Уместно напомнить, что женские имена с компонентом *ak*, распространенные в кыпчакской среде, восходят к весьма старой традиции XII века, возможно даже, что и к более раннему времени¹².

ВИКЕЛЕК (4 случая употребления). Это имя собственное следует рассматривать в связи с упоминавшимся выше именем *Akbike*. Здесь, по-видимому, можно было бы выделить составные части *bike* + *lek*, однако в этом случае затруднительно объяснить наличие частицы *-lek*, ибо в тюркском языковом ареале подобного рода морфемы не существует. Возможна и другая расшифровка этого имени, имеющего в древнееврейском написании начертание: *biklk*. Едва ли правомерно прочтение этого имени как *Vikelik* с тюркским аффиксом *-lik*, означающим, как правило, отвлеченные понятия¹³.

ВИÇЕ (4 случая употребления). Это стяженная форма первоначального слова *biççe*, в котором *-çe* является аффиксом женского рода, присоединенным к слову *bi(j)*. Указанный аффикс женского рода встречается также в языке литовско-польских караимов, где слово *biççe* имеет значение «госпожа, королева». Ср. в турецком слово *kraliçe* 'королева', происходящее от *kral* 'король'¹⁴. Кроме караимского, имя собственное *Viççe* известно и в караево-балкарском языке (см. «Справочник»). Уместно добавить, что имя *Viççe* засвидетельствовано в письменных ис-

¹⁰ См.: Т. Жанузаков. Тайны имен. Алма-Ата, 1974, стр. 117; см. также: L. Rásonyi. Der Frauenname bei den Türkvolkern. — «Ural-Altäische Jahrbücher», 1962, Bd. XXXIV, Heft 3—4, стр. 229.

¹¹ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911, т. IV, стр. 1739.

¹² См.: Э. Э. Бертельс. Как звали первую жену Низами? — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 64—66. Подробнее о семантике слова *ak* см.: А. Н. Кононов. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — «Тюркологический сборник. 1975». М., 1978, стр. 170—172.

¹³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, §§ 150—163.

¹⁴ «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 568—569.

точниках¹⁵. В качестве семантической аналогии можно привести женское имя *Melike* (см. далее).

BIJANA (4 случая употребления). Это имя можно расчленить на компоненты *bij* + апа. Первый из них *bij* 'господин, властелин' здесь непосредственно связан со вторым компонентом апа 'мать', широко распространенным в тюркских языках. Таким образом, имя означает «мать королева». Следует указать на сходное в морфологическом отношении имя *Bijkeneš* (см. далее).

MENEVSEK (4 случая употребления). Это заимствование из персидского языка, в котором известно слово *benefše* 'фиалка'. Чередование губных *b ~ m* в начальной позиции — частое явление. Окончание же *-k* может рассматриваться как персидский уменьшительный аффикс. Таким образом, данное имя означает «фиалочка». В турецком языке то же заимствование встречается в несколько ином фонетическом оформлении — *menekşe*. С именем *Menevšek* связано в известной степени собственное имя *Meneveš* (см. далее).

MURAT (4 случая употребления). Это арабское слово со значением «желание; намерение, стремление». Чаше всего оно встречается в качестве мужского имени, распространенного среди народов Ближнего Востока, например, в Турции. Известно оно также в татарском, карачаево-балкарском, осетинском языках и языках Дагестана (см. «Справочник»).

ALTYNKYZ (3 случая употребления). Тюркское слово, состоящее из компонентов *altyn* + *kuz*, где *altyn* 'золото; золотая', *kuz* 'девушка'. Таким образом, это имя означает «золотая девушка». Это имя собственное имеется и в карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»). Дополнительно можно указать на морфологическую аналогию в кумыкском языке, где встречается женское имя *Nurkuz* (см. «Справочник»).

AJTOLU (2 случая употребления). Данное сочетание распадается на тюркские слова: *aj* 'луна' + *tolu* 'полный' и может быть переведено как «полнолуние». С точки зрения семантики, это широко известный на Ближнем и Среднем Востоке символ женской красоты. Настоящее имя собственное засвидетельствовано в памятниках тюркской письменности, точнее в литературно-языковом памятнике караханидской эпохи XI века «Кутадгу билиг», где оно фигурирует в форме *Ajtoldy*¹⁶. Подобные данному собственные имена неоднократно встречаются и в памятниках кыпчакской группы¹⁷. Достаточно много сочетаний с компонентом *aj* в женских именах живых кыпчакских языков, в первую очередь в казахском и татарском. В караимском наряду с *Ajtolu* известна также фонетическая разновидность *Ajtoly*.

BIJKENEŠ (2 случая употребления). Так же как представленное выше женское имя *Biĵapa*, имя *Bijkeneš* является составным словом, включающим компоненты *bij* + *keneš*. К слову *bij* примыкает вторая часть композиции — *keneš*, которая во многих тюркских языках означает «совет; наставление». Это имя можно перевести как «владыческий совет» или «советница властелина».

¹⁵ См.: *J. Németh. The Runiform Inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the Runiform Scripts of Eastern Europe.* — *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1971, t. 21, стр. 7.

¹⁶ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 25; ср. также: *С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования.* М.—Л., 1951, стр. 355.

¹⁷ См.: *L. Rásonyi. Kuman özel adları.* — *«Türk Kültürü Araştırmaları»*, 1966—1969, III—VI, стр. 83—84; *его же. Türklükte kadın adları.* — *«Türk Dili Araştırma Yılığı — Belleten»*, 1963, стр. 63—87.

DOVLET (2 случая употребления). Слово арабского происхождения, имеющее в арабском языке несколько значений, основным из них является «государство, империя». Кроме того, в турецком языке оно означает также «счастье, благополучие»¹⁸. В крымско-караимский язык это слово заимствовано, видимо, через турецкое посредство, и поэтому в женских именах оно выступает во втором значении — «счастье, благополучие». Как мужское это имя известно также в чеченском языке (см. «Справочник»). В караимском встречается его фонетическая разновидность *Devlet*.

MENEVES (2 случая употребления). Это имя связано с упомянутым выше именем *Menevšek* (< *Meneveš-ek*), уменьшительный аффикс *-ek* которого здесь опущен.

SEADET (2 случая употребления). Слово арабского происхождения и означает «счастье, благополучие». Разные варианты его известны и в других тюркских языках: татарском — *Segadet*, башкирском — *Segdet*, кумыкском — *Savdat* (см. «Справочник»).

Женские имена собственные со значением «счастье; счастливая» встречаются и в других языках, например, в латинском — *Beata* или литовском *Laimė*.

Ниже приводятся имена, принадлежащие к этой же этимологической группе, однако зарегистрированные лишь в единичном употреблении. Поэтому можно предположить, что они были менее распространенными.

ALTYN. Как апеллятив во всех тюркских языках означает «золото». Употребленное в качестве женского имени переводится как «золотая». Здесь, очевидно, представлена сокращенная форма более полного имени *Altynkyz* (см. выше). Сокращенные формы имен собственных — явление хорошо известное. На это обратил внимание еще полвека назад один из авторов труда по ономастике¹⁹. Имя *Altyn* существует в караево-балкарском языке (см. «Справочник»).

ASKEJ. Здесь, по всей вероятности, имеет место фонетическая трансформация первоначального *Hadži-ke*. Известны случаи, когда первый компонент *hadži* сводится к форме *ač*. Об этом говорит, например, имя крымского хана Хаджи-Гирея, в исторических источниках представленное в форме *Ač-kirej*²⁰. Заметим, что щелевой заднеязычный согласный *x* в заимствованиях в анлауте очень часто полностью редуцируется. Подобное фонетическое явление имеет место, например, в разговорной речи литовско-польских караимов: *adži* < ар. *hadži*; *afta* < перс. *haftā* и др. Это можно наблюдать и в других тюркских языках. В качестве примера укажем на формы *ažāt* < *hažāt*, *ažib* < *hažib*, засвидетельствованные в «Кутадгу билиг»²¹, а также в казахском языке, ср. *Abyz* из ар. *Xafiz*, *Asan* из ар. *Xasan*, *Anira* из ар. *Xanifa* и др.²² Что же касается второго компонента сложения, то он представляет собой аффикс женского рода *-ke*. Подобно тому как *bi-ke* означает «госпожа, жена властелина», *hadži-ke* имеет значение «жена хаджи (совершившего паломничество)».

¹⁸ См.: *Х. К. Баранов*. Арабско-русский словарь. М., 1958, стр. 340, а также: «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 225.

¹⁹ См.: *M. Noth*. Die israelitischen Personennamen im Rahmen der gemeinsemitischen Namengebung. Stuttgart, 1928, стр. 36—37.

²⁰ См.: *Michalonis Lituani*. De moribus Tartarorum, Lituorum et Moschorum. Basileae, 1615, стр. 3.

²¹ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 74.

²² *Т. Жанузаков*. Указ. раб., стр. 12, 26, 33.

АРИЈ. Известно женское имя собственное с этим же окончанием в кумыкском языке, трансформировавшееся в *Atij* (см. «Справочник»). Если предположить, что *Atij* восходит к распространенному в тюркских языках слову *ata* 'отец, предок', то *Arij* можно считать производным от *ара ~ аба*, то есть стяженной формы другого термина родства *abla*, известного в турецком языке в значении «старшая сестра». Кроме того, собственные имена с компонентом *ара ~ аба* засвидетельствованы в исторических источниках кыпчакских языков²³.

BALXATYN. Это составное слово, с прозрачной тюркской семантикой: *bal* + *xatyn* 'мед + женщина, жена'. Сходное в морфологическом и семантическом отношениях женское имя *Balkyz* встречается в карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»).

BIBÜS. В узбекском языке имеется слово *bibiš*, означающее «госпожа, хозяйка», употребляющееся обычно в качестве прибавления к женским именам при почтительном обращении. Несомненно, с этим словом связаны также составная часть узбекских имен собственных и почтительное обращение к женщине — *bibi*²⁴. Морфема *-š* является уменьшительно-ласкательным аффиксом в ряде тюркских языков.

GEVHER. Имя собственное, хорошо известное на всей территории Ближнего и Среднего Востока. Как апеллятив арабско-персидского происхождения имеет значение «драгоценность». У тюркоязычных народов в качестве женского имени собственного распространено преимущественно в татарском и карачаево-балкарском языке (см. «Справочник»).

GULÜS. Уменьшительно-ласкательная форма нарицательного имени *gül* 'роза', образованная посредством присоединения ласкательного аффикса *-š*. Переводится «маленькая роза, розочка».

KERECE. В этом имени этимологически ясна лишь частица *-ce*. Арабское слово *kece* 'раз' вряд ли может служить объяснением значения этого имени. По палеографическим особенностям трудно допустить возможность его другого прочтения, например, *кагаца*.

MELIKE. Это слово арабское и как апеллятив значит «королева». Можно при этом указать на семантическую аналогию с именем *Viçe* (см. выше). Имя *Melike* встречается и в других кыпчакских языках, например, в татарском (см. «Справочник»).

NAZLY. Здесь имеет место сочетание персидского заимствованного слова *naz* 'кокетливость, жеманство' с тюркским аффиксом обладания *-ly*. Таким образом, рассматриваемое имя означает «кокетливая». Известно также женское имя собственное, бытующее в карачаево-балкарском языке в форме *Nazluxan* (см. «Справочник»).

SANGARIT. Это имя жены Исаака Сангари, одного из караимских миссионеров, могила которого находится также на кладбище в Кырк-йер²⁵.

SEVERGELIN. Имя турецкое по происхождению и означает: *sever* 'дорогая, любимая' и *gelin* 'невеста, невестка'. Любопытно отметить, что с основой глагола *sev* 'любить' связаны имена собственные, засвидетельствованные в древних памятниках тюркской письменности²⁶.

TOTES. Подобно тому как *Bibiš* связано с *bibi*, так и *Toteš* связано со словом *tota* 'старшая сестра' — одним из терминов родства в крым-

²³ Подробнее об этом см.: *L. Rásonyi. Kuman özel adları*, стр. 77—78.

²⁴ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 70.

²⁵ По этому поводу см.: *S. Szyszman. Les inscriptions funéraires découvertes par A. Firkowicz. — «Journal Asiatique», 1975, t. 263, fasc. 3—4, стр. 231—264.*

²⁶ См.: *P. Zieme. Materialien zum uigurischen Onomasticon I. — «Türk Dili Araştırma Yıllığı — Belleten», 1978, стр. 74, 81.*

ско-караимском языке. Отыменный аффикс *-š-* и здесь выступает в уменьшительно-ласкательном значении. Такую же семантику имеет эта морфема при терминах родства в башкирском языке²⁷. Следует указать на ласкательные формы мужских имен, таких, как *Ibraš* (от *Ibrahim*) или *Memiš* (от *Memed*) и др. В ряде тюркских языков употребление уменьшительно-ласкательных аффиксов в сочетании с именами собственными получает распространение с XIII века²⁸. В кумыкском языке встречается собственное женское имя *Totuš* (см. «Справочник»).

XANYKE. Здесь, видимо, представлена стяженная форма первоначального *Хапут-ке*. Слово *хапут* употребляется в ряде тюркских языков в значении «госпожа; жена» и при почтительном обращении к женщине. Частица *-ke* и здесь выполняет функцию аффикса женского рода.

XANYŠ. Подобно тому как слово *Bibüş* связано с *bibi*, а *Gulüş* с *gül* (см. выше), так и слово *Хапуš* связано с *хапут* или *хап* в сочетании с ласкательным аффиксом *-š*.

EVER. Самым близким к этому слову по семантике следует считать турецкий глагол *evermek* 'выдавать замуж', представляющий собой сокращенную форму *ege vermek* в таком же значении²⁹.

EVEGEL. Семантика этого имени достаточно прозрачная: *ev-e* 'домой' и *gel* 'приходи'. Таким образом, все выражение означает «приди домой».

EMŠI Это отглагольное имя образовано посредством продуктивного в тюркских языках аффикса *-di* со значением действующего лица от глагола *em-* 'сосать'. Данное имя можно перевести как «сосущее (дитя)».

Следующую этимологическую группу, значительно меньшую по количеству, составляют имена библейского происхождения. Эти имена связаны с исповедуемой религией. Некоторые караимские женские имена библейского происхождения распространены и у других восточных народов.

Как явствует из публикации А. С. Фирковича и упомянутой переписки, к наиболее распространенным караимским женским именам библейского происхождения относятся нижеследующие.

DINA. В такой же форме это имя бытует в кумыкском (см. «Справочник») и казахском языках³⁰.

MERJAM. Распространено также в татарском и в других тюркских языках (см. «Справочник»).

RAXIL' или **RAIL'**. Наряду с караимским это имя известно в татарском и башкирском языках, где оно засвидетельствовано в форме *Raxile* и *Raile* (см. «Справочник»).

RUXAMA. В татарском это имя представлено в форме *Raxime* (см. «Справочник»).

SARRA. Встречается также в татарском языке в фонетической разновидности *Sara* (см. «Справочник»).

TAMARA. Это имя распространено и на Кавказе. В чеченском языке наряду с данной формой имеется также имя *Dogмага* (см. «Справоч-

²⁷ См.: *J. Benzing*. Das Baschkirische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Bd. I. Wiesbaden, 1959, стр. 428.

²⁸ См.: *L. Rásonyi*. Der Frauenname bei den Türkvölkern. — «Ural-Altaische Jahrbücher», 1962, Bd. XXXIV, Heft 3—4, стр. 239.

²⁹ См.: *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I, стр. 941.

³⁰ См.: *Т. Жанузаков*. Указ. раб., стр. 48.

ник»). Как нарицательное существительное это слово означает «пальма».

XAVA. Встречается также в карачаево-балкарском, татарском, чеченском языках (см. «Справочник»).

XANNA или ANNA. Данное имя собственное известно у многих народов.

ESTER (библейская трансформация имени вавилоно-ассирийского божества Ištar³¹). В караимском это имя бытует также в форме Stira или Stir.

В этом же ряду находятся имена: Batševa, Beruxa, Devora, Šelomit и др.

Интерес представляют собственные имена, возникшие как результат сочетания имен обеих этимологических групп (арабо-персидско-туркской и библейской) например: Sarra-Xatun и Ester-Sultan.

Отдельно следует остановиться на именах греческого происхождения, на именах со славянскими окончаниями, а также на именах, происхождение которых не удалось полностью установить.

А. Имена греческого происхождения.

ARKOROPLA. Сокращенная форма более полного имени Arkopora — 'дочь Аркороса'. На надгробной эпитафии указано, что покойная родилась в Константинополе. Это весьма существенное разъяснение, так как разговорная речь проживающего в Константинополе караимского населения представляет собой архаический греческий говор, сложившийся, по-видимому, еще в византийские времена.

KIL'JA или KALIJA. Происходит, как можно предположить, от греческого слова kale, kali 'красивая'.

KIRA. Известное греческое имя.

FENERIJA или FANARIJA. Восходит, вероятно, к Fanariotes — имени богатых греческих купцов в Константинополе. С этим именем безусловно, связана караимская фамилия в Крыму — Fenerli³².

FROSIN, FROSINI, FOROSONI, FIRSIN. Это фонетические разновидности греческого имени Eufrosyne, в разговорном произношении звучащего Evfrosini.

FUMIJA или FOMIJA. На надгробии покойной с этим именем также отмечено, что она родилась в Константинополе. Это, должно быть, женская форма греческого имени Thomas > Thoma > Foma.

Б. Имена со славянским окончанием.

ANKA, MANKA, NASKA (NUSKA), SARKA, SONUK. Об этих именах опубликована статья, в которой делается попытка их объяснения. По словам автора статьи, эти имена принадлежат женщинам, переселившимся в Крым из южнорусских степей³³.

В. Имена невыясненного происхождения.

AVIAMA и FUMULA.

На протяжении последних ста лет, в особенности со второй половины XIX века, караимских девочек в Крыму нарекали европейскими именами и прежде всего именами, распространенными в России: *Вера, Елена, Надежда, Наталья, Ольга, Раиса, Татьяна* и т. д.

Таким образом, на основании приведенного выше материала можно сделать вывод, что большинство караимских женских имен в Крыму

³¹ См.: M. Noth. Указ. раб., стр. 11.

³² Подробнее об этом см.: Istanbul Ansiklopedisi. Cilt 10. Istanbul, 1971, стр. 5636—5641.

³³ T. S. Lewi-Babowicz. Karaimi na ziemiach południowo-ruskich w wiekach IX—XVII. — «Mysł Karaimska», 1929, t. 2, zesz. 2, стр. 25—32.

не связано с исповедуемой религией. Самая обширная группа имен — это имена арабо-персидско-тюркского происхождения, распространенные среди народов, остававшихся в сфере влияния культуры ислама. В тюркоязычной среде рассмотренные имена чаще всего встречаются в карачаево-балкарском, кумыкском, татарском, башкирском языках, принадлежащих вместе с караимским к кыпчакской группе тюркских языков, и восходят к именам, засвидетельствованным в памятниках кыпчакской письменности.

Анализ караимских женских имен³⁴ указывает на отражение исторических связей, поддерживаемых караимами на протяжении многих столетий с близкими и другими народами. С этой точки зрения, наряду с именами, распространенными по всей территории Ближнего и Среднего Востока, особого внимания заслуживают также греческие и славянские имена.

³⁴ Относительно вопросов семантики тюркских имен собственных см.: S. Kakuk. Quelques catégories de noms de personne turcs. — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», 1974, t. 28, стр. 1—35.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. МАМАТОВ

ОБ ОТЛИЧИИ СОБСТВЕННОСЛОЖНЫХ СЛОВ ОТ СИНТАКСИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

В ряде научных работ собственносложные слова выделяются в особый вид тюркских сложных слов¹. А. Н. Кононов указывает некоторые существенные признаки собственносложных слов, «компоненты которых сохраняют свою форму и ударение, образуя ритмико-мелодическое единство»². Более подробно о собственносложных словах говорится в специальном разделе монографии С. Н. Муратова, где они группируются главным образом в зависимости от принадлежности их компонентов к той или иной части речи³.

Отличительные особенности этих лексических единиц весьма основательно рассматриваются и в монографии А. Хаджиева, высказывающего следующую точку зрения по этому вопросу: «Отсутствие синтаксической связи между компонентами сложного (собственносложного. — Н. М.) слова показывает, что они в его рамках не являются словами. Несмотря на то, что сложное слово состоит из двух или более основ, оно является одним словом, а в рамках одного слова никогда не может быть синтаксической связи. Синтаксическая связь может существовать только между двумя или более словами. Сложное слово состоит не из слов, а из основ»⁴. «Корень или основа считается морфемой, но не словом»⁵.

Эти положения А. Хаджиева имеют большое теоретическое значение для узбекского языкознания, в котором до последнего времени господствовало мнение, что «сложное слово состоит из двух или более слов»⁶. Подобное представление существовало еще в конце XVIII сто-

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 131; С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961, стр. 44—45; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 56; Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 42—43 и др.

² А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 131.

³ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 45—61.

⁴ А. Хаджиев. Узбек тилида кўшма, жуфт ва такрорий сўзлар. Тошкент, 1963, стр. 15—16.

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ См.: Б. Мадалиев. Ҳозирги ўзбек тилида кўшма сўзлар. Тошкент, 1966, стр. 10, 54; «Ҳозирги ўзбек адаби тили». Т. 1. Тошкент, 1966, стр. 192 и др.; см. Ф. А. Ганиев. К вопросу о сложных словах в современном татарском языке. — В сб.: «Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка». Казань, 1976, стр. 109; Ф. А. Ганиев, например, пишет: «Сложные слова в тюркских языках, как известно, состоят из двух, изредка из трех слов».

летия, сформулированное Иосифом Гигановым: «Сложное слово есть то, которое составлено из двух или нескольких слов»⁷.

Характерные особенности собственносложных слов выявляются при сопоставлении их со словосочетаниями. Многие из этих особенностей указывались в ряде работ, посвященных проблемам сложных слов и словосочетаний. Однако такие признаки, как, например, фонетические изменения, переносное употребление, переосмысление или идиоматичность, а также незаменимость компонентов, отмечаемые отдельными исследователями, не являются характерными, поскольку они свойственны не всем собственносложным словам, и, что самое главное, они не могут служить критерием различения собственносложных слов от словосочетаний, так как присущи и тем, и другим.

С нашей точки зрения, при сопоставлении собственносложных слов и словосочетаний в целях их различения необходимо руководствоваться нижеследующими наиболее характерными особенностями.

1. Между компонентами собственносложных слов нет и не может быть непосредственной синтаксической связи⁸, ибо в рамках сложного слова они являются морфемами, а синтаксическая связь возможна лишь между самостоятельными лексическими единицами словосочетания или предложения.

2. Компоненты, составляющие собственносложное слово, выполняют общую синтаксическую функцию. В отличие от словосочетания, ни одна из составляющих собственносложного слова не может самостоятельно выступить в качестве члена предложения. Так, например, слова *ошқозон* (досл. 'пища—котел') 'желудок' и *оқсоқол* (досл. 'белый—борода') 'белобородый', 'староста' в предложении могут выполнять функцию подлежащего или определения только в совокупности, не разлагаясь на компоненты. Вместо *ошқозоним касал* 'болит мой желудок' нельзя сказать *ош касал* 'пища болит' или *қозоним касал* 'мой котел болит'. Точно так же вместо *оқсоқол чол* 'белобородый старик' невозможно выразиться *оқ чол* 'белый старик' или *соқол чол* 'борода старик'.

3. В отличие от словосочетания, в котором каждое слово может самостоятельно сочетаться с другими словами, то есть участвовать одновременно в образовании нового словосочетания, компоненты собственносложного слова не могут вступать в самостоятельную синтаксическую связь с другими словами. Это очень наглядно и убедительно подтверждает цельность, неделимость структуры сложных слов. Возможны лишь следующие словосочетания со сложными словами: *қора оққушлар* 'черные лебеди', *зоғчақйз эчки* 'светлоглазый козел'.

⁷ «Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими засвидетельствованная». СПб., 1801, стр. 45. (Цитируется по указанной работе С. Н. Муратова, стр. 5). О сложном слове в русском языке см.: Ф. И. Буславев. Историческая грамматика. М., 1959, стр. 91; Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительное языкознание. Литографированные лекции, 1899—1900, стр. 208; К. Ф. Петров. Русский язык. Этимология в образцах. 34-е издание с изменениями, внесенными проф. Д. Н. Ушаковым. М.—Пг., 1923, стр. 25. Несмотря на утвердившуюся в русском языкознании точку зрения, что сложное слово складывается не из слов, а из корней слов, до сих пор некоторые лингвисты считают, что «слово (значит, и сложное. — Н. М.) может состоять из двух и более слов» (См.: И. Е. Аничков. Об определении слова. — В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963, стр. 153).

⁸ Отсутствие синтаксической связи между компонентами сложного слова еще не говорит о его неграмматичности: многие собственносложные слова были свободными словосочетаниями, другие образовались по той же модели, то есть порядок следования компонентов сложного слова такой же, как и у свободного словосочетания.

Известный немецкий ученый Герман Пауль отмечал, что «порой первый определяющий член сложного слова сопровождается определением точно так же, как если бы он был самостоятельным словом»⁹. В узбекском языке нет фактов, подтверждающих это положение.

4. Собственносложное слово относится к определенной части речи, чего нельзя сказать о словосочетании. Так, например, в сочетании *қоракўз қиз* 'черноокая девушка' сложное слово является прилагательным. Сложные прилагательные, как и простые, могут субстантивироваться и выполнять в предложении все функции существительного. Ср. *қоракўз келди* 'черноокая пришла', *қоракўзни севаман* 'люблю черноокую'.

*Меҳрибонлар, азиз дўстлар,
Қўришамиз яқин кунда,
Қоракўзлар, ширин сўзлар,
Учрашармиз яқин кунда.*

(«Фронтдан хат»)¹⁰

*'Любящие нас, милые друзья,
Увидимся мы скоро,
Черноокие, сладкоречивые,
Встретимся мы скоро'.*

(«Письмо с фронта»).

5. Компоненты собственносложного слова не могут распространяться, расширяться самостоятельно и по этой причине не могут располагаться дистантно. Дистантное расположение компонентов свойственно только словосочетанию или предложению. Ср.: *бешта китоб* 'пять книг' и *бешта янги китоб* 'пять новых книг'; *Аҳмад келди* 'Ахмед пришел' и *Аҳмад кеч келди* 'Ахмед пришел поздно'. «При дистантном расположении компонентов сложного слова оно либо разлагается на обычное синтаксическое сочетание, либо же утрачивает смысл и превращается в искусственный набор слов без определенного значения»¹¹. Ср.: *оққушлар* 'лебеди' и *оқ қора қушлар* 'белые черные птицы'; *зоғчакўз* (досл. 'галка—глаз') 'светлоглазый' и *зоғча эчки кўз* 'галка козел глаз' — бессвязный набор слов.

6. Компоненты собственносложного слова, как и морфемы простого слова, не подвергаются инверсии, например, вместо *оққуш* или *зоғчакўз* нельзя сказать *қуш-оқ* или *кўз-зоғча*, так как и в этом случае сложное слово потеряет свое лексическое значение, превратится в словосочетание или в предложение («птица белая»), либо же в бессмысленный набор слов («глаз галка»). Для словосочетания же инверсия вполне допустима, так как оно и в этом случае сохраняет свое смысловое (лексическое) значение. Ср.: *янги китоб* 'новая книга' и *китоб янги* 'книга новая'; *(у) хатни ўқиди* '(он) письмо читал' и *(у) ўқиди хатни* '(он) читал письмо'.

7. Собственносложное слово в узбекском языке имеет одно силовое ударение, падающее в основном на последний слог: *зоғчакўз*, *қоракўз*, *ошқозон*, *оққўш*; *ўринбосар* 'заместитель', *яхшиқўрмоқ* 'любить', *кулиб-юбордилар* 'все вдруг засмеялись', реже — на первый слог: *ҳарбир* 'каждый', *ҳарҳолда* 'во всяком случае', *ҳечким* 'никто', *ҳечнима* 'ничто' и т. п.¹²

⁹ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 407.

¹⁰ О. Собиров. Узбек совет фольклори очерки (1941—1965). Тошкент, 1971, стр. 43.

¹¹ Ф. А. Ганиев. К вопросу о сложных словах в современном татарском языке. — «Советская тюркология», 1976, № 4, стр. 34.

¹² А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 55.

8. В отличие от словосочетания, компоненты которого в потоке речи отделяются друг от друга определенной паузой (как самостоятельные слова), между компонентами собственносложного слова отделительная пауза отсутствует, как и между морфемами любого слова. Безусловно, это трудно заметить в процессе обычной разговорной речи. Но это можно установить путем сравнения собственносложного слова и словосочетания, сходных по морфологической структуре. Ср.: узб. *йирік мевалі дарахт* 'крупное плодовое дерево' и *йирікмевалі дарахт* 'крупноплодное дерево', то есть 'дерево с крупными плодами', тат. *кызыл туш* 'красная грудь' и *кызылтуш* 'снегирь'.

9. Известно, что логическое ударение можно сделать на любом компоненте словосочетания. Что же касается собственносложного слова, то оно выражает одно понятие, является одним членом предложения и между его компонентами отсутствует разделительная пауза, поэтому «логическое ударение можно сделать только на всем сложном слове в целом»¹³.

Кроме того, собственносложные слова имеют ряд дополнительных признаков (см. ниже).

10. В отличие от словосочетаний, каждый компонент которых обязательно состоит из знаменательного слова, в качестве слагаемого (компонента) собственносложного слова в узбекском языке могут выступать и незначащие слова — служебные: *хамкасб* [*хам* 'и (союз)', 'также' + *касб* 'профессия'] 'коллега'; *хамда* [*хам* 'и (союз)' + *-да* 'ведь (частица)'] 'да ведь', 'а также'; *нақадар* (*на* 'что' + *қадар* 'до (последлог)'] 'насколько'; особенно междометия: *эвоҳ* (э 'эх', 'ах', 'ай' + *воҳ* 'ах!', 'ох!') 'увы!'; *войдод* (*вой* 'ой!', 'ай!' + *дод* 'крик о помощи') 'караул!'; *ҳадеб* (*ҳа* 'да' + *деб* — деепричастие от глагола *демоқ* 'говорить', 'сказать') 'то и дело', 'без конца'; звукоподражательные слова: *шаршара* (*шар* — звукоподражание урчанию, журчанию + суфф. *-а*) 'водопад'; *пирпирамоқ* (*пир* — звукоподражание шуму крыльев птиц + суфф. *-а* и *-моқ*) 'трепетать' и т. п.¹⁴

11. Собственносложное слово в совокупности всех составляющих его компонентов может обозначать одно понятие: предмет или признак предмета, например: *ошқозон* 'желудок', *бойўғли* 'сыч', *туяқуш* 'страус', *отбоқар* 'конюх', *дунёқараш* 'мировоззрение', *қоракўз* 'черноглазый', *кўккўз* 'синеглазый', *зоғакўз* 'светлоглазый'.

Хотя последний признак характерен почти для всех собственносложных слов, он является дополнительным признаком, так как позволяет отличить собственносложные слова только от свободных словосочетаний, ибо устойчивые словосочетания, особенно фразеологические, как и сложное слово, могут выражать единое понятие¹⁵. Ср.: *жимжилоқ* 'мизинец' и *ўрта бармоқ* 'средний палец'.

Существуют собственносложные слова, компоненты которых сохраняют свое лексическое значение. Е. А. Крашенинникова по этому поводу отмечает: «Многие копулятивные сложные слова характеризуются тем, что их значение — прямая сумма значений составляющих частей»¹⁶. Это положение подтверждается следующими относительно

¹³ Ср.: В. З. Панфилов. Об определении понятия слова. — В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963, стр. 140.

¹⁴ Это свойство узбекских собственносложных слов, отличающее их от индоевропейских, в частности от русских сложных слов, нуждается в специальном освещении.

¹⁵ М. И. Адиев. Сложные слова в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1958, стр. 5.

¹⁶ Е. А. Крашенинникова. Новое в немецкой грамматике. Вып. 4. М., 1965, стр. 88.

сложными словами типа: узб. *темир йўл*¹⁷ 'железная дорога', *оққуш* 'лебедь', азерб. *азсавадлы* 'малограмотный', *гардашоғлу* 'сын брата — племянник', нем. *dreizehn*, узб. *ўн уч* 'тринадцать', русск. «триста, пятьсот», узб. *уч юз, беш юз*, русск. «умалишенный, высокообразованный» и т. п.

То обстоятельство, что некоторые сложные слова при дословном переводе приобретают в другом языке характер словосочетаний, свидетельствует о расчленяемости их в семантическом плане. Ср.: русск. «умалишенный» — *ақлдан озган*, «вышеизложенный» — *юқорида айтилган*, *юқорида баён этилган*, узб. *қандчай (қантчай)* 'сахарный чай', 'чай с сахаром', *соқолтароқ* 'гребень для бороды', нем. *Atom bombe* 'атомная бомба', узб. *атом бомбаси*, нем. *Goldmedaille* 'золотая медаль', узб. 'олтин медаль' и т. п. Подобные сочетания в языке-источнике являются сложными (точнее — собственносложными) словами благодаря своей грамматической и фонетико-просодической монолитности. Ср. адыгские *шышлэ* (досл. 'лошадь-молодая') 'жеребенок', *унэшлэ* 'новый дом', *шытхъуэ* 'буланая лошадь', *lutl* 'две руки'¹⁸.

Само собой разумеется, что основные признаки собственносложных слов резко отличают их и от фразеологических единиц, являющихся словосочетаниями, сохраняющими синтаксическую связь и разделительную паузу между компонентами, а также яркую образность. Следует, однако, заметить, что сочетания типа узб. *қўйқўз* (досл. 'баран-глаз') 'кареглазый', тат. *куян йөрэк*¹⁹ (досл. 'заяц-сердце') 'трусливый', относимые некоторыми лингвистами к фразеологическим единицам²⁰ или свободным словосочетаниям²¹, имеют все основные признаки и свойства сложных, в том числе собственносложных слов: они (целиком) выражают одно лексическое понятие — признак предмета, следовательно, морфологически являются прилагательными, а синтаксически — определениями (*қўйқўз бола* 'кареглазый мальчик', *куян йөрэк егит* 'трусливый парень') и только целиком могут вступать в синтаксические отношения с другими словами. Так, например, вместо *қўйқўз бола* невозможно сказать *қўй бола* 'баран-мальчик' или *қўз бола* 'глаз-мальчик'; между компонентами прилагательных *қўйқўз* и *куян йөрэк* нельзя вставлять другие слова; компоненты их не могут подвергаться инверсии: нельзя также сказать вместо *қўйқўз* — *қўзқўй*, вместо *куян йөрэк* — *йөрэк куян*. В потоке речи, когда эти слова употребляются как прилагательное или существительное, они имеют одно главное, силовое ударение, которое может переходить на суффикс: *қўйқўз бола*, *қўйқўзлар* 'кареглазые', *қўйқўзларим* 'мои кареглазые'; между компонентами таких сочетаний отсутствует разделительная пауза, а, самое главное, между ними нет и не может быть синтаксической связи, например, первые компоненты этих сочетаний (*қўй*, *куян*), не могут выступать определением по отношению к последующим (*қўз*, *йөрэк*).

По этим причинам, как нам кажется, конструкции типа узб. *қўйқўз*, тат. *куян йөрэк* в ряде тюркских языков воспринимаются как монолитные слова. Ср.: азерб. *малбаш* (досл. 'скотина—голова') 'тупица', узб.

¹⁷ См.: «Узбек тили грамматикаси», т. I. «Морфология». Тошкент, 1975, стр. 35.

¹⁸ М. А. Кумахов. К проблеме сложного слова. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1963, т. XXII, вып. I, стр. 43.

¹⁹ Все сложные слова даны в той форме, в какой они встречаются в словарях того или иного языка, хотя все признаки собственносложных слов требуют их слитного написания с учетом орфоэпических изменений.

²⁰ Ф. А. Ганиев. К вопросу о сложных словах..., стр. 36.

²¹ См.: Ш. Рахматуллаев. Нутқимиз кўрки. Тошкент, 1970, стр. 4—5.

итфезл (досл. 'собака—характер') 'сварливый', уйг. *шамшатқэт* (досл. 'самшит—стан') 'стройная', казах. *ержурек* (досл. 'мужчина—сердце') 'храбрый' и т. д.

Точно так же имеют все признаки сложных слов сочетания, образованные по моделям 1) **П + И**, 2) **И** с аффиксом принадлежности 3-го лица единственного числа **+ П** или **И**, где **П** — прилагательное, **И** — имя существительное в именительном падеже или с нулевым показателем. Ср.: 1) узб. *очкўз* (досл. 'голодный глаз') 'жадный', азерб. *шоркўз* 'бабник', башк. *алаганат* 'летун', каз. *аксујек* 'дворянин', *ак журек* 'простодушный', ккалп. *ак суек* 'аристократ', кирг. *ак сөөк* 'аристократ', тат. *аксөяк* 'аристократ', *тишек авыз* 'болтун', тур. *aksoy* 'знатный', *aşikgöz* 'расторопный', туркм. *ачгөз* 'алчный', уйг. *аксуңэк* 'аристократ', *шортумшуқ* 'упрямец'; 2) узб. *ичиқора* (досл. 'внутренность его черная') 'нечестный', 'коварный', *бағритош* (досл. 'сердце его камень') 'жестокый', каз. *басы бос* 'незамужняя', ккалп. *қоли қалп* 'не чист на руку', кирг. *колу кыска* 'ему не под силу', тат. *башы тишек* 'понимает', уйг. *қоли кәң* 'щедрый', тур. *başiboş* 'бездельник', *koluzun* 'влиятельный', азерб. *ағзыачыг* 'ротозей', *ағзыбош* 'болтун', *ағзыелли* 'заносчивый', *ағзыпозуг* 'сквернослов', туркм. *агзыбир* 'дружный', *агзыбош* 'пустослов', *агзысары* 'желторотый', 'зеленый', *голы юка* 'бедный' и т. д.

Таким образом, данные наблюдений показывают, что двухкомпонентные конструкции указанных моделей в этих языках имеют основные свойства собственносложного слова, независимо от того, утратили они или сохранили свою образность и экспрессивность.

По степени соответствия указанным основным признакам собственносложные слова можно разделить на две группы: истинные и относительные.

Истинными сложными словами являются сочетания, имеющие все признаки собственносложных слов. Характерной особенностью таких слов является то, что все их компоненты только в совокупности выражают одно понятие; один (например, последний) его компонент не может изолированно от других употребляться в значении общего (родового) названия предмета, выраженного целым сочетанием. Примерами истинных собственносложных слов являются все сочетания типа: узб. *қўйқўз*, *қуёнюрэк*; *очкўз*, *шўртумшуқ*; *ичиқора*, *бағритош*, *ошқозон* (переводы см. выше), *тошюрэк* (досл. 'камень—сердце') 'жестокый', *бойғўгли* (досл. 'богач—сын—его') 'сыч', *қизилиштон* (досл. 'красные штанины') 'дятел', *бешбармоқ* (досл. 'пять—палец') 'вид кушанья' и 'вид растения', *учбурчак* (досл. 'три + угол') 'треугольник' и т. д. Сюда же относятся сочетания типа *иккиёқлама* 'двухсторонний', *ҳартарафлама* 'всесторонний', *шаршара* 'водопад', *пирпирамоқ* 'вертеться', где один из компонентов (*-ёқлама*, *-тарафлама*, *-шара*, *-пирамоқ*) в данной форме самостоятельно не употребляется.

Относительные собственносложные слова от истинных отличаются тем, что один из их компонентов, обычно последний, может употребляться в качестве общего (родового) названия предмета или признака предмета, выраженного целым сочетанием, например, в словах *гулбарг* 'лепесток', *уруғбарг* 'семядольный лист', *косабарг* 'чашелистник', *қайчибарг* 'ланцетовидный лист', *тангабарг* 'ювенильный лист' последний компонент *барг* 'лист' употребляется как общее название всяких листьев. Такими же относительными сложными словами являются сочетания типа *оққуш* 'лебедь', *қорақуш* 'орел степной', *бойқуш* 'сыч', *туяқуш* 'страус' и ботанические термины *ёпиқуруғли* 'покрытосемянный', *очиқуруғли* или *ялонғочуруғли* 'голосемянный', *йириқуруғли* 'крупносемянный', *майдауруғли* 'мелкосемянный' и т. п.

Последний компонент относительных собственносложных слов, выражающий общее (родовое) понятие, может самостоятельно вступать в синтаксические отношения с другими словами. Ср.: узб. *оққуш учиб кетди* 'лебедь улетел' и *қуш учиб кетди* 'птица улетела', азерб. *азсавадлы адам* 'малограмотный человек' и *савадлы адам* 'грамотный человек'. В данном случае первый компонент логически уточняет, определяет последний, что придает собственносложному слову, особенно образованному по модели **П + И**, определенное сходство со свободным словосочетанием. Ср.: *оққуш*, *қорақуш* и *оқ байроқ* 'белый флаг', *қора байроқ* 'черный флаг'. Вероятно, эти особенности сложных слов дают основание сомневаться в их принадлежности к монолитным единицам лексики. Так, например, А. А. Юлдашев утверждает: «В довершение всего в современных тюркско-русских словарях на правах сложных слов обильно зафиксированы... и бесспорные словосочетания типа азерб. *бирпәрдәли* 'одноактный', татар. *кырык градуслы* 'сорокаградусный'»²². Сам А. А. Юлдашев замечает, что многие сложные слова этой модели «по интонационному членению... мало чем отличаются от многосложного „простого“ слова. Ср.: *бир нисе* 'несколько' и *берлешмә* 'объединение'»²³. Ср. также азерб. *бирпәрдәли* и *дәфтарләри* 'тетради его'; узб. *тўққизбалли* 'девятибальный' и *истиқболли* 'перспективный'.

Однако сложные слова данного типа отличаются от свободных словосочетаний именно «по интонационному членению»: компоненты сложных слов произносятся без разделительной паузы, присущей словосочетаниям: Ср.: *йирик мевалий дарахт* 'крупное плодовое дерево' и *йирик-мевалий дарахт* 'крупноплодное дерево' или 'дерево с крупными плодами', *икки моторли қайиқ* 'две моторные лодки' и *иккимоторли қайиқ* 'двухмоторная лодка'.

Этот отличительный признак свойствен всем относительным сложным словам, в том числе и образованным по другим моделям. Например, ср.: *оқ қуш* 'белая птица' и *оққуш* 'лебедь', *у анжир*, *шафтоли олиб келди* 'он принес инжир, персики' и *у анжиршафтоли олиб келди* 'он принес инжировидные²⁴ персики'. Благодаря сохранению семантической и ритмико-интонационной самостоятельности первый компонент свободного словосочетания в предложении выполняет лишь синтаксическую функцию — выступает определением, дополнением, подлежащим и т. п., чего нельзя сказать о первом компоненте собственносложного, в том числе относительного собственносложного слова.

Сложные слова, в которых первый компонент логически уточняет последний, в исследованиях по немецкому языку называют определенными сложными словами: «Фонетическая структура определительного сложного слова характеризуется прежде всего ударением, падающим на одну или обе его части, и паузой, разделяющей элементы слова»²⁵. Ср.: *bérg/hóch* — узб. *тоғдай баланд* 'высокий, как гора', *fálsen/fést* — узб. *қоядек қаттиқ* 'твердый, как скала'.

²² А. А. Юлдашев. К характеристике тюркских сложных слов. — «Вопросы языкознания», 1969, № 5, стр. 69.

²³ Там же, стр. 79.

²⁴ В переводе на русский язык первый компонент сложного слова (*анжиршафтоли*) выступает в качестве самостоятельного члена предложения — определения. Но это обстоятельство не меняет сущности сложного слова в узбекском языке. Сложные слова одного языка, как уже отмечалось, могут передаваться в другом языке словосочетаниями (например, русск. «новобранец» — узб. *янги олинган аскар*) и наоборот.

²⁵ Е. А. Крашенинникова. Указ. раб., стр. 86 (разрядка наша. — Н. М.).

По сравнению с такого рода сложными словами немецкого языка узбекские (и вообще тюркские) относительные собственносложные слова, в которых отсутствует разделительная пауза, намного ближе к простому слову. Кроме того, в отличие от немецких сложных слов, в узбекском собственносложном слове только последний компонент может вступать в синтаксическую связь с другими словами, первый — лишен этого свойства.

Следует отметить, что некоторые типы (виды) конструкции **И + И**, такие, например, в которых последний компонент выражен именем собственным или первый компонент оформлен суффиксом *-лар*, *-чи* и т. д., придающими слову морфологическую законченность (оформленность), воспринимаются как определительные словосочетания, а первый компонент как приложение; например: 1) *темирчи Жўра, ўзбек Жўра, ошпаз Жўра, лейтенант Каримов, ўртоқ Каримов, директор Каримов*; 2) *колхозчи болалар, ўқувчи қиз, бола л а р-қўзичоқлар*; ср. азерб. *стахановчи усталар. Мэн ленинчи кәңчилијин ленинчи шауријәм* (С. Рустам)²⁶. Основные случаи, когда сочетания **И + И** считаются определительными словосочетаниями, широко освещены в тюркологии²⁷.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Собственносложные слова характеризуются не только семантическим единством, как это утверждают некоторые языковеды²⁸, но прежде всего грамматической (морфологической и синтаксической) и ритмико-интонационной или фонетико-просодической монолитностью.

Необходимо подчеркнуть, что, хотя большинство приведенных отличительных признаков свойственно сложным, в том числе собственносложным словам многих тюркских и индоевропейских языков, эти слова в каждом языке могут иметь свои специфические особенности и различаться моделями словопроизводства.

2. Выяснение природы собственносложных слов и их отличительных признаков имеет решающее значение для установления орфографии этих единиц, ибо в правописании тюркских собственносложных слов до сих пор существует значительный разнобой²⁹. Все признаки собственносложного слова, особенно тот факт, что его компоненты являются не самостоятельными словами, а м о р ф е м а м и, предопределяют его орфографию: компоненты собственносложного слова пишутся слитно, как морфемы любого простого слова.

Сочетания слов, не имеющие основных признаков собственносложных слов, для слитного написания которых нет лингвистического обоснования, должны быть выведены из числа собственносложных или

²⁶ «Азәрбајҹан дилинин ґрамматиҹасы», II Һиссә («Синтаксис»). Баҹы, 1959, стр. 128.

²⁷ См., например: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 353—354; Н. З. Гаджиева. Природа изафета в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 19—20; «Ўзбек тили ґрамматиҹасы», II том, Синтаксис, Тошкент, 1976, стр. 162—163.

²⁸ По утверждению некоторых языковедов «семантическая цельность» сложных слов «является ведущим признаком слова и в конечном счете определяет все остальные» (В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 140). Тут следовало бы учесть то обстоятельство, что такую же «семантическую цельность» могут иметь и словосочетания, особенно устойчивые и фразеологические. Ср.: «мизинец» и «безымянный палец». Ср. еще: «павильный глаз» (бабочка), «лисий хвост» (травя), «козья ножка» (хирургический инструмент). О семантической цельности и структурной неразложимости составных названий см.: Е. Н. Толкина. О системном отношении терминологического сочетания и фразеологической единицы. — В сб.: «Проблемы фразеологии. Исследования и материалы». М.—Л., 1964, стр. 160 и др.

²⁹ См.: Н. Маматов. О классификации сложных слов в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1976, № 4, стр. 45; К. М. Мусаев. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографий тюркских языков Советского Союза. — В кн.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973, стр. 40.

слитных слов и названы другими терминами, например, составными или аналитическими единицами языка³⁰.

В некоторых тюркских языках, преимущественно в азербайджанском, особенности собственносложных слов совершенно объективно отражены в их орфографии: в отличие от словосочетаний, они пишутся слитно, что способствует их различению в любом контексте, а также позволяет полнее отразить лексическое богатство данного языка в филологических словарях.

³⁰ Имеются в виду сочетания типа *қарор қилмоқ* 'постановить', *хурсанд бўлмоқ* 'обрадоваться', *шунинг учун* 'поэтому', *эрта билан* 'утром' и т. п., которые выражают одно понятие, между компонентами их нет синтаксической связи, но тем не менее они пишутся раздельно по ритмико-интонационным особенностям. Что касается сочетаний типа *қизил байроқ* 'красное знамя', *уз-ара һөйләшеу* 'говорить между собой', *балык мае* 'рыбий жир', *шайлоо комиссиясы* 'избирательная комиссия', отнесенных некоторыми лингвистами к числу сложных, в том числе собственносложных слов, то они, бесспорно, являются устойчивыми словосочетаниями, а не словами. См.: Н. Маматов. Указ. раб., стр. 39 и 45.

И. Х. АХМАТОВ

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ БЕЗЛИЧНОСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

О безличных предложениях тюркологи часто высказывают самые противоположные точки зрения. Одни из них утверждают, что в тюркских языках при отсутствии категории лица не может быть сказуемого, поэтому существование безличных предложений ставится ими под сомнение. Так, Н. А. Баскаков пишет: «Поскольку сказуемое в тюркских языках не может быть неличным, безличные предложения в них отсутствуют»¹. В то же самое время некоторые тюркологи придерживаются мнения, что в тюркских языках имеются безличные глаголы². Большинство же исследователей синтаксиса тюркских языков считает, что встречаются случаи, когда сказуемое не имеет показателя лица. Имея в виду последние, Н. А. Баскаков пишет: «Все эти отдельные слова или словосочетания не имеют показателя лица, а следовательно, они не являются предложениями, хотя, выступая иногда в функции предложений, и имеют общую с предложениями, характерную для них интонацию законченности и утверждения, которая, однако, не является грамматическим средством выражения предикации»³.

Таким образом, он отрицает наличие в тюркских языках не только безличных, но и номинативных предложений, а это не кажется нам достаточно убедительным, ибо ведет к отрицанию существования неглагольных предложений⁴, что противоречит теории предикативности, выдвинутой и обоснованной В. В. Виноградовым⁵ и получившей широкое признание.

Наиболее распространенным среди тюркологов является мнение о существовании в тюркских языках односоставных предложений. По признаку наличия—отсутствия категории лица такие предложения ими подразделяются на две группы: 1) личные (определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные) и 2) безличные.

¹ Н. А. Баскаков. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР», вып. VI. Фрунзе, 1956, стр. 95.

² К. З. Зиннатуллина. Залоги глагола в современном татарском литературном языке. Казань, 1969, стр. 160, 170. М. С. Бектуров. К вопросу о собственно-безличных предложениях в русском и казахском языках. — В кн.: «Филологический сборник», вып. 5. Алма-Ата, стр. 255—262.

³ Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 96.

⁴ Существует точка зрения, согласно которой «односоставные предложения, не включающие личную форму глагола, являются непредикативными». — См.: «Структурный синтаксис английского языка». Л., 1972, стр. 158.

⁵ «Грамматика русского языка», т. 2, ч. I. М., 1960, стр. 76—82.

Основными признаками безличного предложения в тюркских языках, по их мнению, являются: а) наличие только одного главного члена — сказуемого; б) отсутствие и невозможность существования грамматического подлежащего; в) отсутствие в форме сказуемого указания на субъект, активного производителя действия. Поэтому во всех специальных исследованиях и грамматиках тюркских языков безличные предложения определяются почти адекватно. Так, например, в монографической работе, посвященной безличным предложениям якутского языка, говорится: «Безличным называется предложение, в котором нет и не может быть грамматического подлежащего, а по форме сказуемого его нельзя выявить»⁶. Почти такое же определение безличного предложения в хакасском языке дает Г. И. Донидзе: «Безличными в хакасском языке называются предложения с таким сказуемым, при котором нет и не может быть субъекта в форме грамматического подлежащего»⁷.

Подобные определения безличных предложений нельзя считать безупречными. Во-первых, наличие только одного главного члена характерно не только для безличного, но и для других типов односоставных предложений: номинативных, определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных. Во-вторых, утверждение, что в безличных предложениях «не может быть грамматического субъекта», требует уточнения. Анализ языковых фактов показывает, что в некоторые безличные предложения легко можно ввести подлежащее, однако при этом меняется их структура, на что должно быть указано в определении. Ср., например: *мында игиди* 'здесь хорошо' и *мында жашау игиди* 'здесь жизнь хороша' и т. д.

Применение определения русских безличных предложений к фактам тюркских языков в данном случае неправомерно, ибо в русском языке имеются безличные глаголы, которые не сочетаются с грамматическим подлежащим, тогда как в тюркских языках таких глаголов нет, и поэтому любой из глаголов, употребляющихся в безличном значении и выступающих в роли главного члена традиционных безличных предложений, почти всегда допускает подлежащее. Правда, в некоторые безличные предложения невозможно ввести грамматический субъект, выраженный словом в основном падеже. Сюда могут быть отнесены, например, безличные предложения фразеологического типа: *аны жаны кетди* 'он испугался' (букв. 'его душа ушла'); *анга кёз тийди* 'его слгазили' (букв. 'его коснулся глаз'). Главный член данных предложений выражен фразеологизмами *жаны кетди* 'испугаться', *кёз тийди* 'сглазить', первые компоненты которых (*жаны* 'душа его', *кёз* 'глаз') некогда были подлежащими, а в современном языке выступают как компоненты устойчивых словосочетаний. В этих предложениях позицию грамматического субъекта занимают компоненты сказуемых, чем и объясняется невозможность введения в эти конструкции подлежащего.

По данному признаку конструкции, называемые тюркологами безличными предложениями, можно подразделить на два типа: 1) предложения, в которые можно ввести слово в форме основного падежа, выступающее в роли подлежащего и 2) предложения, в которые невозможно ввести грамматическое подлежащее.

⁶ Н. Н. Неустроев. Безличные предложения в современном якутском языке. Якутск, 1972, стр. 19.

⁷ Г. И. Донидзе. Безличные предложения в хакасском языке. Абакан, 1957, стр. 39. Аналогичное определение безличных предложений см.: И. Д. Джакубов. Основы синтаксиса простого предложения современного киргизского литературного языка. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1966, стр. 31—32; З. И. Будагова. Простое предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963, стр. 36.

Безличные предложения в тюркологических исследованиях классифицируются по морфологическому признаку, причем морфологический критерий часто объединяется с семантическим. Опираясь на морфологическую природу главного члена, тюркологи делят данные конструкции на: 1) глагольные и 2) именные. Как известно, такая классификация впервые была предложена А. А. Шахматовым, который считал, что в односоставном предложении субъект и предикат выражены одним главным членом⁸. Многие лингвисты указывают на недостатки данной классификации, основным из которых является отсутствие в ней единого критерия, в результате чего в одном ряду оказываются разные по своей структуре конструкции.

Тем не менее разграничение односоставных предложений в тюркологии по настоящее время основывается на морфологической природе главного члена. Сравнительно недавно Н. Ю. Шведовой выдвинут принцип классификации указанных предложений на основе единого критерия — по их парадигматическим свойствам⁹. Однако подобную классификацию никто из тюркологов пока не использовал.

Говоря о глагольных безличных предложениях, исследователи обычно выявляют определенное количество предложений в рассматриваемых ими языках и классифицируют их, исходя из морфологической природы главного члена. Иногда одни и те же факты разными авторами толкуются по-разному. Так, например, А. М. Джавадов¹⁰ и З. И. Будагова¹¹ отмечают, что в азербайджанском языке в безличном значении употребляются глаголы действительного и страдательного залогов, а также глаголы долженствовательного наклонения. Они характеризуют глагол в страдательном залоге как личный глагол, употребляющийся в безличном значении. А М. М. Муждабаев считает, что подобные глаголы «следует именовать безличными непереходными глаголами, называя соотносительные с ними непереходные глаголы в „действительном“ залоге личными непереходными глаголами»¹². При этом он подчеркивает, что «в узбекском языке безлично могут употребляться только такие непереходные глаголы, которые обозначают действие человека, причем, нужно подчеркнуть, что не все непереходные глаголы, обозначающие действие человека, а, главным образом, такие непереходные глаголы, которые обозначают волевые, активные действия человека, т. е. такие действия, которые совершает человек сознательно, сообразуясь со своей волей»¹³. К последним автор относит глаголы, обозначающие движение, положение, нахождение человека в пространстве. Однако применение термина «безличные глаголы» для обозначения таких глаголов ведет к признанию, во-первых, наличия в тюркских языках безличных глаголов и, во-вторых, того, что, например, глагол *бар-* 'идти' и его форма страдательного залога *барыл-* — различные глаголы. Все это противоречит положениям традиционной грамматики.

Особо следует подчеркнуть, что в предложениях с главным членом, выраженным страдательным залогом указанных групп непереходных

⁸ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 49—131.

⁹ Н. Ю. Шведова. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм. — «Проблемы современной филологии». М., 1965.

¹⁰ «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 347.

¹¹ З. И. Будагова. Указ. автореф., стр. 37—38.

¹² М. М. Муждабаев. Безлично-страдательные предложения в современном узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 34.

¹³ Там же.

глаголов, ввести подлежащее невозможно. Что же касается глаголов действительного залога, образующих, по мнению тюркологов, безличные предложения, то они легко сочетаются со словом в форме основного падежа. Например, в предложении *Таугъа бу жол бла барылады* 'В горы едут (букв. едется) по этой дороге' сказуемое выражено формой страдательного залога глагола *бар* - 'идти'. Данная форма не может сочетаться ни с каким словом, стоящим в основном падеже. Этого нельзя сказать относительно глаголов действительного залога, которые рядом синтаксистов рассматриваются как словоформы, «не требующие подлежащего»¹⁴. Так, например, А. М. Джавадов к предложениям, главный член которых выражен подобными лексемами, относит конструкции типа *Кече ортадан озду* 'Перевалило за полночь', *Ингирге аз къалгъанды* 'До вечера осталось мало' и т. п. Но ср.: *Заман кече ортадан озду*; *Ингирге аз заман къалгъанды*. В обоих предложениях слово *заман* 'время' выступает в роли подлежащего. Однако, как отмечает А. М. Джавадов, такие предложения часто употребляются и без подлежащего, при этом действие мыслится как бы безотносительно к какому-либо конкретному лицу. Исходя из этого, некоторые лингвисты относят подобные предложения к безличным. Рядом ученых такие предложения не выделяются в качестве отдельного типа безличных предложений. Это связано, по-видимому, не с отсутствием данных конструкций в отдельных тюркских языках, а с их близостью к неполным предложениям. Во всяком случае совершенно очевидно, что эти предложения нельзя ставить в один ряд с такими предложениями, в которых в роли главного члена выступают глаголы в форме страдательного залога.

Наиболее спорным является вопрос о предложениях, главный член которых выражается сочетанием причастия, деепричастия или имени действия в дательном падеже с такими словами, как *керекди* 'нужно', *тюшеди* 'приходится', *болады* 'разрешается' и др. Подобные конструкции имеются почти во всех тюркских языках. Характерная их особенность заключается в том, что они могут употребляться как с дательным субъекта, так и без него: 1) *Манга окъургъа керекди* 'Мне необходимо учиться'; 2) *Окъургъа керекди* 'Необходимо учиться'. Субъект в подобных предложениях всегда бывает личным и определенным. Так как этот субъект выражается косвенным падежом, большинство тюркологов относит эти предложения к безличным¹⁵. Основываясь на том, что субъект в них бывает определенным, М. З. Закиев, в отличие от других тюркологов, относит эти конструкции к определенно-личным предложениям¹⁶, а Т. Болчурова предлагает называть их лично-бессубъектными¹⁷.

Ряд грамматистов предложения с субъектом, выраженным косвенным падежом, относит к двусоставным, полагая, что в данных конструкциях слово, стоящее в дательном падеже, выполняет функцию конструктивного члена¹⁸. Так, например, Г. А. Золотова пишет: «Противопоставление именительного падежа субъекта косвенным падежам с тем же синтаксическим значением вряд ли может быть основой деления предложений на личные и безличные, потому что именительный па-

¹⁴ «Грамматика азербайджанского языка», стр. 347.

¹⁵ См. указанные работы Г. И. Донидзе, И. Д. Джакубова, А. М. Джавадова и др.

¹⁶ «Современный татарский литературный язык. Синтаксис». М., 1961, стр. 40.

¹⁷ Т. Болчурова. Об основных вопросах безличных предложений. — «Известия АН Киргизской ССР», 1971, № 3, стр. 98. Ср.: А. П. Лекант. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974, стр. 35—36.

¹⁸ См.: А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968, стр. 134—135.

деж — лишь одна из форм в функциональном ряду обозначений лица, субъекта состояния, сочетание которых с теми или иными способами обозначения состояния семантически и конструктивно обусловлено¹⁹. Отсюда автор делает вывод, что данные предложения являются личными двусоставными²⁰. В. С. Юрченко полагает, что такие предложения можно считать косвенно-личными²¹. Говоря о члене таких предложений, выраженном дательным падежом, он подчеркивает, что этот падеж предназначен для обозначения только личного субъекта, и отмечает, что «это — не настоящий субъект, а нечто среднее между субъектом и объектом»²², так как «здесь субъект представлен через форму объекта — дополнение, и она соответственно преобразует его»²³, предложение становится безличным. Если основываться на материале русского языка, то это утверждение представляется весьма убедительным. Особенно важно указание В. С. Юрченко на то, что здесь дательный падеж имеет двойственную природу, так как одновременно выражает значение субъекта и объекта действия. Что же касается тюркских предложений рассматриваемого типа, то следует отметить, что, если в предложении *Манга окъургъа керекди* 'Мне необходимо учиться' возможно допустить, что слово *манга* имеет субъектно-объектное значение, то в предложении *Манга ары барыргъа буюрулгъанды* 'Мне приказано ехать туда' такое допущение исключено, так как здесь реальным субъектом действия является какое-то третье лицо, которое не представлено «в качестве компонента синтаксического плана содержания, т. е. как грамматический субъект, и, следовательно, не выражается через специальную форму — позицию подлежащего, замещаемую самостоятельным словом»²⁴. Отсюда следует вывод, что данное предложение является безличным.

Последовательно исключая субординативные связи из структуры предложения «Нет у меня против него и смелости никакой», А. М. Мухин оставляет лишь два его члена: «Нет ... и смелости...», которые рассматриваются им как сказуемое («нет») и подлежащее («смелости»). Если с такой точки зрения подойти к тюркскому предложению *Манга иги окъургъа керекди*, то в качестве предложения-минимума остается сочетание *окъургъа керекди*. Иначе говоря, исходя из теории, предложенной А. М. Мухиным, можно заключить, что данное предложение безличное, так как слово *манга* в нем не является ядерным членом, то есть выражает объект действия.

Таким образом, можно прийти к выводу, что слово в форме данного падежа не является ядерным членом и в именных безличных предложениях: *Манга анда бек сууукъду; Манга ... бек сууукъду; Манга ... сууукъду; Сууукъду*.

Нетрудно понять также, что в предложениях такого типа в роли субъекта состояния выступают слова, обозначающие предметный субъект. В приведенном примере таким предметным субъектом могло бы быть слово *хауа* 'воздух', которое обычно опускается. Данное слово

¹⁹ Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, стр. 163.

²⁰ Там же.

²¹ В. С. Юрченко. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972, стр. 129.

²² Там же, стр. 126.

²³ Там же, стр. 131.

²⁴ Там же, стр. 134.

управляется главным членом предложения²⁵, тогда как обычным типом связи главных членов предложения является согласование.

Особую модель безличных предложений составляют конструкции типа *Мени жырларыгъым келеди*. Такие предложения в тюркских языках осмысливаются двояко: 1) 'Мне хочется петь'. 2) 'Идет тот из моих, который поет'. В первом случае конструкция представляет собою безличное предложение, так как в качестве главного члена выступает фразеологизированное словосочетание *жырларыгъым келеди*, состоящее из причастия *жырларыкъ* с притяжательным аффиксом первого лица и глагола *келеди* 'хочется'. Во втором же случае причастие выступает в роли подлежащего, и предложение является двусоставным.

Таким образом, предложение обезличивается в результате слияния его подлежащего со сказуемым и выступления этого сочетания в роли предиката. По той же причине образовались такие безличные предложения, как: *Асланга кѣз тийди* 'Аслана слгазнили'; *Асланны менден кѣлю кѣалды* 'Аслан обиделся на меня'; *Асланга эс бурулмайды* 'На Аслана внимание не обращается'; *Асланны насыбы тутду* 'Аслану повезло', *Асланны жаны кетди* 'Аслан испугался' (букв. 'Аслана душа ушла'). В результате включение в данное предложение слова в основном падеже оказывается невозможным.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

В тюркских языках имеются предложения, в которых действие, состояние и признак воспринимаются языковым сознанием как бессубъектные, то есть не связанные с каким-либо носителем признака или производителем действия.

К таким предложениям относятся различные по своей структуре конструкции. Реальный субъект в них может быть известен или неизвестен, то есть мы можем знать источник действия или процесса, обозначаемого главным членом предложения, но сам субъект может и не быть представлен отдельным словом в форме подлежащего, что и «обезличивает» предложение.

Причина отсутствия субъекта бывает различной и зависит не только от морфологической природы главного члена, но и от общей структуры и значения конструкции.

В тюркских языках практически все глаголы и имена, выступающие в роли сказуемого, сочетаются с подлежащим, обычно согласуясь с ним в лице и числе. Безличными становятся, как правило, только те предложения, в которых редуцирован предметный, а иногда и лично-предметный субъект. Безличное предложение нередко путают с неполным, хотя между ними и имеется существенное различие. В безличном предложении грамматический субъект, выраженный подлежащим, устранен, но он может быть нами выявлен. Например, мы можем установить, что в предложении *Санга окъургъа буюрулгъанды* 'Тебе приказано учиться' производителем действия является лично-предметный субъект. Однако этот субъект не указан в предложении. А субъект неполного предложения всегда бывает конкретным, активным производителем действия и, если даже он отсутствует, его легко восстановить из контекста. О его наличии говорит и форма главного члена предложения. Сказуемое неполного предложения в зависимости от формы подлежащего в самом предложении или в контексте стоит в единственном или во множественном числе, тогда как главный член безличного предложения всегда оканчивается аффиксом *-ды/-ди*.

²⁵ Об именном управлении в тюркских языках см.: М. Б. Балакаев. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 41—52.

Некоторые предложения в зависимости от своего коммуникативного задания могут осмысливаться то как личные, двусоставные, то как безличные, односоставные конструкции.

В большинство безличных предложений можно ввести субъект, выраженный словом в основном падеже. С введением такого члена односоставное предложение становится двусоставным.

Односоставные и двусоставные предложения могут быть синонимичными: *Азиз элгенди // Азизни жаны кетди; Сен окъургъа керексе // Санга окъургъа керекди*; ср. также: *Мен школгъа барама // Школгъа барама // Школгъама*. Последние два предложения некоторые тюркологи относят к двусоставным, основываясь на том, что в главных членах данных предложений содержится лично-предикативный аффикс, указывающий на субъект. Первый член (подлежащее) такого предложения, как *Атам келди* 'Мой отец пришел', также содержит аффикс, указывающий на притяжательное определение. Однако это не может служить основанием для того, чтобы считать данное предложение трехчленным, то есть имеющим в своем составе притяжательное определение.

Подобный факт свидетельствует о непоследовательности указанных ученых, в результате которой происходит отождествление субъекта (элемента структуры содержания) с подлежащим (элементом структуры выражения), а их необходимо разграничивать.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Р. Г. УСЕНБАЕВА

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В предложениях с общим значением обусловленности выражается «обусловленность содержания второй части бессоюзного предложения содержанием первой части»¹.

В современном русском языке имеется ряд исследований данного типа предложений². Что же касается киргизского языка, то мы не располагаем ни одной фундаментальной работой, посвященной сопоставлению бессоюзных сложных предложений со сложноподчиненными, не считая нескольких статей, где прямо или косвенно говорится о бессоюзных условных предложениях³.

Бессоюзные сложные предложения с общим значением обусловленности подразделяются на следующие группы: 1) предложения со значением прямой обусловленности (условные); 2) предложения со значением обратной обусловленности (уступительные); 3) условно-временные.

В связи с тем, что в обоих языках более продуктивной из названных групп является первая, целесообразно рассмотреть именно ее. Эта группа в свою очередь подразделяется на две подгруппы: 1) предложения со значением конкретной обусловленности и 2) предложения со значением обобщенной обусловленности.

В бессоюзных предложениях со значением прямой обусловленности содержания первый компонент, выражающий условие, в обоих языках произносится со значительным повышением голоса и резкой его остановкой, а второй компонент — обусловленный, произносится с заметным понижением голоса к концу фразы. Например: «Выдержишь — ждет тебя большая награда!» («Кабардинские сказки») — *Чыдамың жетсе, сени чоң сыйлык күтөт!*

Таким образом, в обоих языках в первом компоненте сообщается о действии, которое является необходимым условием для совершения того, о чем говорится во втором компоненте сложного предложения.

¹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. II. М., 1954, стр. 391.

² Л. Д. Казбан. Бессоюзные условные предложения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Куйбышев, 1963; Л. С. Дротицина. Бессоюзные условные предложения в русском языке. — «Русский язык в школе», 1959, № 6, стр. 17—21 и др.

³ М. Мураталиев. О бессоюзном сложноподчиненном предложении в современном киргизском языке. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Ташкент, 1965, стр. 50—54; В. Д. Скирдов. О грамматических средствах связи придаточных условных предложений в русском и киргизском языках. — В сб.: «Тюркологические исследования». Фрунзе, 1970, стр. 174—181.

Л. С. Дротвинас все бессоюзные условные предложения, в свою очередь, делит на реальные и нереальные⁴, что, по-видимому, связано со спецификой употребления указанного типа предложений с конкретным и обобщенным значением.

Бессоюзные сложные предложения со значением конкретной обусловленности. При конкретной обусловленности «первая часть содержит сообщение о действии, являющемся конкретным условием совершения того действия, о котором сообщается во второй части бессоюзного предложения; связь между действиями мыслится как осуществляющаяся в определенное время»⁵.

Б. Т. Панов, исходя из многочисленных наблюдений над мелодикой русских бессоюзных предложений, указывает, что первый компонент в бессоюзных условных предложениях произносится напряженно, «по-скольку он находится в восходящем речевом потоке. Затем следует достаточно глубокая пауза, и речевой поток приобретает более спокойный характер; тон заметно понижается, энергия речи ослабевает, а темп замедляется»⁶. Например: «Вернете мне силу — сто раз отблагодарю» (О. Гончар «Земля гудит») — *Күчүмдү кайрып берсеңер, жүз мертебе ыракмат айтам*. Примерно такая же интонация наблюдается и в киргизском варианте; но, к сожалению, нет специальных работ по мелодике сложных предложений киргизского языка.

При рассмотрении предложений внимание обращается не только на семантические, но и на формальные стороны. В данном случае внимание уделяется соотношению глаголов-сказуемых отдельных компонентов, так как «семантический (содержательный) и формальный (грамматический) аспекты не существуют и не могут существовать изолированно друг от друга»⁷.

Остановимся на способах выражения сказуемых.

1. Сказуемые обоих компонентов могут быть выражены глаголами изъявительного наклонения будущего времени. Например: «Подхватишь грипп — олять свалишься» (Р. П. Погодин «Рассказы для детей») — *Гриппке чалдыксан, кайра жыгыласың*; «Чуть скосишь машину — раздавишь колесами растения в соседних рядках» (К. Джантошев «Моя судьба») — *Машинаны кичине эле кыйшайтсан, — жанаша катардагы өсүмдүктү тепсетип кетесин*. В этих предложениях сказуемые в обоих компонентах выражены глаголами будущего времени в форме 2-го лица единственного числа. Сказуемые обоих компонентов могут быть выражены и глаголами 3-го лица множественного числа: «Вернутся мои семь братьев — в живых тебя не оставят» («Кабардинские сказки») — *Жети бир тууганым келсе, сени соо койбойт*.

В приведенных предложениях в обоих компонентах действия совершаются одним и тем же лицом, поэтому сказуемые выражаются глаголами одного и того же лица. В таких предложениях действия глаголов-сказуемых в разных компонентах могут совершаться различными субъектами. Например, сказуемое первого компонента может относиться к первому лицу, а второго компонента — ко 2-му лицу: «Насмешу — в обиде не останешься» («Кабардинские сказки») — *Шылдыңдасам, ыза болбойсың*. Сказуемое первого компонента может быть выражено глаголом будущего времени 2-го или 3-го лица множественного числа, а второго компонента — глаголом 1-го лица единственного числа: «Вер-

⁴ Л. С. Дротвинас. Указ. раб., стр. 18.

⁵ «Грамматика русского языка», т. II, ч. II, стр. 392.

⁶ Б. Т. Панов. Работа по стилистике при изучении синтаксиса. М., 1967, стр. 77—78.

⁷ В. В. Щеулин. Структура сложного предложения. Ростов, 1968, стр. 13.

нете мне силу — сто раз отблагодарю...»; «Дадут счастья — не откажусь, просить не стану» (М. Горький «Мать») — *Бакыт беришсе, — жок дебейм, (бирок) тилеп албаймын.*

Сказуемое первого компонента может быть выражено глаголом 1-го лица единственного числа, а второго компонента — глаголом 3-го лица: «Отпущу вас — он на меня обязательно донесет по службе, и меня в Ревтрибунал» (Н. А. Островский «Как закалялась сталь») — *Сизди кое берсем, ал мага айгак чыгып сөзсүз жеткизет, мени болсо Ревтрибуналга беришет.*

2. Сказуемые в одном из компонентов или в обоих компонентах могут быть выражены отрицательным словом «нет» или глаголами с отрицательной частицей «не». Например: «А денег нет в руках — товар не возьмешь» (Ч. Айтматов «После сказки») — *Колунда акчаң болбосо, товар ала албайсың; «Терпения не наберется — ничего не получится» («Кабардинские сказки») — Сабыр кылбасаңар, эч теме чыкпайт.*

3. В обоих языках сказуемые в разных компонентах могут быть выражены глаголами разного времени: сказуемое первого компонента может быть выражено глаголом прошедшего времени, а второго — будущего времени. Например: «Сегодня не поняли — завтра поймут...» (М. Горький «Мать») — *Бүгүн түшүнүшпөсө, эртең түшүнүшөт.*

Как видно, все приведенные предложения со сказуемыми, выраженными глаголами изъявительного наклонения, в целом в киргизском языке, так же как и в русском, передаются бессоюзными сложными предложениями с идентичным значением. Что касается грамматических форм глаголов-сказуемых, то в киргизском и русском языках имеются некоторые расхождения. На киргизский язык сказуемое второго компонента переводится без изменения — формой изъявительного наклонения того же времени, что и в русском. Сказуемое же препозитивного компонента передается не изъявительным наклонением, как в русском языке, а формой условного наклонения с аффиксом условности *-са* (с соответствующими вариантами по закону сингармонизма, характерного для многих тюркских языков) и с соответствующим аффиксом лица. Например, в последнем предложении «не поняли» (буквальный перевод на киргизский язык *түшүнүшкөн жок*) по-киргизски передается как *түшүнүшпөсө*, то есть условным наклонением с аффиксом отрицания *-ба* (вариант *-пө*) и условности *-са* (вариант *-сө*) 3-го лица.

4. Сказуемое первого компонента может быть выражено глаголом повелительного наклонения. Если бессоюзные условные предложения со сказуемыми, выраженными глаголами изъявительного наклонения, очень близки с союзными конструкциями, то предложения данной конструкции «не имеют соответствующих построений и среди союзных конструкций»⁸. Например: «Выполните задание — отблагодарю вас» (В. А. Акопян «Борьба») — *Тапшырманы аткарсаңар, силерге алкыш айтам; «Устройте это дельце — озолочу вас» (В. А. Акопян «Борьба») — Бул ишти уюштургула (уюштурсаңар) — силерди алтынга бөлөйүм.* Вместо *уюштургула* по смыслу лучше перевести *уюштурсаңар* с аффиксом условности *-са*. Или же, например, следующее предложение: «Чудеса!.. Расскажи — не поверят» (Р. П. Погодин «Рассказы для детей») — *Таң каларлык! Айтып берсең ишенишпейт.* Здесь явно наличествуют условно-следственные отношения, при которых первый компонент допускает возможность данного условия, а второй компонент показывает, что это условие неизбежно осуществится (или не осуществит-

⁸ Л. Д. Казбан. Указ. автореф., стр. 16.

ся). Сказуемое первого компонента, выражающего возможность данного условия, в русском языке передано глаголом повелительного наклонения; на киргизский язык оно переводится не императивом, а конъюнктивом с аффиксом условности *-са*. Этот аффикс непосредственно присоединяется к основе и предшествует аффиксу определенного лица. См.: *Айтып берсең* — с деепричастной формой на *-ып айтып* и вспомогательным глаголом *берсең* — с аффиксом условности *-са* (вариант *-се*) и аффиксом 2-го лица единственного числа *-ң*. Как указывает А. М. Щербак, аффикс *-са* (*sa—za*) условного наклонения имеет другую последовательность лишь в тувинском языке, выступая после личных показателей⁹, ср.: в тувинском *bagzumsa* (если пойду), в киргизском — *барсам* (как и в татарском), в башкирском — *барһам*.

Рассмотрим примеры, в которых сказуемое постпозитивного компонента имеет форму повелительного наклонения: «Провинился — отвечай по всей строгости» (В. Мурадян «Герои не умирают») — *Айтып кылсаң — бардык талап боюнча жооп бер*; «...не умеешь петь — расскажи» (Р. Гамзатов «Мой Дагестан») — *...ырдаганды билбесең, айтып бер*; «Кто хочет жить — не сходите с места!» (А. Токомбаев «Раненое сердце») — *Кимдин жашагысы келсе, ордуңардан жылбагыла!*

Данные предложения со сказуемыми в форме повелительного наклонения во втором компоненте в обоих языках отличаются от предложений первой группы (то есть от предложений со сказуемыми, выраженными глаголами повелительного наклонения в первом компоненте), весьма близких к союзным. Например: «(Если) Хочешь победить — не дай ему понять, что тебе плохо («Комсомольская правда», июль 1973) — (Эгер) Жеңиң келсе, алың жаман экенин ага билгизбе. В этом предложении (в обоих языках) явно выражен союзный вариант. При переводе на киргизский язык второй (осложненный) компонент передается простым распространенным предложением.

Следует заметить, что данный тип предложений, в отличие от предыдущих, может состоять не только из двух, но и более компонентов. Например: «Человек свободен, устал сидеть — иди, устал идти — сиди. Ограбили — молчи, бьют — терпи, убили — лежи» (М. Горький «Мать») — *Адам эрктүү, отургандан чарчасаң-бас, баскандан чарчасаң-отур. Тоноп кетсе — унчукпа, урса — чыда, өлтүрүп кетсе — жата бер*. В этих предложениях выражен оттенок последовательности действия, но от временных, как отмечает Л. С. Дротвинас, их отличает гипотетичность (предположительность) первой части [«Выйдет Павел Федорович, позови меня...» (М. Горький «На дне») — *Павел Федорович чыкса, мени чакыр...*].

Следует отметить также и то, что бессоюзные условные предложения со сказуемыми, выраженными повелительным наклонением во втором компоненте, в отличие от предложений со сказуемым в форме повелительного наклонения в препозитивном компоненте, на киргизский язык передаются без особых изменений, то есть повелительным же наклонением («иди» — *бас*; «сиди» — *отур*; «молчи» — *унчукпа*; «терпи» — *чыда* и т. д.). В первом компоненте русского варианта в глаголе-сказуемом отсутствует формальный показатель условности — частица «бы», однако на киргизский язык он передается глаголом условного на-

⁹ А. М. Щербак. О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 13.

¹⁰ См.: Л. С. Дротвинас. Указ. раб., стр. 10.

клонения с аффиксом *-са*: «ограбили» — *тоноп кетсе*, «бьют» — *урса*, «выйдет» — *чыкса* и т. д.¹¹

5. Сказуемое первого компонента или обоих компонентов может быть выражено глаголом условного наклонения. Например: «Была бы любовь — счастье найдется» (журн. «Огонек», 1969, № 4) — *Сүйүү болсо, бакыт табылат*. Таким образом, на киргизский язык предложение с конъюнктивным сказуемым первого компонента «была бы» передается без изменения формы — условным же аффиксом *-са* (с вариантами *-со*, *-се*, *-сө*). Если сказуемые обоих компонентов предложения выражены глаголами условного наклонения, то при переводе на киргизский язык глаголом условного наклонения (с аффиксом *-са*) передается лишь сказуемое первого компонента, предикат же последующего компонента переводится сложной формой с вспомогательным словом *эле*, выражающим оттенок возможности или невозможности действия. Например: «Был бы умен — не стал бы волка от смерти беречь» («Кабардинские сказки») — *Акылдуу болсо, карышкырды өлүмдөн сактап калбайт эле*. Или же: «Пришлось бы резать — пропало бы голенище» (Ш. Бейшеналиев «Сын Сарбая») — *Кесүүгө туура келсе — кончунан ажырайт эле* (букв. *конч жок болмокчу* или *кончунан ажырамакчы*).

Как правило, сказуемые в указанных предложениях в русском языке в обоих компонентах занимают препозитивное положение, а в киргизском, наоборот, постпозитивное.

Естественно, указанный тип предложений встречается и в оригинальных художественных произведениях на киргизском языке. Но на русский язык они в основном передаются союзными. Например:

*Баласы оокат кылам деп сүйлөсө,
Көзүнөн мончок-мончок кетет жашы* (А. Токомбаев).

‘Если сын говорит о своем желании заниматься хозяйством,
Из глаз ее (матери. — У. Р.) слезы ручьями текут’.

Из приведенных примеров видно, что в киргизских бессоюзных сложных предложениях со значением конкретной обусловленности формальный показатель условности (глагол-сказуемое с аффиксом *-са*) находится в первом компоненте. Но встречаются случаи и обратного порядка. Примеры подобных предложений, встречающихся в поэтической речи, приводит М. Мураталиев:

*Каалабайбыз согушту,
Душман колун сунбаса* (А. Токомбаев).

‘Мы не желаем войны,
Если враг сам не нападет на нас’¹².

Здесь русский вариант имеет союзную связь.

Иногда простые условные предложения киргизского языка на русский язык передаются как бессоюзные сложные со значением обусловленности. Например: *...тирил десең тирилет* (К. Жантошев «Каныбек II») ‘Скажешь воскресни — воскреснет’. Или: *Ал өлсө балдары бар...* (К. Жантошев «Каныбек II») ‘Умрет он — останутся его дети...’ (‘Если он умрет, останутся его дети’).

Хотя приведенные выше киргизские предложения по своей семантико-грамматической форме очень близки к сложным, из-за отсутствия знаков препинания между компонентами, их формально можно отнести

¹¹ О форме на *-са*, сближающейся с формами повелительного и желательного наклонений, более подробно см.: Р. Омуралиева. Условный период в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1970, стр. 6.

¹² Пример с переводом взят из цитированной работы М. Мураталиева (стр. 54).

к простым предложениям. Такие предложения со значением прямой обусловленности содержания без знаков препинания между компонентами имеются и в других тюркских языках. Например, в каракалпакском языке: *Тышканның ажели жетсе пышыктың куйругунан тислейди* (пословица) 'Если придет мышке смерть, она kota за хвост кусает'¹³.

Сказанное о бессоюзных сложных предложениях со значением конкретной обусловленности позволяет сделать следующие выводы:

1. Бессоюзные сложные предложения русского языка со значением конкретной обусловленности на киргизский язык передаются в основном без особых семантико-грамматических изменений.

2. Если сказуемые обоих компонентов выражены глаголами изъявительного наклонения (без отрицания или с отрицанием), на киргизский язык сказуемое первого компонента передается не изъявительным, а условным наклонением с аффиксом условности (-са с вариантами), а сказуемое второго компонента передается без изменения (формой изъявительного наклонения); например: «Сегодня не поняли — завтра поймут» (М. Горький «Мать») — *Бүгүн түшүнүшпөсө — эртең түшүнүшөт*.

3. Если сказуемое первого компонента выражено повелительным наклонением, а второго — изъявительным, так же как и в предыдущем пункте, сказуемое первого компонента передается в киргизском языке формой условного наклонения с аффиксом -са (см. «выполните» — *аткарсанар* и т. д.).

4. Если в русском языке сказуемое первого или даже обоих компонентов выражено условным наклонением, то при переводе на киргизский язык сказуемое первого компонента передается формой условного наклонения с аффиксом -са, а сказуемое второго компонента — составным сказуемым с вспомогательным словом *эле*, придающим глаголу оттенок условности, аналогичный русской частице «бы» (см.: «Пришлось бы резать — пропало бы голенище» — *«Көсүүгө туура келсе, кончунаң ажырайт эле»*).

5. Как в киргизском, так и в других тюркских языках встречаются неоформленные бессоюзные условные предложения с отсутствующими знаками препинания между компонентами, которые в русском языке передаются бессоюзными сложными, иногда и союзными предложениями (... *тирил десең тирилет* — '... скажешь воскресни — воскреснет').

Бессоюзные сложные предложения со значением обобщенной обусловленности. В предложениях со значением обобщенной обусловленности «выражается постоянная возможность или необходимость обусловленности одного действия другим»¹⁴. Значения постоянства, то есть обобщенно-личные значения характерны для пословиц и поговорок. Они имеют много общего с предложениями конкретной обусловленности. Сказуемые в таких предложениях в основном выражаются теми же глагольными формами, что и в предложениях с конкретным значением. Поэтому не случайно некоторые синтаксисты, рассматривая бессоюзные сложные предложения со значением обусловленности, приводят примеры только на значение обобщенной обусловленности¹⁵. Однако, в отличие от предложений с конкретной обусловленностью, сказуемые в предложениях с обобщенной обусловленностью в обоих компонентах

¹³ Пример взят из работы: Н. А. Баскаков. «Сложное предложение в каракалпакском языке» (Сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. М., 1961, стр. 226).

¹⁴ «Грамматика русского языка», т. II, ч. II, стр. 393.

¹⁵ См.: Н. Х. Демесинова. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1966, стр. 202 и другие работы.

могут быть выражены инфинитивом. Например: «Волков бояться — в лес не ходить» — *Карышкырдан корккон токойго барбайт* (К. С. Юдахин. Русско-киргизский словарь, стр. 92). В башкирском языке оно звучит так же: *Буренан курккан — урманга бармаган* (Г. Ибрагимов «Умырзая»). Если же сказуемые и выражены формами изъявительного наклонения (например: «Поспешишь — людей насмешишь» — *Шашкан — ашка бышкан*. — К. С. Юдахин. Русско-киргизский словарь, стр. 614), то в таких предложениях, как указывает Л. С. Дротвинас, «временные указатели отсутствуют», и поэтому их следует отнести к нереально-условным конструкциям¹⁶.

Хотя предложения со значением обобщенной обусловленности приписуи в основном афористической речи, к ним можно отнести и неопределенно-личные предложения такого типа, как: «Позовут — подойдет, спросят — ответит, что-нибудь поручат — выполнит» (Н. П. Лобко «Варенька») — *Чакырышса — келет, сурашса — жооп берет, бирдемени тапшырышса — аткарат*. Такие предложения, по-видимому, могут состоять не только из двух, но и более компонентов. В двухкомпонентных предложениях сказуемое для обоих компонентов может быть общим. При этом сказуемое в русском варианте в основном находится в первом компоненте, а в киргизском языке, как правило, оно переносится в конец последнего компонента. Например: «Глупец поражает криком, мудрец — поговоркой, приведенной к месту» (Р. Гамзатов «Мой Дагестан») — *Акмак кыйкырык менен, акылман орундуу макал-лакап менен таң калтырат*. В последнем предложении значение обобщенной обусловленности осложняется оттенком противопоставления. Но этот оттенок здесь носит чисто смысловой характер и грамматически никак не выражается¹⁷. Во втором компоненте иногда может быть употреблено заключительное слово. Например: «Проголодаешься, — так хлеба достать догадаешься» (пословица) — *Ачыксаң нан табышка үйрөнөсүң*.

В киргизском языке подобные предложения передаются без заключающего слова. Двухкомпонентные бессоюзные сложные предложения со значением обобщенной обусловленности на киргизский язык в основном переводятся простыми распространенными предложениями. Например: «Биться в одиночку — жизни не перевернуть» (Н. А. Островский «Как закалялась сталь») — *Жалгыз урунуп, турмушту көңтөрө албайсың*; «Гнаться пешему за конным — толку не будет» (Ш. Бейшеналиев «Сын Сарбая») — *Атчанды жөө куугандан пайда жок*; «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь» (пословица) — *Кош коенду куурган куру калат* (К. С. Юдахин. Русско-киргизский словарь, стр. 568).

Таким образом, приведенное выше о предложениях со значением обобщенной обусловленности позволяет заключить:

1. В предложениях указанного типа в киргизском и русском языках говорится о таких действиях и явлениях, которые не имеют конкретной личной отнесенности.

2. Подобные предложения в основном состоят из двух компонентов.

3. На киргизский язык с русского они чаще всего переводятся простыми распространенными предложениями с такими сказуемыми обуславливающих компонентов, которые в зависимости от контекста могут

¹⁶ Л. С. Дротвинас. Указ. раб., стр. 20.

¹⁷ О таких дополнительных оттенках неграмматического характера упоминается в статье: Л. С. Бархударов и Г. В. Колшанский. К проблеме структуры сложного предложения. — «Сборник статей по языкознанию». М., 1958, стр. 40—53.

быть переданы по-разному: 1) без изменения формы, то есть в той же грамматической форме, что и в русском языке, например: «Глупец поражает...» *'Акмак ... таң калтырат'* (изъявительное наклонение, настоящее постоянное); 2) с изменением грамматической формы: а) аффиксом условности *-са* с вариантами, например: «проголодаешься...» *'ачык-саң...'*; б) причастной формой на *-ган* с вариантами, например: «поспешись» *'шашкан'*, «погонишься» *'кууган'*; «волков бояться...» *'карышкырдан корккон'*; в) деепричастной формой на *-ып* с вариантами, например: «биться в одиночку...» *'жалгыз урунуп...'* и т. д., то есть грамматические формы глаголов-сказуемых обуславливающего компонента в русском и киргизском языках в основном не совпадают.

С. Ф. МИРЖАНОВА

О ЯЗЫКЕ БАШКИР ПЛЕМЕНИ «КЫПЧАК»

По современной классификации башкирский язык входит в кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков¹. Поэтому при изучении башкирского языка и его говоров необходимо учитывать древнейшие кыпчакские и булгарские языковые взаимодействия. В большей мере это касается говоров южного диалекта, на территории распространения которого в прошлом было расположено основное ядро башкирских кыпчаков.

С глубокой древности язык башкир находился под влиянием кыпчакского языка. Кыпчакское этническое, языковое и культурное воздействие проникло во все слои древнебашкирского этноса и сказалось на его формировании². Близость языка башкир к языку кыпчаков отмечал еще Махмуд Кашгари³, а С. Е. Малов указывал на существование на западе региона еще задолго до V века до нашей эры двух языковых групп: 1) хазаро-булгаро-чувакской и 2) башкиро-кыпчакско-мишарской⁴.

Кыпчакские этнические группы, ассимилировавшиеся среди башкир в древний и более поздний периоды, оставили следы в башкирской этнонимии, легендах и топонимии. На северо-западе, например, существовали роды канглы, каршын, гэрэ/гэрэй, ойконим Qaŋly Törkäŋ.

С другой стороны, башкирский язык в своем историческом развитии взаимодействовал с диалектами волжско-булгарского языка, отдельные элементы которых сохранились и в современных говорах башкирского языка. Их выявление и изучение — тема специального исследования.

Основная масса башкир — прямых потомков многочисленного когда-то племени кыпчаков (роды: qara/qaryj, haryš/ars, hywun, sänket, bušman, jetyryw) — ныне населяет бассейны рек: Юшатыра, Нугуша и Большого Ика.

Цель настоящей статьи — кратко охарактеризовать язык указанных этнических групп башкир, выделяемый нами в самостоятельный ик-юшатырский говор башкирского языка.

Как известно, башкирский язык и его говоры отличаются от других тюркских, в том числе и современных кыпчакских языков, употреблением специфических звуков *δ*, *θ/h* вместо *z/d*, *s*, внутридиалектное

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 283.

² Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, стр. 455—456, 471.

³ Махмуд Кашгарий. Девону луғатит түрк. Т. I. Тошкент, 1960, стр. 66.

⁴ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 2, 1952, стр. 137.

позиционное функционирование которых проявляется в говорах по-разному.

Звуки δ , θ бытуют еще в диалектах туркменского языка, в которых их происхождение объясняют иранским субстратом. Эта гипотеза допускалась также и в отношении башкирского языка⁵, но позднее она была взята под сомнение Н. К. Дмитриевым⁶ и полностью отвергнута Дж. Г. Киекбаевым, который аргументировал свои доводы тем, что в древнекыпчакском языке, описанном Махмудом Кашгари, был звук δ , следовательно, и θ ⁷. Однако древнетюркские звуки δ и θ в большинстве современных тюркских языков перешли в среднеязычный j ⁸, тогда как башкирские звуки δ и θ/h восходят к древнетюркским z и s . И в древнекыпчакском языке, описанном Махмудом Кашгари, звук δ был исторически связан со звуком j . А. К. Курышжанов отмечает, что еще в древнекыпчакском языке наблюдалось чередование $\delta/z/j$ ⁹. Впоследствии Дж. Г. Киекбаевым была выдвинута гипотеза о спонтанном развитии башкирских звуков δ , θ/h на чисто фонетической основе, без влияния внешних факторов¹⁰.

Необходимо добавить, что все же первым и существенным условием для развития общетюркских z , s в звуки δ , θ/h на почве башкирского языка явилось влияние иносистемных языков. В этом плане заслуживает внимания чрезвычайная сложность родоплеменного состава башкирского народа, в этногенезе которого немаловажную роль сыграли финно-угорские, монгольские и другие племена.

Звуки δ , θ/h выступают главным фонетическим показателем в классификации говоров башкирского языка. В ик-юшатырском говоре, как и в литературном языке, в начале слова и аффикса употребляется спигрант h : *hatha* 'если продаст', *atahu* 'его отец', *hāwetemsā* 'мирно соглашав, договорившись'. В конце слова и слога выступает глухой межзубный θ : *tāθ-taθ!* — междометие, которым подзывают кобылу; *baθta* 'мостик, подмост'; *baθtyruq* 'гнет, перекладина-нагнет'.

В отличие от литературного языка глухой межзубный θ в говоре часто употребляется в интервокальной позиции, а также в начале слога после согласных: *jaθaw* 'сделать, создать'; *anθat* 'легкий, легко'; *Aqθaγu*, *Jaθanθaγu/Jaθanθar* — ойконимы; *tuqθan* 'девянность', *hikθān* 'восемьдесят'; *qarθaq* 'корсак', *turθa* 'порог'. В говоре звуки θ/h , δ употребляются также в заимствованиях вместо литературных звуков z , s : *iθem* — лит. *išem* 'имя', *Muθa*, *Uθman* — антропонимы; *hāyāttā* — лит. *sāyāttā* 'быстро, вмиг', *hyu* — лит. *ser* 'тайна', *humala* — лит. *uθmala* 'смола', *uθyγduja* — лит. *uθyγzyja* 'подснежник', *dujan* — лит. *zyjan* 'вред', *ba-vut* < «завод».

Таким образом, сфера употребления звуков h , θ , особенно θ , в говоре гораздо шире, чем в литературном языке.

Основные диалектные особенности ик-юшатырского говора состоят в следующем.

В первом слоге слова выступает слегка огубленный вариант фонемы a (a^o), который Дж. Г. Киекбаевым рассматривается как результат

⁵ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 25.

⁶ Н. К. Дмитриев. Согласные z и s в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. I. М., 1955, стр. 251.

⁷ Ж. Ф. Киекбаев. Башкорт диалектэре һәм улардың тарихенә кыскаса инеш. — «Ғилми азмалар». III сығарыш, Башкорт филология серияһы, № 2. Өфө, 1958, стр. 70.

⁸ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 79, 97, 159—161.

⁹ А. К. Курышжанов. Махмуд Кашгари о кыпчакском языке. — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 55.

¹⁰ Дж. Г. Киекбаев. Фонетика башкирского языка. Уфа, 1958, стр. 137.

влияния татарского языка¹¹. Однако это утверждение лишено достаточной аргументации. В татарском языке начальный a^o проявляется не во всех говорах, а локализуется в пределах мензелинского, казанских и нагорных говоров среднего диалекта, соприкасающихся с южным диалектом башкирского языка. По своим физиологическим качествам этот звук отличается от башкирского a^o преобладанием элемента o над a , то есть выступает как o^{a12} .

Ареал функционирования a^o в тюркских языках Поволжья составляет целостный регион, включающий западные говоры башкирского языка (ик-юшатырский, демский, нижебельский, караидельский), в которых начальный a слегка огублен (a^o), а затем — говоры среднего диалекта татарского языка с сильно огубленным начальным a (o^a). С запада к региону огубленного начального a^o примыкают говоры чувашского языка, в диалектах которого древний a в анлауте перешел в губные гласные o , u . При этом в мишарском языке, ныне составляющем западный диалект татарского языка, говоры которого также контактируют с говорами башкирского языка, фонема a в начале слова является открытым «чистым» звуком без примеси огубления.

Огубленный вариант фонемы a^o в башкирском языке необходимо рассматривать не как следствие прямого влияния одного языка на другой, а как результат исторического развития гласных чувашского, татарского и башкирского языков.

Известно, что одной из главных диалектных особенностей двух чувашских диалектов является «оканье» (верховой диалект) и «уканье» (низовой диалект), восходящие к древнему долготу a^{13} . Диалектная градация огубления фонемы a начинается с южного диалекта башкирского языка, усиливается в среднем диалекте татарского языка, переходит в o в верховом и суживается до u в низовом диалектах чувашского языка. Обратимся к таблице.

Башкирский язык (южный диалект)	Татарский язык (средний диалект)	Чувашский язык	
		Верховой диалект	Низовой диалект
аорта	оорта	орта	игра 'ячмень'
таорт	тоарт	торт	турт 'тянуть'
1. таол	тоол 'скот'	тол	тул 'богатство, изобилие' ¹⁴
2. тул	тул 'богатство'		

Поскольку в чувашском языке наиболее полно сохранились особенности болгарского языка, то естественно предположить, что a^o , проявляющийся в разной степени в диалектах башкирского и татарского языков, отражает одну из болгарских языковых особенностей, а в настоящее время — региональную особенность тюркских языков Урало-Поволжья.

Явление «оканья» характерно также для финно-угорских языков, кроме удмуртского. Б. А. Серебренников, характеризуя общие типоло-

¹¹ Дж. Г. Киекбаев. Фонетика башкирского языка, стр. 27.

¹² Л. Жәләй. Татар теленен тарихи фонетикасы буенча материаллар. Казан, 1954, стр. 28.

¹³ И. А. Андреев. Чувашский язык. — «Языки народов СССР». Т. II. М., 1966, стр. 62.

¹⁴ А. С. Канюкова. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965, стр. 20.

гические черты тюркских и финно-угорских языков Волго-Камского региона, указывает и на огубление древнего *a* в анлауте¹⁵.

В ик-юшатырском говоре в отдельных словах отмечены фонетические соответствия *y ~ a*, *e ~ ä*, *i ~ e*, *y* в начальной и конечной позициях: уңау—аңау 'твердое небо', синујак/синујақ 'фарфоровая чашка', іqlaw/yqlaw — нижебельск. aqlay — лит. uqlaw 'скалка', šuqalaj ~ šaqalaj 'щиколотка', qomij ~ qomoj ~ qomaj 'пескарь', märej ~ mägäj 'очко', üli — кизильск. üle 'возглас при игре в süräka'. Соответствие *a ~ y*, *ä ~ e*, *i* проявляется в анлауте: palsymaq ~ bylsymaq 'сырой, водянистый', säkä — лит. sikä 'висок', näskä — лит. neskā 'тонкий'.

Соответствия *y ~ a*, *e ~ ä*, *a ~ y*, *ä ~ e*, *i* наблюдаются и в других говорах башкирского языка. Эти соответствия характерны и для древне-кыпчакского¹⁶, а также для многих тюркских и, очевидно, в первую очередь кыпчакских языков¹⁷.

Характерным для ик-юшатырского говора является закон редукции, в соответствии с которым узкие гласные *y*, *e*, *o*, *ö* произносятся с предельной краткостью и вследствие этого часто выпадают в позициях перед согласными *s* и *š*, а также после сонорных: pēsāj/psāj — лит. besāj 'кошка', turpūša/turpša 'полог', 'дерюга', burs — сакмар. burys — средн. гов. buryš — демск. buris 'подуст, рыба'; sörök/sörk — лит. sörök 'гнилушка', sörklänä 'превращается в гнилушку (о дереве)'; atahyn tant — лит. tanyt- в смысле 'показать, где раки зимуют'. Редукция наблюдается во многих говорах башкирского языка, а также и в других тюркских, особенно кыпчакских, языках. Наиболее ярко она проявляется в западном нижебельском говоре башкирского языка: jōŋkē — лит. ōjāŋke 'ветла', jöldy < öj + aldy 'двор'; tčö вместо tōčö 'пресный', čqoloq вместо očqoloq 'икота'.

В говорах южного диалекта происходит интенсивная «палатализация» слов, что в свое время отмечалось и Дж. Г. Киекбаевым. Однако некоторые сугубо диалектные варианты сингармонических параллелизмов зачастую бытуют с твердорядными гласными. Чрезвычайно специфичны «твердые» варианты слов в ик-юшатырском говоре, имеющие аналогичные фонетические соответствия в современных кыпчакских языках. Например: baqalsaj/baqaj/bākālsāj 'бабка'; bānük 'короткая бабка', bikar — лит. bikär 'совсем, зря'; yorġ — лит. yöröf 'обычай'; dym — лит. и др. гов. dōm — усилительная частица 'сплошь, совершенно': Dym bašqort buyan 'сплошь башкиры были'; madaq — лит. mādāk 'забава, потеха'; Mafruza — лит. Mäfrüzä — антропоним; mosqahud — средн., сакмар. mōsäheḥ 'без фигуры, не имеющий красивой фигуры', užat — сакмар. üžät 'упрямый'; šaqalaj — средн. šākāltāj 'щиколотка', jyps 'народ', игуḥ jyps 'русский' — лит. jenes 'пол'.

Для говора, так же как для современных кыпчакских языков, характерно преимущественное употребление в определенных словах начального глухого *p*, например: pēsān 'сено'; pūsqaq 'грязь', pēsāj 'кошка', pēše 'плотный, крепкий'. Однако специфичным для говора является употребление глухого *p* алтайского типа, присущего главным образом чувашскому и сибирским тюркским языкам. Например: päŋde 'хариус', päḍ 'иней', pūlsymaq/pūlsyq/pūsuy 'сырой, водянистый', pūlayum 'ненормальный'.

Вместе с тем наблюдается преимущественное употребление в некоторых словах звонких согласных *g*, *γ* наряду с глухими их парами: gepāz

¹⁵ Б. А. Серебрянников. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза. — «Языковые контакты в Башкирии». Уфа, 1972, стр. 9.

¹⁶ А. К. Курышжанов. Указ. раб., стр. 55.

¹⁷ Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975, стр. 35—36.

‘князь’, Үädbäk/Qädbäk — антропоним, gärnis/kärnis ‘карниз’, yälāmat/qälāmāt ‘признак, подобие’, yorla/qorla ‘горло’.

Диалектное соответствие $d \sim t$ выступает еще более последовательно, охватывая широкий круг слов, распространяясь и на бассейн реки Нугуш: damya ‘тамга’, döřow ‘завернуть’, dārān ‘глубокий’, dombojoq ‘лилия водяная’, dūŋ/düm/dūmhāk/tūmālās ‘холм’, dāw ‘большой, огромный’, dywamal/tywamal ‘опрометчивый’, duŋārāk — лит. tūgārāk ‘круглый’, jede/jete ‘семь’, aramda/aramta — др. говоры: aramza, aramda, aramha ~ лит. aramja ‘делающий кое-как, поверхностно, недобросовестно’.

В говоре группа слов употребляется со звуко сочетаниями ηу, ηğ наряду с литературными формами на η: qηŋyūd — лит. qηyūd ‘жук’, qηŋyūt ~ qηyūt ‘бурый’, jaŋyāq ~ jaŋaq ‘челюсть, щека’, syŋyarsaq/syŋarsaj ‘безымянный палец’, sāŋgeldāk ‘колыбель’.

В ик-юшатырском говоре, так же как в южном диалекте и в огузских языках, систематически в начале слова встречается среднеязычный звук *j*, в противовес начальному *ž*, характерному для говоров восточного диалекта и большинства современных кыпчакских языков. Любопытно, что в говорах среднего диалекта татарского языка, контактирующих с говорами южного диалекта башкирского языка, употребляется звук *ž* и не только в начале слова (žagaŋ ‘ладно’), но и в начале слога (donža ‘вселенная’). Ик-юшатырский говор, находясь в окружении «жекающих» языков, отражает особенность огузских, а также региональных языков: чувашского, мишарского, сибирских татар, то есть ныне не контактирующих между собой языков. Общие черты, характерные для языка башкир, мишарей, сибирских татар, проявляющиеся и в других фактах (например, башк. *s* и мишар., сибир. тат. *c* в начале слова), имеют общие исторические корни, восходящие к древнему половецко-куманскому языку. Известно, что в древнем языке куманов или половцев в начале слова преимущественно употреблялся *j*¹⁸. Ср. также записи судебных актов на половецком языке, в текстах которых *j* выступает в начале собственно тюркских слов: jaŋa, jazdy, juq, jaŋut и т. д.¹⁹

Наряду со словообразовательными аффиксами, начинающимися с сонорных *-l*, *-n* (*-la*, *-ly*, *-lyq*, *-na*, *-ny*, *-nyq* и другие), характерных для всего южного диалекта, ик-юшатырский говор имеет свои диалектные грамматические формы. Приведем некоторые зафиксированные формы, которые в комплексе составляют специфику этого говора.

-aŋpa/-äŋpā. Этот аффикс образует подражательные и образные слова. В других говорах южного диалекта ему соответствует вариант *-appa/-äppā*, в восточном — *-anda/-ändā*: majmaŋpar ‘(шагать) вперевадку (о полном человеке)’; sysaŋpaw ‘вскакивать, проявлять нетерпение’, sārsāŋpāw ‘распаляться, кипятииться’.

-yŋ/-ej, **-oŋ/-öj**, **-dyj**, **-myj**, **-malyj**, **-aryj.** Эти аффиксы образуют имена существительные с уменьшительным значением, а также прилагательные, например: Dusyŋ < Dsmexāmāt, Alej < Alebaj — антропонимы; tirmej — лит. tirmā ‘юрта’ (но, возможно, и от формы tirmā + öj ‘разборный дом’); qomoj/qomij ‘пескарь’; küstej — лит. küstānās ‘гостинец’; ozdoj — лит. ostoa ‘легкий, легкомысленный’; bošmalyj — лит. bošmað ‘беспечный’, qygmij būrk — лит. qygmā būrek ‘шапка, отороченная мехом’, tašyŋ/tašaryŋ/tašymtaj/tašpaš ‘пескарь’.

¹⁸ В. Радлов. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря. СПб., 1884, стр. 38.

¹⁹ Т. И. Грунин. Памятники половецкого языка XVI века. — «Академику В. А. Гордлевскому». М., 1953, стр. 92—93.

-aq/-äk, -oq/-ök, -yq/-ek. Это довольно активный аффикс, образующий специфические формы прилагательных, которые впоследствии могут субстантивироваться: qoraq (jurğan) — лит. qorata 'лоскутное одеяло', pylsımaq — лит. bysyj 'сырой'; tyrtıyq 'худой, долговязый'; quşaq 'ноздри', hödäk 'грипп', jamaq 'плохой', kätäk — средн. kätäpā 'карлик'.

-aqaj/-äkäj. В говоре эти аффиксы образуют прилагательные от глаголов и по значению соответствуют причастной форме на -ğan/-gän. Некоторые из них идентичны с формой прилагательного на -aq, которых в литературном языке чрезвычайно мало. Приведем примеры из говора: küsäkäj (awyl) — лит. küskän 'аул-переселенец'; ıtyraqaj (men-där) — лит. ultyra toryan 'подушка, предназначенная для сиденья', ср. лит. ultyraq 'оседлый'; kejäkäj — лит. kejä toryan 'надевающийся'; Мунпавдан kejäkäje lä bar 'Есть и то, что одевается вот отсюда'. Прилагательные с формой на -qaj/-käj: huđmaqaj 'растягивающийся, безразмерный', qujınqaj 'затруднительный', jomşaqaj 'инертный, слабый, неспособный', järäwkaj/järältäk 'подлаживающийся, подхалим'.

-mar, -(a)myr. Сугубо специфический аффикс имени существительного, прилагательного и наречия, встречающийся в отдельных словах. Например: qatmar (< qat 'слой') 'широкая оборка на платье', ıjamyr/ıjrat/ıjhyw (< ıj- 'делать выем') 'долина, ложбина, низменность (о местности)'; jamaımyr/japaşar (< jan 'бок') — лит. jāpāš 'рядом'.

Диалектные формы аффиксов с конечным -r (hontor 'долговязый', şamtyr 'неряшливый', somtor 'куций', ıjamyr 'низменный, сырой' и др.) могут указывать на остаточные явления ротацизма, характерного для болгарского языка.

-qary/-käre, -yary/-gäre. Этот аффикс образует наречия с временно-направительным значением. Наиболее широкое употребление имеет в ик-юшатырском говоре. Например: huıyary 'позднее', kiskäre — лит. kiskä taban 'к вечеру', jađyary — лит. jađya taban 'ближе к весне', eskäre — лит. eskä qaraı 'вовнутрь'; elgäre — лит. elek 'раньше'.

-na, -naq. Чрезвычайно специфичный аффикс, представляет собой диалектный вариант глагольного аффикса -la/-lä, присоединяясь к основе, оканчивающейся на š, t, образует глаголы, имена существительные и прилагательные.

Глаголы, образованные при помощи данного аффикса, отмечаются и в других говорах: satnaw 'треснуть'; южн. д. sitnätew, sitlätew — вост. д. sittätew, siteltew 'отталкивать, притеснять', kešnaw — другие формы южн. д. keşennāw, keşännāw вост. д. kešnāw, kešanāw 'ржать'. Другие примеры из говора: aşnaq (< aš 'пища') 'летняя кухня'; teşnäk (досл. 'крепко сжимающий зубы') 'упрямый, упорный'. Подобные формы зафиксированы и в эпосе «Алпамыш», записанном автором на территории распространения говора: Ataı batna, şul birdeme? 'Твой отец-царь (?) он выдал (тебя)?' Ināı quşna²⁰, şul birdeme? 'Твоя мать-наперсница (?), она выдала?' Kiteı, butam, kiteı, butam! 'Уходите, дитя мое! Уходите!' Семантико-функциональные значения аффикса еще до конца не выяснены и требуют дополнительного исследования.

В диалектной лексике также прослеживается связь с кыпчакскими языками, особенно в области терминологии скотоводства и родства. Вместе с тем говор сохраняет специфические местные диалектизмы ре-

²⁰ Значения слов batna, quşna не ясны.

диктового характера, например: *tyŋ tyŋpaw* (досл. 'слух, слушать', в значении «подслушивать чужой разговор») — старинный девичий обряд, заключающийся в угадывании будущего на основании подслушанного разговора жильцов какого-нибудь дома. *Seš täkä ašaw* [досл. 'кушать барана на вертеле' (?)] — свадебный обряд угощения гостей едой, собранной у гостей спевшим и сплясавшим мальчиком. *Süräkä cıpnaw* — игра мальчиков, гоняющих палкой маленький деревянный шарик (*süräkä*), а тот, кто водит, должен бежать за шариком с криком *ülil!* и принести его. *Küs-küs!* — так приговаривают, выдергивая из земли растения с красными корнями. *Bäm-bäm bämtäkä! Qara täkä, kük täkä. urmanday mökätä, täğärlän-tuğarlan!* 'Бам-бам, одуванчик, черный баранчик, серый баранчик, (как) лесная улитка, скатывайся-закручивайся!' — так приговаривают дети, пряча во рту стебель одуванчика, который в говоре имеет еще несколько названий: *bämbäläk, bämbaşek, bämtäkä, läpläwek, läpläm* и др.

В ик-юшатырском говоре богато представлены самобытные названия растений, одежды, рыб и т. д.: *ältensäj, tältersäj, tätem* 'дикая морковь', *lawuŋ/pawuŋ* 'лекарственное растение, лечащее туберкулез'; *muŋja/puŋja* 'горное растение, при употреблении настоя которого якобы срастается сломанная кость'; *rajräq* уст. 'валяные чулки', *saqsuŋ* уст. 'обувь, сшитая из лошадиной кожи'; *körtöj* 'теплая (раньше — овчинная) куртка-безрукавка', *taqum/taŋum* 'клин в штанах', *sübäk* 'угорь', *hyla* 'ерш', *jotqoloq/jotom, majmus, sabaq* 'мальки', *köpäš* 'черепаха'. Слова, характеризующие человека: *qaldaw* 'жилистый', *oðop hornaj, honɬor* 'долговязый', *šärgrä* 'неряха', *hupata* 'толстый, грузный', *кебе* 'упрямый', *tyrtuŋ* 'худой, костлявый', *tomtoq* 'короткий, куций'; *bujthuð, tuphuð* 'бестолковый', *jäldäk* 'лентяй', *toħaj* 'тупой', *ruštŋ* 'медлительный', *syŋuŋ* 'аккуратный', *waŋumsyl* 'мнительный', *muŋjylw* 'милостиво (смотреть)', иметь добрый взгляд: *Muŋjylɬuŋ qarawlarŋ küð allarŋmdan kitmäj* 'Перед моими глазами всегда ее милый взгляд (образ)' (из песни); *šŋsuŋj* — лит. *fyrtyŋ* 'легковесный, шеголь'.

Анализ диалектных особенностей языка башкирских кыпчаков, ныне ик-юшатырского говора южного диалекта, показывает, что наряду с кыпчакскими чертами в нем встречаются особенности и огузских языков. Отмеченные в нем сугубо диалектные явления (*a°*, аффиксы на *-r*, *-na/-nä* и др.) относятся к региональным особенностям тюркских языков Поволжья и, вполне возможно, восходят к древним башкирско-булгарским языковым контактам.

А. Г. ХАМИТОВА

ОБ АФФИКСАХ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕПОЛНОТУ ПРИЗНАКА В ИМЕНАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО, УИГУРСКОГО, КАЗАХСКОГО И ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Изучение родственных языков, носители которых длительное время проживали на одной территории и находились в тесном контакте друг с другом, представляет особый интерес. Так, например, тюркские языки Средней Азии и Казахстана благодаря общности происхождения и длительному совместному развитию, хотя и входят в три большие языковые группы тюркской семьи¹ и имеют много общих признаков с тюркскими языками других территорий, обладают и специфическими сходными чертами, свойственными только им.

В тюркских языках Средней Азии и Казахстана много общего с другими тюркскими языками в способах выражения меры качества. Если для выражения полноты признака (превосходство, преувеличение, усиление качества) в именах прилагательных используется аналитический способ, в основном — слова-усилители, то для выражения неполноты признака (преуменьшение, ослабление качества) применяется синтетический способ, то есть аффиксация.

Специалистами по истории тюркских языков выявлены аффиксы и формы, передающие значение неполноты качества, признака. К ним относятся *-шін* (*-šin*) *kökšin*, *-чин* (*-čin*) *kökčin*, *-шил* (*-šil*) *qarašil*, *-симаң* (*-siman*) *qarasiman*², *-(у)мтул* (*-umtul*) *qyzymtul*, *ayumtul*, *qaramtul*, *-(ү)мтүл* (*-ümtül*) *kökümtül*; *-чыл* (*-čyl*) *aqčyl*, *-чил* (*-čil*)³ и др.

В тюркских языках Средней Азии и Казахстана аффиксы, выполняющие функцию выражения неполноты признака в имени прилагательном, можно подразделить на общетюркские: *-шил* (*-šil*), *-шін* (*-šin*), *-мтир* (*-mtir*), *-мтул* (*-mtul*)..., специфические, то есть характерные для отдельного тюркского языка: узб.: *-ғиш* (*-yiš*), *-тай* (*-taj*); каз.: *-ғылтым* (*-yultym*), *-илдір* (*-ildir*), *-лау* (*-lau*), *-леу* (*-leu*), *-тау* (*-tau*), *-дау* (*-dau*), *-деу* (*-deu*), *-ша* (*-ša*), *-ше* (*-še*), *-ақ* (*-aq*), *-маш* (*-maš*), *-қай* (*-qaj*), *-гирт* (*-girt*), туркм.: *-савулт* (*-savult*)... Эти же аффиксы по степени их употребления можно подразделить на активные: узб.: *-иш* (*-iš*), *-ғиш* (*-yiš*), *-мтир* (*-mtir*); уйг.: *-уч* (*-uč*), *-мту* (*-mtu*); каз.: *-ғыш* (*-yüş*), *-ғылт* (*-yult*), *-ғыл* (*-yyl*), *-илдір* (*-ildir*), *-илжим* (*-ilžim*), *-лау* (*-lau*)...; туркм.: *-ымтыл* (*-ymtyl*), *-ымтык*

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 206, 253, 265, 267.

² А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 115.

³ Ф. Абдурахманов, Ш. Шукуров. Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Тошкент, 1973, стр. 75.

(-ymtyk), *-жымак* (-žumak), *-жимек* (-žimek), а также *-гина* (-gina), *-рак* (-rak) и пассивные: узб.: *-сил* (-sil), *-сул* (-sul), *-чил* (-čil), *-тай* (-taj), *-симап* (-siman); каз.: *-шил* (-šil), *-ша* (-ša), *-ше* (-še), *-ақ* (-aq), *-қай* (-qaj), *-аң* (-aŋ), *-маш* (-maš), *-гірт* (-girt), *-әйт* (-äjt); туркм.: *-савулт* (-savult), *-ас* (-as). Приведенные формы, выражающие уменьшение признака качества, в какой-то мере отражают родство этих языков, территориальную близость в процессе исторического развития, а также дифференциальные признаки, присущие отдельным языкам.

В тюркологии существуют различные точки зрения относительно аффиксов, выражающих неполноту признака качества имен прилагательных. Например, в академических изданиях грамматик современного узбекского, уйгурского, казахского и туркменского языков указанные аффиксы рассматриваются как показатели: в узбекском и уйгурском языках — **преуменьшительной степени** (именуемые обычно в узбекском языке *озайтирма даража*⁴, в уйгурском — *камситиш дәрижә*⁵), в казахском — **преуменьшительно-приблизительной степени**⁶, в туркменском — **уменьшительно-ласкательной степени**⁷. Исследователи имен прилагательных указанных языков относят эти аффиксы к аффиксам **субъективной оценки**⁸; к **формам, выражающим недостаточность признака**⁹, *озайтирма даража*¹⁰ (в узбекском языке); *шағын шырай, сын есімнің сапасын шағындап көрсететін формалар*¹¹ (в казахском языке); *деңешдирмениң кемлик формалары*¹² (в туркменском). По этому вопросу имеются и иные мнения. Н. К. Дмитриев, например, эти аффиксы относит к **формам ослабления качества степеней сравнения**¹³, А. Н. Кононов — к **уменьшительным формам**¹⁴, Н. А. Баскаков останавливается на них в **разделе словообразования** и считает аффиксами, образующими от имен качества (главным образом цвета) новые оттенки¹⁵, П. Азимов именует эти аффиксы показателями **недостаточной степени**¹⁶, А. Исхаков — *салытырмалы шырай*¹⁷ (сравнительной степени. — А. Х.), А. Айвазов¹⁸, Б. М. Тагиев¹⁹, А. М. Джавадов²⁰, А. М. Латыпов²¹ — **преуменьшительной** или **уменьшительной** степеней, Э. В. Севортян²², Б. О. Оруз-

⁴ «Ҳозирги ўзбек адабий тили». I. Тошкент, 1975, стр. 298.

⁵ «Ҳазирки заман уйғур тили». II. Алмута, 1966, стр. 100.

⁶ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 208.

⁷ «Грамматика туркменского языка». Ашхабад, 1970, стр. 148.

⁸ А. Ф. Гуломов. Узбек тилида сифатнинг чоғиштирма даражалари. — В журн.: «Узбек тили ва адабиёти», 1959, № 2.

⁹ З. М. Магруппов. Степени сравнения имен прилагательных в узбекском языке. Канд. дисс. Л., 1947, стр. 88—91.

¹⁰ М. Содиқова. Ҳозирги ўзбек тилида сифат. Тошкент, 1974, стр. 44.

¹¹ Ф. Ф. Мусабаев. Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары. Алматы, 1951, стр. 44; Ж. Шакенов. Қазіргі қазақ тіліндегі сын есім категориясы. Алматы, 1961, стр. 28.

¹² К. Шамыраров, А. Ибраимов. Туркмен дилинде сыпатлар. Ашгабад, 1956, стр. 23.

¹³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 84.

¹⁴ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 160.

¹⁵ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Ч. II. М., 1952, стр. 207.

¹⁶ П. Азимов, Дж. Амансариев, К. Сарыев. Туркменский язык. — «Языки народов СССР», том II. «Тюркские языки». М., 1966, стр. 99.

¹⁷ А. Ысқақов. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. Алматы, 1964, стр. 274.

¹⁸ А. Айвазов. Степени имен прилагательных в современном турецком языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964.

¹⁹ Б. М. Тагиев. Степени имен прилагательных в азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965.

²⁰ А. М. Джавадов. Имя прилагательное. — В кн.: «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 78.

²¹ А. М. Латыпов. Имя прилагательное. — В кн.: «Современный татарский язык». М., 1969, стр. 174.

²² Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 181.

баева²³, Дж. Уметалиева²⁴, Ф. А. Ганиев²⁵, М. Хабишев²⁶ — считают их **словообразующими**. По мнению Э. В. Севортяна²⁷ и К. Любимова²⁸, этим аффиксам недостает главного — грамматической категории универсальности, способности сочетаться с любым прилагательным, а также показателя сравнения, поэтому они не могут образовывать степени сравнения и являются словообразующими. А. Г. Гулямов считает их аффиксами внутреннего образования²⁹. А. Т. М. Гарипов квалифицирует аффиксы (-yult, -yul, -hu) как **формообразовательные разряды**³⁰. А. М. Мурадов аффиксы -за/-зе; -зук/-зик..., -загар; -š, -ymtil..., -ymtik..., -savult; -yult; -as; -rak..., -žumak; -ča/-če; -jaŋuz... объединяет в показатели **ласкательности** и **уменьшительности** в туркменском языке³¹. Нам уже приходилось высказываться относительно необходимости раздельного изучения аффиксов ласкательности и аффиксов, выражающих неполноту качества³².

Сказанное свидетельствует о том, что в тюркологии существуют различные точки зрения по вопросу о роли аффиксов ослабления качества, образования степеней сравнения и самих имен прилагательных.

По нашему мнению, сравнительное изучение форм, выражающих меру признака в прилагательном, должно пролить определенный свет на все эти спорные проблемы.

Проанализируем характер и сферу употребления в современных тюркских языках Средней Азии и Казахстана некоторых активных аффиксов, выражающих неполноту качества (в основном цвета и окраски).

Аффиксы: узб.: **-мтир** (-mtir), **-имтир** (-imtir), **-имтил** (-imtil);

уйг.: **-мту** (-mtu);

туркм.: **-ымтыл** (-ymtyl), **-имтил** (-imtil), **-ымтул** (-umtul), **-үмтил** (-ümtil), **-мтыл** (-mtyl), **-мтил** (-mtil)³³.

Эти формы весьма активны в современном узбекском и особенно в туркменском языках при выражении неполноты признака, преуменьшительности, ослабления качества — цвета, окраски предмета. В узбекском языке они часто сочетаются с прилагательными aq, qaqa, в туркменском — с ak, ʧaqa, gök, mave, mele. В азербайджанском можно встретить jaşylmtyl и ʧuŋmzymtyl³⁴. Любопытно, что в современном казахском языке подобные формы не встречаются. В каракалпакском наряду с -yultum, -yultur (которые имеются также в казахском и татарском) употребляются и формы на **-ымтыл** (-ymtyl), **-имтил** (-imtil)³⁵. Эти формы, по-видимому, более характерны для огузской группы языков, нежели для кыпчакской.

²³ Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 161.

²⁴ Дж. Уметалиева. Имя прилагательное в современном киргизском языке. Фрунзе, 1965, стр. 63.

²⁵ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 187.

²⁶ М. Хабишев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, стр. 207.

²⁷ Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3.

²⁸ К. Любимов. Письмо в редакцию «О степенях сравнения в тюркских языках». — «Вопросы языкознания», 1968, № 6.

²⁹ А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Аффиксация. Ч. I. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1955, стр. 53.

³⁰ Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959, стр. 136.

³¹ А. Мурадов. Выражение ласкательности и уменьшительности в именах туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1975.

³² А. Хамитова. Ҳозирги туркий тилларда сифатнинг субъектив баҳо формалари. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1975, № 1.

³³ В туркменском языке имеются формы -mtik, -ymtyk, -imtik, передающие **неполноту качества** (не выражающие цвета и окраски), поэтому на них здесь останавливаться мы не будем.

³⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования, стр. 181.

³⁵ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II, часть I. М., 1952, стр. 208.

А. Н. Кононов указывает на наличие в узбекском литературном языке формы на *-imtir/-imtil* и отмечает, что второй вариант, то есть на *-imtil*, образуется от прилагательных, обозначающих цвет, выступая дублетом *-iſ*, *-yiſ*³⁶. А. Г. Гулямов высказывает предположение, что эти формы имеют определенное отношение к аффиксу *-si*, смягчающему признак³⁷. К ним можно добавить аффикс *-msa/-sa* (узб. *qulansa*, каз. *qulamsa* 'тухловатый' и гаг. *-msy/-msi*, *-msu*, *-msü*, *-sü*), который образует преуменьшительную степень прилагательных от некоторых основ, выражающих вкус и цвет: *sarymsy* 'желтоватый', *isiinsi ſagar* 'кисловатое вино'³⁸. З. М. Магруппов указывает, что в узбекском языке имеется и форма на *-yimtir: qizyimtir*³⁹. М. Садыкова отмечает наличие в узбекском языке форм *aqimtir, qaramtir, kökimtir, qizyimtir, saryimtir*⁴⁰. По мнению Э. В. Севортяна, в туркменском языке имеются и формы *čalymtyl/čalymtyk* 'сероватый'⁴¹.

Проиллюстрируем сказанное.

Aq + -imtir/-ymtyl.

Узб.: *Sarqniſ aqimtir ſulasi bargan sari jariſardi* (журн. «Соадат») 'Все ярче стали сиять беловатые//бледноватые лучи востока'; туркм.: *...a y u m t y l a s m a n n y ſ ö n i n d e* («Совет Туркменистаны») '...на фоне беловатого неба'.

Qara + -mtir/-mtul/-mtu.

Узб.: *Past bujli ga ramtir qun yir jüzli jigit arhiolog alim Ahatžan edi* (П. Кодиров) 'Низенького роста, со смугловатым загорелым лицом, Ахатджан был ученым-археологом'.

Писатель Айбек в своих произведениях в сочетании со словом *jüz* 'лицо' часто употребляет слово *qarača* 'смуглое//смугловатое', 'темноватое': *Mir hajdar qarača jüzida tabassum jangon qizalaqqa tikildi* 'Мирхайдар впился взором (взглядом) в девчурку, на лице которой играла улыбка'. По нашему наблюдению, употребление аффикса *-ča* с прилагательным *qara* 'черный' в сочетании со словом *jüz* 'лицо' является характерным для современного узбекского литературного языка. В уйгурском языке, там, где говорится о цвете лица (кожи) человека, со словом *qara* 'черный' употребляются формы *-mtu// -mtul// -mtulraq: Mahmutniſ qaramtu čiraji süzölip qapto* (Зия Самадий) 'Осунулось смугловатое лицо Махмута'; *Mahinurniſ akisi qaramtulraq ädi* (газ. «Коммунизм туғи») 'Старший брат Махинура был смугловатым (более смуглым)'. Если же речь идет о детях или подростках, то употребляется сочетание (ласкательное, как туркм. *qaraža*. — А. Х.) *qara qomčaq: qara qomčaq qiz...* (газ. «Йеци һаят») 'смугленькая девочка'. В остальных случаях со словом *qara* активно сочетается *-mtu: suniſ üstini qaramtu sur pärdä qarlıdı* (Зия Самадий) 'Поверхность воды покрыла черноватая пленка'. В казахском смуглость кожи человека передается прилагательным *qaratory* 'смуглый, смуглая' («Русско-казахский словарь». М., 1954, стр. 756). В других случаях значение неполноты черного цвета передается формами *-ltum: qaraltum* 'черноватый'; *-ša: qaraša toyyuz üj tur* (Г. Мусрепов) 'стояли девять черноватых потрепанных юрт...'.

Sariy + -mtir/-sary + -mtyl.

Узб.: *Qar qaraſ y i k e č a d a havlimizga allaqandaj saryimtir nur čuzilib kiraberdi* (Саид Ахмед) 'В темную-претемную ночь в наш

³⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 161.

³⁷ А. Гулямов. Указ. автореф., стр. 42.

³⁸ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 106.

³⁹ З. М. Магруппов. Указ. раб., стр. 89.

⁴⁰ М. Содиқова. Ҳозирги ўзбек тилида сифат, стр. 45.

⁴¹ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования, стр. 181.

двор стали проникать какие-то желтоватые лучи'. М. Садыкова, указывая на наличие в узбекском языке форм *aqimtir*, *qaramtir*, *kökimtir*, *qizimtir*, *sarimtir*, выделяет *-imtir*, сочетающийся со словами *sariy*, *qizil* в самостоятельный аффикс;

туркм.: *Gairy tozan sarymtyl guzardy* (Б. Кербабаев) 'Покраснела желтоватая пыль'; *Sargylyt kaýuz* 'Желтоватая бумага'.

Mele + -mtil.

Maržana melemtil gabardin paltosyny çykaranda... (Б. Кербабаев) 'Маржана, когда сняла рыжеватого цвета габардиновое пальто...'

Kök + -imtir/gög + -imtil.

Узб.: *Kamila kökimtir pidžak çuntagidan dastrumalča aldi* (Айбек) 'Камила достала носовой платок из кармана синеватого пиджака'.

Для уйгурского языка характерна форма *köküş*, для казахского — *kögildir*, *kögilzim*. Относительно употребления аффиксов *-ildir*, *-ilzim* в литературных узбекском, уйгурском и туркменском языках материал у нас отсутствует. Аффиксы: узб.: *-иш* (*-iš*), *-фиш* (*-fiš*)/*-фич* (*-fič*); уйг.: *-уч* (*uč*)/*-үч* (*-üč*), *-фич* (*-fič*), *-фуч* (*-fuch*); каз.: *-ғыш* (*-gyš*) присоединяются к прилагательным: *aq* 'белый', *kök* 'синий, голубой', *qizil* 'красный', *sariy* 'желтый'; в казахском еще к *boz* 'бледный', *sur* 'серый' и выражают неполноту признака. При этом *-iš/-ič*, *-uč/-üč* прибавляются к словам *aq*, *kök*, а *-fiš/-fič* ко всем остальным.

А. Н. Кононов указывает на генетическую общность узбекского аффикса *-iš* с аффиксом *-aş* в шорском языке⁴². Э. В. Севортян аффикс *-š* в азербайджанских словах *kögüş* 'синеватый', *aguš* 'беловатый' рассматривает в разделе, посвященном аффиксу *-(a)š*, который, присоединяясь к другим словам, выражает и неполноту, и усиление качества, а также субстантивное значение⁴³. А. Г. Гулямов, ссылаясь на наличие формы *qizüč* в ферганском говоре, высказывает предположение, что аффикс *-š/-č* имеет генетическую общность с аффиксом *-č* и образует уменьшительно-ласкательную форму существительных⁴⁴. М. Садыкова отмечает наличие вариантов *-ič*, *-fič* в разговорной речи узбекского языка⁴⁵.

В уйгурском языке имена прилагательные или степени сравнения не были еще объектом специального изучения. В академической грамматике приводится форма на *-uč*, *-üč*⁴⁶. Г. Садвакасов пишет о существовании в языке уйгуров Ферганской долины форм *-уш* (*-uš*), *-үш* (*-üš*), *-иш* (*-iš*), *-фиш* (*-fiš*), *-ғыш* (*-gyš*)⁴⁷.

Находящийся в нашем распоряжении материал дает основание считать, что в литературном уйгурском языке имеется форма на *-fič*, присоединяющаяся к прилагательным *qizil* 'красный' и *sariy* 'желтый'. Сочетание *sariy* с *-fič* произносится как *sa(r)fič* (с выпадением звука *r*).

Для казахского языка аффикс *-iš* не характерен. К прилагательным *aq*, *kök* присоединяются аффиксы *-ša/-še*, *-ildir*, *-ilzim*, *-ilim*. Г. Г. Мусабаяев отмечает, что аффикс *-gyš* не встречается в староказахском языке и впервые был введен в употребление в произведениях М. Ауэзова. В современном же литературном языке стала употребляться форма *sargyš*

⁴² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 160.

⁴³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 171.

⁴⁴ А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования..., стр. 42.

⁴⁵ М. Содиқова. Ҳозирги ўзбек тилида сифат, стр. 104.

⁴⁶ «Назирки заман уйгур тили», стр. 100.

⁴⁷ Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. 2. Алма-Ата, 1976, стр. 150.

вместо *saryyultum*⁴⁸. В академической грамматике казахского языка⁴⁹ и у Ж. Шакенова⁵⁰ форма на *-yūš* приводится в сочетании с *saγu*.

В каракалпакском языке форма на *-yūš* имеет несколько фонетических вариантов и употребляется активно⁵¹. В киргизском языке она встречается в словах *aγyūš*, *kögüš*⁵².

В грамматиках туркменского языка формы *-yiš*, *-yuč*, *-iš* не приводятся. По-видимому, эти аффиксы (особенно в сочетании со словами, обозначающими цвет и окраску) не характерны для огузской группы языков, так как, кроме азербайджанского *aγyūš*, *kögüš*⁵³, другие случаи их использования нам неизвестны.

Aq + -iš/-uūš.

Узб.: *Davlatbekov aq iš jüzli adam ädi* (П. Кадиров) 'Давлатбеков был человеком с беловатым лицом';

уйг.: *Yslar... a qu š r ä ŋ g ä körinip ɣajur bolmaqta* (Ж. Босаков) 'Беловатого цвета дым появлялся и исчезал'.

Aq + -uč.

Уйг.: *Henipäm a qu č r ä ŋ lik köjnigini kjipto* 'Хенипем одела свое беловатое (светлое. — А. Х.) платье'.

К прилагательному *aq* в казахском языке присоединяется также аффикс *-šyl*, а в туркменском *-zumak* и иногда *-savylt*.

Qizil + -yiš// -yūš// -yüč.

Узб.: *Qiz yiš romal* 'Красноватая косынка';

уйг.: *Uniñ qiz yu č jüzi jadap, sayirip ketipto* (Ж. Босаков) 'Его розовые щеки осунулись, и лицо пожелтело';

туркм.: *Yuz yult a jal...* (Б. Кербабаев) 'Женщина с розовыми щеками'.

Sariy + -yiš/-yūš/-yuč.

Узб.: *Karimqulniñ sar yiš közlarida nahušlik sezdi* (Айбек) 'В желтоватых глазах Каримкула он почувствовал неприязнь'; *Katta ajiqniñ sar yiš tişlari körinip turardi* (П. Кадиров) 'Были видны желтоватые клыки большого медведя';

уйг.: *Ävu čitniñ sar yu č güli bar äkän* (А. Шамиева) 'У того ситца, оказывается, желтоватые цветочки (расцветка);

каз.: *Asiäniñ sar yu š qastary tüjilip turdy* (М. Ауэзов) 'У Асии рыжеватые (желтоватые) брови нахмурились // были нахмурены'.

Kök + -iš//köküč//köküš//köksil.

Узб.: *U kökiš ešikni körip toxtadi* (Уткир Хошимов) 'Он остановился, увидев калитку синеватого цвета (~ синеватую калитку)';

уйг.: *Ajzimniñ köküš r ä ŋ g ä kirgan lävleri titridi* (Тайиров) 'У Айзима задрожали губы, которые (посинели) приняли синеватый цвет'.

В казахском языке к слову *kök* присоединяются аффиксы *-šil*, *-ilim*, *-ildir*; *köksil*, *kögilim*, *kögilzim*; *Onyñ köksil közi Zibektiñ işki özgerisin de bajqap qaldy* (Г. Мустафин) 'Его синеватые глаза заметили внутреннее волнение Жибек'.

⁴⁸ *Ф. Ф. Мусабаев. Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары*, стр. 44.

⁴⁹ «Современный казахский язык», стр. 207.

⁵⁰ Ж. Шакенов. Указ. раб., стр. 29.

⁵¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 207; Б. О. Орузбаева. Указ. раб., стр. 161.

⁵² Дж. Уметалиева. Имя прилагательное в современном киргизском языке, стр. 65.

⁵³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования..., стр. 171.

Ю. В. ЩЕКА

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛЬНЫМИ ПОВТОРАМИ В ТУРЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Объектом настоящего исследования являются некоторые особенности выражения предикативности в турецкой разговорной речи на материале языка произведений современной литературы Турции. Разговорную речь (РР) можно охарактеризовать как устную речь (в подавляющем большинстве случаев) носителей турецкого литературного языка (например, турецкой интеллигенции) в условиях непринужденного общения. Основными признаками РР являются ее спонтанность, ситуативная обусловленность, эмоциональность. Отраженная в литературных произведениях РР является письменной по форме, а также заранее отобранной автором, использующим ее как художественное средство, но тем не менее сохраняющей основные особенности живой речи, ибо автор стремится воспроизвести РР как можно точнее, со всеми ее специфическими оттенками¹.

Теоретической посылкой данной работы является выделение трех аспектов высказывания: номинативного (номинация события), коммуникативного (выражение коммуникативного задания, темы и ремы) и актуального (соотнесение номинации с действительностью через категории времени, лица и модальности)². Большинство исследований РР на материале основных индоевропейских языков посвящено главным образом особенностям ее коммуникативного аспекта (работы О. А. Лаптевой, Е. А. Земской, Х. Циммермана и др.³) — при этом внимание концентрируется на порядке слов и словорасположении в разговорной фразе, связанных с особенностями разговорной коммуникации (важнейшими из них являются особенности распределения информативных центров, определяемые спонтанным, неподготовленным характером речи)⁴. Что же касается изучения особенностей актуализации высказывания (предикации) в РР, то им уделяется сравнительно меньше внимания. Вместе с тем следует отметить книгу Н. Ю. Шведовой, в которой автором указаны наиболее важные особенности предикации в русской РР: «В строе разговорной речи есть целый ряд общих правил построения сказуемого и основы предложения, в которых их основное временное и

¹ О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1973; Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

² «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972.

³ О. А. Лаптева. Указ. раб.; Е. А. Земская. Русская разговорная речь. М., 1973; Н. Zimmermann. Zu einer Typologie des spontanen Gesprächs. Bern, 1965.

⁴ О. А. Лаптева. Указ. раб., стр. 184.

модальное значение осложнено значениями характера протекания во времени, качественной характеристики, сопоставленности, оценки и т. д.»⁵.

Из всех возможных средств выражения дополнительных предикативных значений в синтаксисе РР изучаются прежде всего предикативные конструкции, как средства, в которых само сочетание компонентов (слов) выражает дополнительные модально-временные значения. Предикативные конструкции могут быть выделены из более широкого понятия синтаксических конструкций — последние обслуживают не только актуализацию (предикацию), но и весь механизм перенесения препозитивной номинации в сферу коммуникации. Таким образом, мы ограничимся рассмотрением особенностей лишь предикативных конструкций в турецкой РР, причем таких конструкций, которые формально строятся на повторах (полных и неполных) глаголов. Следует отметить, что даже при таком ограничении объект нашего исследования остается достаточно обширным, и поэтому мы остановимся лишь на наиболее типичных предикативных конструкциях указанного типа.

В турецкой РР предикативные конструкции с глагольными повторами распространены весьма широко. Некоторые из них иногда встречаются и в письменной речи, где они употребляются как без изменений, так и (чаще) в модифицированном виде (см. ниже модификации 1а и 11а). Однако одна из важных особенностей РР состоит в том, что подобные конструкции в ней встречаются очень часто.

Для каждой рассматриваемой ниже предикативной конструкции приводятся модель ее построения (она может быть либо единственно возможной, либо иметь несколько структурных модификаций), а также значения, передаваемые данной конструкцией, которая выражает: а) определенный временной нюанс; б) оттенки характера протекания действия, обозначающего глаголом; в) определенный модально-экспрессивный оттенок. Нами выбран структурный принцип последовательности рассмотрения моделей, то есть рассматриваются группы предикативных конструкций, представляющих собой: а) только глагольный повтор; б) глагольный повтор + частица; в) глагольный повтор, между элементами которого располагается частица или другое слово; г) вопросительное слово + глагольный повтор.

Модель 1 — полный повтор глагольного сказуемого, где глагол может стоять в любом лице единственного или множественного числа: 1) настоящего времени изъявительного наклонения; 2) прошедшего категорического времени; 3) настоящего-будущего времени; 4) времени на *miş*; 5) настоящего времени условного наклонения (в значении нереального желания); 6) повелительного наклонения. Данная конструкция служит для выражения продолжительности, многократности или повышенной интенсивности действия, обозначаемого глаголом: — *Okuyorum okuyorum anlatıyorum* (3, стр. 174) '— Читайте-читайте, да не понимаю!'; *Karıyı vuruyoguz vuruyoguz, aşan yok* 'Мы стучим-стучим в дверь — никто не открывает'; *Karıyı boşuna çaldı çaldı* (5, стр. 187) 'Он без толку стучал-стучал в дверь'; *Mektup yazdım yazdım cevap vermedi* 'Я писал-писал письма — он не ответил'; *Koştı koştı yetişemedi* 'Он побежал, что есть силы, но не успел'; *Rio'nun havasını siz bana sorun. İlk senesi öldüm öldüm dirildim* (7, стр. 136) 'Ох, ну и климат в Рио. Первый год я чуть не померла'; ... *O zaman ne uyarım ben? Ha? Ne uyarım? — Ne uyararsın? — Sıkırım dişimi, sıkırım sıkırım* (5, стр. 131) '...Тогда что я сделаю? А? Что? — Что ты сделаешь? — Стисну зубы, стисну, что есть мочи...';

⁵ Н. Ю. Шведова. Указ. раб., стр. 17.

Yalvarmış yalvarmış, gene bir şey elde edememiş 'Он, говорят, умолял-умолял, но все равно ничего не добился'; ...Yüzüme gözüme sürsem bu elleri, koklasam koklasam, dudaklarımda gezdirsem... (7, стр. 139) '...Если б я мог прижать эти руки к своему лицу, надышаться их ароматом, поводить по ним губами...'; Bütün bu kitaplar senin, aç aç oku 'Все эти книги твои, открывай себе да читай'.

Оба элемента конструкции могут быть и в отрицательной форме: «Aman avcı, vurma ben!» — Aaaa, olmaz olmaz. Baksanıza «vurma» diyor (8, стр. 5) 'Сжался, охотник, не убивай меня...' — Ну, не-е-т. Поди ж ты, не убивай, говорит...'

Рассматриваемая конструкция не допускает, чтобы между повторяемым глаголом было вставлено какое-либо другое слово. В случае употребления сложного глагола повторяется лишь вспомогательный глагол: Yardım etmiş etmiş, hiç para etmemiş 'Он помогал-помогал, говорят, но все без толку'.

Модификация 1а. Структурным вариантом модели I является полный повтор деепричастия на *-ır*. В этих случаях аффикс *ır* заменяет соответствующие показатели времени, лица и числа, имеющиеся у другого глагола, с которым данная конструкция связана (либо как значимая часть составного глагола, либо наличием однородных сказуемых). Эта модификация, имеющая те же значения, что и модель I, часто встречается не только в разговорной, но и в письменной речи: ...Onlar... köylülerin ... fikir değiştirmesine şaşır şaşır kalıyorlardı (7, стр. 58) 'Они все удивлялись тому, как крестьяне меняли свои взгляды'; Nefercikler kalabatıktan ne yana etmiş etmiş bilemiyor; gelip gelip ayak altında yol ağzında duruyorlar (7, стр. 77) 'Солдаты не знают, куда им деваться от толпы; они все идут да идут и останавливаются под устоем (моста) на самом проходе...'.

Модификация 1б — конструкции типа: а) деепричастие на *ır* + синоним первого элемента (в соответствующем времени, лице и числе); б) глагол + его синоним (оба в одном и том же времени, лице и числе). Поскольку в качестве элементов конструкции выступают синонимы, эти конструкции весьма близки к модели I и имеют те же значения: ...Bütün dünyayı gezip dolaşmış (7, стр. 45) '...Он, говорят, изъездил весь мир'; Dedesi o zaman kimbilir... nasıl bağırıp çağıracak (5, стр. 170) 'Ее дед... кто знает, как тогда раскричится'; — Evde oturmaktan bıktım usandım (5, стр. 288) '— Мне так надоело сидеть дома!'; — Uykun geldi ise gir yat benim karyolamda (5, стр. 176) '— Если захотел спать, бери да ложись в мою постель'.

Модель 2 — строится так же, как и модель 1 (полный повтор глагола-сказуемого в любом лице единственного или множественного числа: 1) настоящего-будущего времени; 2) настоящего времени условного наклонения; 3) повелительного наклонения), но имеет несколько иное значение. Употребляясь обычно во фразе с двумя однородными сказуемыми (при этом в качестве второго сказуемого чаще всего выступает тот же глагол, что и в конструкции), эта модель выражает определенный предел, которого может достичь действие, выраженное глаголом: Bu işte çok az ücretle çalışacağım. Fakat kazanırım kazanırım bir gazoz parasını kazanırım hiç değilse 'На этой работе я буду очень мало получать. Но хоть на газировку я же себе заработаю'; Kazansa kazansa ancak şu kadar bir şey kazanabilir 'Самое большее он сможет заработать кошке на молоко'; Kalsan kalsan yalnız iki gün kalabilirsin 'Самое большее ты сможешь остаться лишь на два дня'; Kazansın kazansın ne kazanır? 'Ну самое большее что он заработает?'

Если действие предложения мыслится в плане прошедшего времени, то вместо данной модели употребляется повтор деепричастия на *-a, -e*: *Kazana kazana bir gazoz parasını kazanmış* 'Говорят, он все же заработал себе на газировку'; *Uğraşa uğraşa bunu mı yapabildin yalnız?* 'Это все, что ты сумел сделать после стольких усилий?' В эмоциональной речи значение конструкции может несколько переосмыслиться: *Yara yara bunu mı yarasağtın?* *Bir de beni sevdiğini söylüyorsun* 'Уж этого я от тебя не ожидал! А еще говоришь, что любишь меня!'

Часто к повтору модели 2 прибавляется частица *da (ta, de, te)*. Тогда получается синонимичная ей другая модель (см. модель 9).

Модель 3 — повтор глагола в любом лице единственного или множественного числа настоящего-будущего времени; **модификация 3а** — повтор полный (оба элемента в утвердительной или отрицательной форме); **модификация 3б** — глагол в утвердительной + в отрицательной форме. Если значения рассмотренных выше групп конструкций касались характера протекания или степени осуществления действия глагола, то данная конструкция имеет модально-экспрессивное значение и выражает пренебрежение, раздражение, вызванные вопросом собеседника: — *Yine sinemaya mı gidiyorsun?* — *Giderim giderim sana ne?* '— Ты снова идешь в кино? — Ну и иду, а тебе что?'; — *Ahmet İngilizce bilmiyor.* — *Bilmez bilmez, mecbur değil* '— Ахмед не знает английского. — Не знает, ну и что? Он не обязан (его знать)'; — *Sen hiç çalışmıyorsun.* — *Çalışırım çalışmam dert mi sana?* '— Ты совсем не работаешь! — Не работаю, ну и что? Тебе какое дело?'

Несмотря на использование аффиксов настоящего-будущего времени, действие, обозначаемое данной конструкцией, может мыслиться в плане прошедшего, настоящего или будущего времени в зависимости от контекста: — *Ahmet dün sinemaya gitti.* — *Gider gider, yasak değil ya* '— Ахмед вчера ходил в кино. — Ходил, ну и что, это же не запрещено!'; — *Yarın yine mi boş gezeceksin?* — *Gezerim gezmem, sana ne?* '— Ты завтра снова будешь без дела гулять? — Буду так буду, а тебе что?' Как видно из приводимых примеров, значения обеих структурных модификаций полностью совпадают. Иных структурных вариантов данная конструкция не имеет — использование других грамматических времен, перестановка элементов при модификации 3б, а также разделение их какими-либо другими словами не допускаются.

Модель 4 — утвердительная форма + отрицательная форма глагола (чаще всего) в 3-м лице единственного или множественного числа повелительного наклонения. Данная конструкция выражает оттенок безразличия говорящего к тому, совершится или не совершится действие, обозначаемое глаголом: — *Evdoksiya duysun duymasın, acısın acımasın, ağlasın ağlamasın, patronu metresine ne derse desin yahut demesin, (Kâmrân'a) viz geliyordu* 'Узнает ли Евдоксия, будет ли жалеть, плакать, скажет ли его хозяин что-то своей любовнице или не скажет — (Кямрану) было все равно'. Как видно из примера, между элементами конструкции может стоять слово *yahut* (также возможна постанова *veya, yahutta*).

Модель 5 — вопросительная (вопросительно-утвердительная) форма + вопросительно-отрицательная форма глагола в любом лице и числе большинства грамматических времен. Эта модель подчеркивает усиление вопроса, а иногда также связанные с вопросом оттенки сомнения, неуверенности: *Bizimle geliyor musun gelmiyor musun?* 'Идешь ты с нами или не идешь?'; *Hırsızı vurdum mı vurmadım mı, karanlıkta göremedim* 'Убил я вора или не убил — в темноте не было видно'; — *Çalıştığım taksiyi bana verir mi vermez mi?* (5, стр. 131) '— Отдаст он мне такси, на котором я работаю, или не отдаст?'

Модель 6 — глагол в прошедшем категорическом времени + (тот же) глагол в будущем времени (чаще всего в 3-м лице единственного числа). В отличие от рассмотренных выше конструкций, выражающих характер протекания действия или определенные модально-экспрессивные оттенки, семантика данной конструкции связана с выражением определенного временного значения — она обозначает ожидаемое в ближайший момент действие: *Uçak kalktı kalkacak* 'Самолет вот-вот взлетит'; *Çanta düştü düşecek* 'Сумка вот-вот упадет'.

Рассмотренная конструкция показывает, что элементы предикативной конструкции часто утрачивают выражаемые (в данном случае грамматические) значения, употребляясь отдельно (глагол в прошедшем категорическом и в будущем времени соответственно).

В тех случаях, когда употребляется сложный глагол, повторяется лишь его второй компонент — *Yardım etti edecek* 'Он вот-вот поможет'. Порядок элементов является для данной конструкции строго фиксированным, невозможна также вставка каких-либо других слов между элементами.

Модель 7 — глагол в любом лице единственного или множественного числа прошедшего категорического времени + дееспричастие на *-eli, -alı* от того же глагола. Данная конструкция выражает начальный момент в прошлом, с которого началось действие, обозначаемое сказуемым главного предложения (данная конструкция не может выступать во фразе в роли финитного глагола): *...Oysa, yangın yerine girdi gireli, hiç gözden kaybolmamıştı, olmasına da imkân yoktu* (6, стр. 338) '...А ведь с того момента, как он попал на место пожара, он совсем не исчезал из виду, да и не мог исчезнуть'; *Almanya'ya gittim gideli mektup hiç yazmadın baba* 'С тех пор как я уехал в Германию, ты мне совсем не писал'.

Модель 8 (как и модель 7, не выступает в роли финитного глагола во фразе) — утвердительная форма + отрицательная форма глагола в 3-м лице единственного числа настоящего-будущего времени. Эта конструкция обозначает действие, совершенное непосредственно перед другим действием, выраженным финитным глаголом: *İstanbul'a gelir gelmez size haber verdim* 'Как только я приехал в Стамбул, я тут же вам сообщил (об этом)'.

В этой конструкции, как и в модели 6, наблюдается утрата глагольными компонентами своего обычного временного значения и их слияние для передачи указанного нового значения.

Модель 9 (или модификация 2а) — полный повтор глагола в любом числе и лице: 1) настоящего-будущего времени; 2) будущего времени (чаще всего 3-е лицо); 3) прошедшего времени на *miş*; 4) повелительного наклонения + частица *da (ta, de, te)*. Эта конструкция может выражать: а) наибольший предел, которого может достигнуть действие глагола, — в этом случае в качестве второго однородного сказуемого во фразе обычно выступает тот же глагол (значение, синонимичное модели 2); б) целый ряд оттенков значений, сводящихся к тому, что говорящий в том или ином отношении не считает совершение действия чем-то необычным [по-русски часто переводится с использованием оборота «ну и что (особенного)»] — в этом случае вторым сказуемым во фразе часто бывает сочетание *ne olmak* или *ne uymak* в соответствующем времени, лице и числе: *Rüzgâr ... olanca kokuyu toplayıp burnuma getiriyor ... Olmalıydı o gözlemelerden şimdi bir tanecik. Sıcak sıcak... Ama (bu yeller) getirir getirir de kokusunu getirir, alıp bir tanesini getirmez ki* (2, стр. 229) 'Ветер... собирает все запахи и доносит до меня... Ох, сейчас бы одну из этих лепешечек! Горяченькую... Но... (этот ветер) приносит лишь запахи — ведь не подхватит же и не принесет же он одну штучку!'; *Alma-*

nya'ya gidecek gidecek te ne olacak? 'Ну поедет он в Германию и что?' — Geçen hafta birkaç defa kasabaya inmişsin. — İnmişim inmişim de ne uarmışım? Neye takaza ediyorsun? '— Говорят, ты на прошлой неделе несколько раз спускалась в село? — Ну спускалась, и что особенного? Чего ты (ко мне) придираешься?'; — Bu işte çok para kazanacaksın. — Kazanayım kazanayım da ne uarayım? Bu işten hiç hoşlanmıyordum '— Ты много будешь зарабатывать на этой работе. — Ну буду и что из того? Мне эта работа совсем не нравится'.

Модификация 9a — полный повтор деепричастия на *-ip + da (ta, de, te)*. Эта модификация имеет те же значения, она может заменять любую модель 9, благодаря своей краткости особенно часто употребляется в 1-м и во 2-м лице будущего времени, когда модель 9 (*-eceğim -eceğim de, -eceksin -eceksin de, -eceğiz -eceğiz de, -eceksiniz -eceksiniz de*) является несколько громоздкой: Almanya'ya gidip gidip te ne uaracağız? 'Ну поедем мы в Германию и что?'; Fizik öğrenip öğrenip te ne olacak? Zaten fizikle alâkamız yok 'Ну выучим мы физику и что (а зачем)? Ведь мы никакого отношения к физике не имеем'.

Модель 10 — глагол (чаще всего) во 2-м лице единственного или множественного числа повелительного наклонения *+ ha (или bre) +* полный повтор глагола. Данная конструкция подчеркивает возможность (или необходимость) совершения действия с повышенной интенсивностью или продолжительностью: ...Güzel köydür. Kışın, odalarda toplanırsın, konuş ha konuş. Yazın alır başını çıkarsın dışarlara, ısın ha ısın (1, стр. 49) '...Хорошая деревня. Зимой сидишь со всеми дома, беседуй сколько хочешь. Летом берешь да идешь гулять, грейся себе (на солнце) сколько влезет'; ...Dünya bu mu, hayat bu mu? ...Sabah giderler akşam gelirler. Öğleyn ayaküstü bir şeyler atıştırırlar... Koş bre koş., Koş bre koş... Niye? (7, стр. 76) '...Что это за мир, что это за жизнь!.. Утром уходят, вечером приходят. В обед перехватят что-то на ходу... Все бегом да бегом... бегом да бегом... Зачем?'

Модель 11 — глагол в любом лице единственного или множественного числа: 1) настоящего времени; 2) настоящего-будущего времени; 3) прошедшего категорического времени; 4) прошедшего времени на *miş + da (ta, de, te) +* полный повтор глагола. Эта конструкция подчеркивает продолжительность действия, его постепенное нарастание или повышенную интенсивность: Gidiyoruz da gidiyoruz, bir yere vardığımız yok 'Мы все идем да идем, но никак не дойдем'; Kadıncagız her gece ağlar da ağlar 'Бедная женщина все плачет да плачет каждую ночь'; Bunu dinlerken şişindim de şişindim, kasıldım da kasıldım 'Когда я это слушал, меня прямо-таки распирало от гордости'; Bunu dinlerken şişinmiş te şişinmişim (с удивлением и возмущением): Halbuki öyle bir şey yoktu 'Говорят, меня прямо-таки распирало от гордости, когда я слышал это! А ведь ничего такого не было'.

Данная конструкция допускает иногда опущение аффикса сказуемости у первого элемента (см. предыдущий пример). Встречаются случаи, когда элементы конструкции стоят в разных грамматических временах (например, прошедшее категорическое время у первого и настоящее время у последнего элемента), тогда временное значение конструкции задается показателем последнего элемента: Soğuklar bastırdı da bastırdı 'Во всю трещат морозы'.

Модификация 11a — деепричастие на *-dikça +* глагол от той же основы в перечисленных выше временах. Эта модификация имеет те же значения, что и модель 11, однако используется большей частью в письменной речи: Halkın... umutsuzluğu artıkça artar (6, стр. 283) 'Народ...

постепенно все теряет и теряет свои надежды'; ...Yağmur sıkıntısı bastır-dıkça bastırıyordu (6, стр. 287) 'Скука от дождливой погоды так и давила на сердце'; (Bunu) dinlerken şişindikçe şişindim, kasıldıkça kasıldım (6, стр. 316) 'Когда я (это) слушал, меня прямо-таки распирало от гор-дости'.

Модель 12 — глагол в вопросительной форме любого лица и числа (чаще всего) настоящего-будущего или будущего времени + повтор в утвердительной форме (возможны также соответствующие сложные формы, например неопределенный имперфект). Данная конструкция под-черкивает либо уверенность говорящего в том, что действие совершится (если действие мыслится в будущем), либо повышенную интенсивность действия (если оно мыслится в настоящем): Tuluğ paşa diyor ki, daha elektrik getireceğim bu köye. Yapar mı yapar (1, стр. 139) 'Тулуг-паша говорит, я еще электричество проведу в эту деревню. И ведь проведет!'; ... (Hikâye) anlatmasını bilmek lâzımdır. Bazı kimseler vardır, uzatır mı uza-tır. Hem sizin de bildiğiniz bir hikâye ise içinize kasvet basar (4, стр. 109) '...Нужно уметь рассказывать. Бывают некоторые, ну настолько затянут (растянут)! А если эту историю и вы знаете, то вас одолевает скука'; Bunu yaracak mıym yaracağım. Sana hiç bakmayacağım 'Я это обяза-тельно сделаю и не буду обращать внимания на тебя!'; Kariyi açsam, şu oğlanı içeri alsam, al yanaklarını öpsem... Öpmekle de kalmayıp, dişlesem di-yordum. Yapar mıym yapardım hani (5, стр. 34) 'Я себе говорила: отк-рыть бы дверь, впустить этого парня сюда, целовать бы его в алые ще-ки... И не только целовать, а и кусать. Ну честное слово, я бы это сде-лала!'

Модель 13 — вопросительное слово (пе, пегеуе, пе заман и т. д.) + глагол в любом лице единственного или множественного числа условной модальности от: 1) прошедшего категорического времени; 2) прошед-шего времени на *miş* + повтор глагола в том же лице и числе: а) про-шедшего категорического времени или б) прошедшего времени на *miş* соответственно; **модификация 13а** — вопросительное слово + глагол в любом лице и числе условной модальности от настоящего-будущего вре-мени + повтор глагола в том же лице и числе повелительного наклоне-ния. Обе модификации передают значение безразличия говорящего к совершившемуся действию (план прошлого — модель 13) или к совер-шению действия в будущем (план будущего — модификация 13а): ...Sonra ne düşündü ise düşündü, vaz geçti (7, стр. 147) '...Потом не знаю, что он там подумал, но отказался'; Ona ne söylemişse söylemiş adamı benim aleyhime çevirmiş 'Не знаю, что он там ему сказал, но он настроил его против меня'; Ne duymuşsa duymuş benden yüz çevirdi 'Не знаю, что он там услышал, но он отвернулся от меня'; — Bunu yapma, Al-lah bilir ne düşünürler. — Bana ne? Ne düşünürlerse düşünsünler '— Не делай этого, они бог весть что подумают. — А мне что? Пусть думают что хотят'; Derse gitmeyeyim, ne yararsam yaraım 'Что угодно, лишь бы мне не идти на урок!'; Nereye gidersem gideyim bundan ayıyıım 'Пойду куда угодно, лишь бы мне уйти от него'; Ne zaman gelirsen gel uyer ki kitabımı unutma 'Приходи, когда хочешь, только не забудь мою книгу'.

Рассмотренные выше модели 1—8 и 12 — лексически свободны, то есть в них может употребляться практически любой глагол (замещение позиций в них ограничено лишь категорией глагола). Модели 9—11 и 13, одновременно с лексически свободными элементами (выбор глагола ни-чем не ограничен), содержат и лексически фиксированные элементы

(соответствующие частицы, междометия, вопросительные слова). В турецкой РР существуют также предикативные конструкции с большим числом лексически фиксированных элементов; так, рассматриваемая ниже модель содержит три (а в одной из своих модификаций — четыре) фиксированных элемента: вопросительное слово *ne*, повтор глагола *уар-так* (или *уартак + etmek*).

Модель 14. Модификация 14а — *ne* + полный повтор глагола *уартак* в любом лице и числе: а) настоящего времени изъявительного наклонения, б) прошедшего времени на *miş*, в) повелительного наклонения + окончание фразы, где сказуемым может быть любой глагол, однако стоящий чаще всего в том же времени, числе и лице, что и глагол *уартак* в повторе. Данная конструкция (включая и другие структурные модификации, описанные ниже) показывает, что выполнение действия, обозначаемого сказуемым фразы, требует затраты определенных усилий, что действие совершается с трудом: *Ne уаруог уаруог kıızı ele geçiriyor* 'Он каким-то образом завоевывает девушку'; *Zeliha... ne уарmış уарmış kocasının güvenini kazanmış* (5, стр. 168) 'Зелиха... каким-то образом завоевала доверие старой женщины'; *Yağın ne уар уар bir ağa nüfus kağıdını bana getir* (7, стр. 120) '— Завтра выбери время и как-нибудь принеси мне свое удостоверение личности'.

Модификация 14б — *ne* + *уартак* в любом лице и числе: а) настоящего времени, б) прошедшего времени на *miş* + *etmek* в том же времени, лице и числе + окончание фразы (здесь и далее) с теми же особенностями, что и для модификации 14а: *Beni tenkid edecek sen değilsin. Ne уаруогум ediyorum vazifemi yerine getiriyorum. Sen ise hiç bir şey уар-тійорsun* 'Не тебе меня критиковать. Я так или иначе выполняю свои обязанности, а ты совсем ничего не делаешь'; *Ne уарmış etmiş hürmetini kazanmış* 'Он так или иначе, говорят, завоевал его уважение'.

Модификация 14в — та же структура, что и у модификации 14б, но глаголы *уартак* и *etmek* разделены словом *ne* (например, *ne уаруог ne ediyor, ne уарmış ne etmiş*): *Ne уаруогуз ne ediyорuz adamı lehimize çevirmeyi başarıyoruz* 'Так или иначе мы сумеем расположить его к себе'; *Ne уарmış ne etmiş işi zamanında bitirmiş* 'Ему каким-то образом удалось, говорят, закончить работу вовремя'.

Модификация 14г — *ne* + условная модальность с *уаруог* или с *уарmış* + глагол *уартак* в (соответственно) настоящем времени или прошедшем на *miş* + окончание фразы: *Ne уаруогсан уаруогsun adaktakıllı para kazanıyorsun* 'Каким-то образом ты неплохо зарабатываешь'; *Ne уарmışsa уарmış muvaffak olmuş* 'Так или иначе он, говорят, добился успеха'.

Модификация 14д — *ne уарір уарір* или *ne уарір edір* или *ne уарір ne edір* + окончание фразы. Особенностью данной модификации в отличие от предыдущих является то, что она может употребляться тогда, когда сказуемое фразы стоит в будущем времени (или будущем-прошедшем времени). Кроме того, часто модификация 14д более предпочтительна по сравнению с другими в 1-м и во 2-м лице единственного и множественного числа, когда другие модификации являются усложненными (например, по сравнению с *ne уарmışsınız уарmışsınız*): *Tek tük varîk-lılar düşmüşse, bunlar da ne уарір edір yolunu bulurlar* (3, стр. 9) 'Если отдельные зажиточные люди и сплотились, то так или иначе они находят выход'; *Ne уарір уарір (ne уарір ne edір) bu seyahate gideceğim* 'Я обязательно добьюсь того, чтобы поехать в эту поездку'; *Ne уарір (ne) edір (ne уарір уарір) müdürden izin alacağım* 'Я так или иначе добьюсь разрешения у директора'; *...O gün ne уарір уарір (kıızı) tüydürecek-tim* (5, стр. 122) '...В тот день я уж как-нибудь бы похитил девушку'.

Приведенное позволяет сделать нижеследующие выводы.

Предикат высказывания в турецкой РР, наряду с выражением основных модально-временных значений, часто осложняется дополнительными смысловыми нюансами, в определенном отношении уточняющими предикацию. Важной формой выражения этих смысловых нюансов являются предикативные конструкции, основанные на глагольных повторах. Элементы, входящие в состав предикативных конструкций, в той или иной степени теряют те свои (грамматические или лексические) значения, которые они выражают, употребляясь отдельно; предикативные конструкции обычно выступают в смысловом отношении как единое целое.

По своей семантике предикативные конструкции подразделяются на: а) имеющие чисто временное значение; б) уточняющие характер протекания действия; в) выражающие различные модально-экспрессивные оттенки.

В структурном отношении предикативные конструкции с глагольными повторами могут состоять из элементов, ограниченных лишь категорически (категорией глагола), а также из лексически фиксированных элементов (частиц, междометий, вопросительных слов и т. д.). Структурные модели предикативных конструкций рассматриваемого типа различаются: 1) грамматическими показателями у лексически свободных элементов (глагольных повторов): а) аспекта (положительной и отрицательной формы); б) времени; в) наклонения; г) вопросительной и утвердительной формы; для неполных повторов еще и порядком указанных грамматических показателей у первого и второго элементов повтора; 2) наличием или отсутствием лексически фиксированных элементов, а также (если они есть) их расположением относительно элементов глагольного повтора.

Предикативные конструкции с глагольными повторами в турецкой РР могут иметь одну структурную модель или несколько структурных модификаций. При этом наблюдаются как случаи омонимии [например, употребление в настоящем-будущем времени модели 1, модели 2 (в том же времени) и модели 3], так и синонимии различных моделей и модификаций. В тех случаях, когда имеется несколько структурных модификаций, отношение между семантикой конструкции и ее формой может быть двух видов: а) где все варианты конструкции полностью «взаимозаменяемы», то есть в одинаковой степени выражают значения конструкции и б) где некоторые модификации могут выражать лишь часть комплекса значений или использоваться лишь в определенных грамматических временах. Иногда некоторые модификации разговорной модели используются в письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. F. Baykurt. Amerikan sargısı. Ankara, 1973.
2. F. Baykurt. Anadolu garajı. Ankara, 1973.
3. F. Baykurt. İçerdeki oğul. Ankara, 1975.
4. K. Demiray. Temel dilbilgisi, I. İstanbul, 1968.
5. O. Kemal. Oyuncu kadın. Ankara, 1975.
6. K. Tahir. Kurt kanunu. Ankara, 1975.
7. H. Taner. Hikâyeler. Ankara, 1970.
8. Газета «Cumhuriyet», 3.6.1977.

Р. Х. ХАЛИКОВА

О ЯЗЫКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ БАШКИР XVIII—XIX ВЕКОВ

(ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ И АКТОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

Башкирские письменные памятники начали изучать со второй половины XVIII века. В результате научных экспедиций, предпринятых русскими учеными П. И. Рычковым¹, И. И. Лепехиным², П. С. Палласом³, В. В. Бартольд⁴ в Башкирию, было обнаружено немало ценных рукописей.

В конце XIX—начале XX века к сбору и изучению башкирских рукописных источников начали проявлять интерес и представители национальной интеллигенции — М. Уметбаев⁵, Р. Фахретдинов⁶, С. Мирасов⁷ и др.

Систематическая целенаправленная работа по выявлению, сбору и изучению письменных памятников Башкирии началась с середины 1950-х годов. За минувший период было обнаружено значительное количество рукописей. В 1960 году вышла в свет книга Р. Г. Кузеева «Башкирские шежере»⁸, в которую были включены фотокопии, транскрипция и переводы на русский язык двадцати пяти шежере.

Несколько позднее была издана монография А. И. Харисова «Литературное наследие башкирского народа (XVIII—XIX века)»⁹, в которой автором были проанализированы печатные и рукописные произведения видных башкирских писателей и поэтов: Т. Ялсыгулова, А. Каргали, Ш. Заки, М. Акмуллы, М. Уметбаева и др.

Начиная с 1973 года, Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР систематически организуются археографические экспедиции в различные районы БАССР¹⁰.

¹ П. И. Рычков. История Оренбургская. СПб., 1759.

² И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по родным провинциям Российского государства. Т. 1—3. СПб., 1771—1780.

³ П. С. Паллас. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1—3. СПб., 1773—1788.

⁴ В. В. Бартольд. Дневник путешествия по маршруту Оренбург—Башкирия—Сибирь—Кяхта. — Архив Академии наук СССР, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 206.

⁵ М. Уметбаев. Ядкар. Казань, 1897, стр. 39—59.

⁶ Р. Фахретдинов. О хранении старинных произведений. — Журн.: «Шура», 1916, № 16.

⁷ С. Мирасов. Башкорт шәжәрәләре. — Журн.: «Башкорт аймағы». Өфө, 1927, № 4.

⁸ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

⁹ Ә. Харисов. Башкорт халкының әзәби мирасы. Өфө, 1965.

¹⁰ «Первая археографическая экспедиция ИИЯЛ БФАН СССР» (машинопись). Уфа, 1973; Г. Б. Хусаинов. Шәжәрә һәм китап. — В кн.: «Әзәбиәт. Фольклор. Әзәби мираҗ». Өфө, 1975, стр. 177—192 и др.

В основу настоящей статьи легли материалы рукописных документов — повествовательных источников и актов, хранящихся в архивах Куйбышева, Ленинграда, Москвы, Оренбурга, Перми, Свердловска, Уфы, Челябинска.

Первую группу письменных памятников составляют генеалогические летописи (шежере), сказания, предания, как правило, отдаленные по времени от описанных в них событий и фактов. В одних случаях повествовательные источники составлены на основе устных свидетельств, в других — переписаны или скопированы с какого-либо иного текста.

Вторая группа памятников — это акты, то есть документы: приказы, рапорты, указы, купчие, челобитные и т. п.

Акты в подавляющем своем большинстве точно датированы.

Распространенное среди некоторых ученых и деятелей культуры Башкирии мнение, согласно которому до Октябрьской революции у башкир не было письменности, не выдерживает строгой научной критики. Извлеченные нами из фондов различных архивов источники доказывают наличие у башкир письменности и до революции.

Использование башкирами арабского алфавита вовсе не означало отсутствия у них письменности. «Если исходить только из начертания букв, а не языка, и из исторического назначения письма, то тогда придется отрицать наличие своей письменности у всех современных народов Европы, так как они в большинстве своем используют латинский или видоизмененный древнегреческий алфавит... Письменность возникает как средство торгового и политического межплеменного общения в пределах первых государственных образований, и это является ее основным назначением»¹¹.

Языковедческой литературой накоплен определенный опыт использования башкирских памятников в качестве источников для исследований¹². Проведению подобных исследований в прошлом во многом мешало ошибочное мнение, что язык этих памятников является татарским. Правда, и оснований тому, как отмечал Н. К. Дмитриев, было много: «... В старой России башкирский язык нигде и никогда не преподавался. Немногие башкиры, попадавшие в мусульманскую школу, фактически обучались там татарскому или искусственному языку татарской буржуазии и духовенства, так называемому „тюрки“... Башкирам внушали, что никакой башкирской культуры и языка нет, что башкирский язык — не язык, а только испорченный диалект татарского, что на нем говорит только отсталая часть населения, а писать уж никак нельзя: писать можно только на татарском, на котором и строится преподавание во всех мектебе и медресе»¹³.

До революции башкирский язык был одним из наименее изученных языков народов России, даже в пределах самой тюркской группы: «Не только азербайджанский, чувашский, казахский, но даже территориально отдаленный от центров — якутский или урянхайский (тувинский) языки были изучены во много раз лучше башкирского»¹⁴.

¹¹ Т. А. Дегтярева. Становление норм литературного языка. М., 1963, стр. 74.

¹² К. З. Ахмеров. Из истории башкирской письменности. Уфа, 1972; Т. М. Гарипов. Старотюркские письменные памятники Башкирии. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 39—45; В. Ш. Псянчин. Шежере как источник по исторической грамматике башкирского языка. — В сб.: «Археография и источниковедение истории литературы и языка». Уфа, 1975, стр. 80—82; И. Г. Галляудинов. Некоторые проблемы выявления и изучения письменных памятников Башкирии. — В сб.: «Аспекты лингвистического анализа (на материале разных систем)». М., 1974, стр. 521—531 и др.

¹³ Н. К. Дмитриев. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., 1965, стр. 58.

¹⁴ Там же.

Немаловажным было и то обстоятельство, что большинство башкир, проживавших на границе с Татарией, говорили на языке, близком к татарскому.

Возникновение торговых и культурных центров в городах Уфе, Белебее, Бирске, Стерлитамаке, открытие светских школ, где преподавание велось преимущественно на татарском языке, начавшееся затем широкое распространение татарской публицистической и художественной литературы способствовали тому, что башкирский письменный язык развивался в условиях определенной зависимости от татарской языковой среды.

Не последнюю роль в отрицании существования письменного башкирского языка до Великой Октябрьской социалистической революции сыграл тот факт, что в источниках крайне слабо были отражены некоторые фонетические особенности (в частности, в области консонантизма), свойственные современному башкирскому языку. В рукописях XVIII—XIX веков, написанных на территории Башкирии самими башкирами (старшинами, сотниками, простыми людьми), очень редко используются в текстах в начале слов и аффиксов спиранты *δ* (*з*), *ϕ* (*с*) и *h*, хотя для обозначения их на письме в арабском алфавите имелись соответствующие буквы. Спорадическое написание упомянутых согласных наблюдается лишь в текстах шежере племен юрматы, айле, мин, а также в отдельных актовых документах.

Все это вместе взятое и явилось причиной того, что многие письменные памятники, написанные на территории Башкирии самими башкирами и теснейшим образом связанные с историей башкирского народа, с его материальной и культурной жизнью, считались татарскими.

Однако при этом не следует забывать, что в период написания исследуемых документов на территории Башкирии, как и на многих территориях, населенных тюркоязычными народами, в письменном языке, а иногда и в устной речи, функционировал *тюркí*.

Язык поэтов, написанных на *тюркí*, по-разному именовался в трудах отечественных и зарубежных тюркологов. Башкирские языковеды этот язык называли «старотюркским» — *иске төрки теле* (по аналогии со «старославянским»). Поэтому, говоря о языке исследуемых рукописей, мы имеем в виду старотюркский язык, или поздний вариант *тюркí* Поволжья-Урала, во многом близкий к тому разговорному¹⁵, которым пользовались башкиры вплоть до конца XIX—начала XX века¹⁶. Развитие и становление *тюркí* Поволжья-Урала своими корнями связано с периодом расцвета Золотой Орды, в развитии культуры которой огромную роль сыграло живое общение народов Поволжья, Урала и Средней Азии, что, несомненно, способствовало интенсивному проникновению в язык среднеазиатских элементов. В результате из среднеазиатского *тюркí* в *тюркí* Поволжья-Урала проникло значительное количество арабских и персидских слов, а также архаизмов, ставших общими элементами для обоих этих языков.

Прав Э. Н. Наджип, когда утверждает, что узбеки, будучи одними из первых наследников золотоордынской культуры, стали непосредственными преемниками и продолжателями «чагатайской» культуры. Однако иной путь проделали урало-поволжские тюркские народы — башкиры и татары: хотя они и входили в состав Золотой Орды, их культура послемонгольского периода в силу различных социально-историче-

¹⁵ К. Ахмеров. Башкорт теленең формалашуы һәм үсеш юлдары. — Журн. «Әзәби Башкортостан». Уфа, 1957, № 4, стр. 69—70.

¹⁶ Ә. Харисов. Башкорт халкының әзәби мирасы, стр. 19.

ских причин не получила достаточного развития. Так, художественная литература со всеми прогрессивными ее тенденциями почти полностью сходит со сцены. Татарский литературный язык, в основе которого лежит язык Золотой Орды, проделав очень сложную эволюцию, возрождается в XIX веке на новой почве, сохранив в известной степени архаические формы и нормы старого литературного языка¹⁷. Примечательно, что эти традиции еще долго сохранялись татарскими учеными, поэтами и представителями духовенства, получившими образование в различных городах Средней Азии¹⁸.

После распада Золотой Орды территория Башкирии была поделена между Казанским, Ногайским и Сибирским ханствами. Это стало «...главным препятствием на пути политической централизации башкирских племен...», тормозило социально-экономическое и политическое развитие башкирского народа¹⁹. После Салавата Юлаева в течение столетия в Башкирии преимущественное развитие получила не светская, а религиозно-мистическая литература²⁰.

Учитывая все это, а также то, что язык этой литературы был чрезвычайно далек от народного языка, можно говорить об исключительной важности изучения языка повествовательных и актов документов XVIII—XIX веков, написанных и составленных самими башкирами.

Язык письменных источников Урала и Поволжья, написанных на *тюрки*, заметно отличается от *тюрки* памятников Средней Азии. Однако лексика и подавляющее большинство грамматических категорий, встречающихся в языке этих источников, имеют много общего, что позволяет называть язык памятников и Средней Азии, и Урало-Поволжья — *тюрки*.

В лексике это наиболее отчетливо прослеживается при анализе древнетюркских слов памятников, которые либо редко или совсем не встречаются в современных литературных языках, либо подверглись значительным изменениям как по внешнему оформлению, так и в семантике. Наряду с такой общетюркской лексикой, входящей в словарный состав всех современных тюркских языков Поволжья, Урала и Средней Азии, как: *ач* 'голодный', *ал*- 'брат', *алда*- 'обманывать, вводить в заблуждение', *алты* 'шесть', *икмәк* 'хлеб', 'зерно', 'сеять', *карау*- 'смотреть', *кул* 'озеро', *мәңге* 'вечный, бесконечный', *ук* 'стрела', *тамур* 'ад, преисподняя' и др., в обоих *тюрки* употребляются и слова: *бити*- 'писать', *имде* 'теперь, сейчас', *күрк* 'красота, облик', *ошбу* 'этот', *тег* 'как, словно, будто, подобно', *тереклек* 'жизнь', *үзгә* 'иной, другой' и т. п.

Встречаются также и общие арабо-персидские заимствования:

а) арабизмы: *асаба* 'родственный', *акыл* 'ум, разум', *бәғзе* 'некоторый', *вақиға* 'событие, случай', *вакыт* 'время', *ғәзиз* 'дорогой, милый', *ғәйәт* 'очень, весьма, слишком', *ғәскәр* 'войско', *зыярат* 'кладбище', *катын* 'женщина, жена', *киммәтле* 'ценный', *мәгәр* 'но, однако', *мәғлүм* 'известно; известный', *мәкәл* 'поговорка', *мәсет* 'мечеть', *ниәт* 'намерение, помысел', *тараф* 'сторона', *тамам* 'конец, все', *халык* 'народ, люди', *яфа* 'мука, страдание', *яуап* 'ответ' и др.;

б) фарсизмы: *батша* 'падишах, царь', *дус* 'друг', *дошман* 'враг', *дәрйә* 'река', *дөрөс* 'правда, истина', *зинһар* 'пожалуйста', *йән* 'душа', *һәм* и, также, *һәммә* 'все', *һәр* 'каждый', *һич* 'совсем, никакой, никогда', *һөнәр* 'мастерство', *хуш* 'хороший' и т. п.

¹⁷ Э. Н. Наджип. «Мухаббат-намэ» Хорезми. М., 1961, стр. 19—20.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1, Уфа, 1957, стр. 12.

²⁰ А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа. Уфа, 1973, стр. 29.

В обоих *тюрки* прослеживаются и общие грамматические категории: число, падеж, категория времени на *-dy/-de*, *-myş/-meş*, *-yaп/-gāп*, *-yaп/-yaп*, неличные формы глагола — причастие на *-myş/-meş*, *-yaп/-gāп*, деепричастие на *-b/-p* и т. д.

Вместе с тем в *тюрки* Урало-Поволжья и Средней Азии обнаруживаются и существенные отличия, относящиеся как к жанровым, стилистическим, так и к лексико-грамматическим свойствам языка.

На среднеазиатском *тюрки*, кроме актов и повествовательных источников, написано и сохранилось немало литературно-художественных памятников, язык которых оформился и получил дальнейшее развитие еще в XIII—XIV веках²¹.

Языковые отличия *тюрки* Урало-Поволжья и Средней Азии наиболее рельефно выступают в лексике, прежде всего проявляясь в характере и принципах заимствований. Так, для *тюрки* Урало-Поволжья типичны русские и через него — индоевропейские заимствования: *атлас*, *бурана* 'борона', *вексил* 'вексель', *вулус* 'волость', *вуявуда* 'воевода', *гарнизун* 'гарнизон', *гинарал* 'генерал', *губирна* 'губерния', *губирнатур* 'губернатор', *дикэбрэнец* 'декабрьский', *дуғавур* 'договор', *забут* 'завод', *закун* 'закон', *зимский* 'земский', *императур* 'император', *инспектур* 'инспектор', *исбрауник* 'исправник', *июнь*, *каманда* 'команда', *кантун* 'кантон', *клас* 'класс', *кенэз* 'князь', *кенэз* 'книга, книга для записей', *кэмисийэ* 'комиссия', *крипаснуй* 'крепостной', *кубчий* 'купчая', *купис* 'купец', *марыт* 'март', *маяк*, *мир* 'мир, народ', *надвурнуй* 'надворный (советник)', *нэзиратил* 'надзиратель', *нэчэлник* 'начальник', *нумир* 'номер', *укруғ* 'округ', *уктэбр* 'октябрь', *бириғавур* 'переговоры', *бичат* 'печать', *бисыр* 'писарь', *пубириннай* 'поверенный', *пулза* 'польза', *бамушник* 'помощник', *барутчик* 'поручик', *бот* 'пуд', *рабутник* 'работник', *расписка*, *ратуша*, *рус* 'русский', *секретарь*, *синатыр* 'сенатор', *сиялка* 'сеялка', *сутник* 'сотник', *ыстаршына* 'старшина', *тулке* 'только', *ублат* 'оплата', *угодийэ* 'угодие', *өйэз* 'уезд', *указ*, *үрэт* 'урядник', *ушаска* 'участок', *фабрик* 'фабрика', *фибрал* 'февраль', *харунжа* 'хорунжий', *сиркәү* 'церковь', *чин*, *чинэуник* 'чиновник', *числа* 'число', *ясауыл* 'есаул' и т. п.

В *тюрки* Средней Азии русизмы малоупотребительны: *уэйәннай* 'военный', *губирнатыр* 'губернатор', *гирәждан* 'гражданин', *дума*, *заклат* 'заклад', *заказсбийский* 'закаспийский', *императур* 'император', *иштираб* 'штраф', *кэмисийа* 'комиссия', *атрат* 'отряд', *рафорт* 'рапорт', *содиа* 'судья', *соуетник* 'советник', *раскот* 'расход', *ызбор* 'сбор' и др.²²

В среднеазиатском *тюрки* значительное место занимают арабо-персидские заимствования, часть из которых в урало-поволжском *тюрки* либо имеет единичное употребление, либо совсем не встречается. Так, для *тюрки* Средней Азии характерно частое употребление следующих заимствований:

а) арабские: *акди* 'заключение (договора)', *ахрак* 'сжечь, сжигание', *бину* 'дочь, девушка', *джилауат* 'торжественный, видный', *заудж* 'муж', *йаум* 'день', *илтимос* 'просьба', ходатайство', *мавжуд* 'существующий', *маузы* 'местность', *махкам* 'крепкий, прочный', *музариба* 'торговое соглашение', *манкуха* 'женщина, вступившая в брак', *мункур* 'отказ', *муштарак* 'совместный', *муштарий* 'покупатель', *мадйун* 'должник', *нисфин* 'половина' и др.;

²¹ Э. Н. Наджип. «Мухаббат-намэ» Хорезми, стр. 8.

²² Х. Хамидов. Язык юридических документов XVIII—XIX—XX веков и его отношение к современному каракалпакскому литературному языку. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1967, стр. 21; В. М. Плоских, С. К. Кудайбергенов. Ранние киргизские письменные документы. — «Известия АН Киргизской ССР». Фрунзе, 1968, № 4, стр. 75—82.

б) фарсизмы: *абхор* 'лицо, пользующееся водой', *андиш* 'мысль', *арджуманд* 'уважаемый', *асайиш* 'мир, спокойствие', *бозғала* 'козленок', *бохтан* 'клевета', *ғосфанд* 'овца', *горг* 'волк', *зэн* 'женщина', *мах* 'месяц, луна', *сарбаз* 'воин, солдат', *сипариш* 'приказ' и т. д.

Любопытно, что некоторые из перечисленных арабо-персидских заимствований с теми же значениями или же с отдельными семантическими изменениями употребляются в ряде современных литературных тюркских языков (узбекском, туркменском, каракалпакском) и их говорах и совершенно не используются в современных башкирском и татарском литературных языках.

Каждый из *тюрки* характеризуется специфическими словами и словосочетаниями, связанными с особенностями не только языка, но и быта. Так, только в урало-поволжском *тюрки* употребляются такие слова и словосочетания, как: *өлкән* 'старший', *алыс//алус* 'далекий, далеко', *кәбән куйыу* 'сено стоговать', *кәбән картәләу* 'ставить изгородь вокруг стога', *тамға куйыу* 'ставить тамгу', зато в среднеазиатском *тюрки* распространены: *курла* 'раз', *кайра* 'снова', *улаш* 'постоянно', *ук хезмәте кылыу* 'нести службу стрельца (лучника)'; наряду со словосочетанием *тамға куйыу* употребляется *мөхөр басыу* 'ставить печать' и др.

Значительные различия между *тюрки* Урало-Поволжья и Средней Азии прослеживаются в употреблении топонимов и этнонимов. В урало-поволжском *тюрки* часто встречаются: *Нуғай юлы* 'Ногайская дорога', *Себер юлы* 'Сибирская дорога', *Казан шәһәре* 'город Казань', *Өфө калғасы* 'город, крепость Уфа', *сыуын кыпчак*, *пушмас-кыпчак* (этнонимы у башкир), зато в среднеазиатском *тюрки* — *Йангикент*, *Мангышлак*, *Сырдарья*, *Мавераннахр*, *Ташауз*, *Конгырат*, *Чимбай*, *Төрткуль*, *Курган*, *Амир-Абад*; *хазыры*, *халадч* 'калач' (племенное деление огузов), *адай*, *агамайлы*, *чаудыр* (этнонимы у каракалпаков), *арык*, *бугу* (родовое и племенное деление у киргизов) и т. д.

С точки зрения фонетических особенностей следует указать, что в *тюрки* Урало-Поволжья (точнее — Урала) наблюдается соответствие согласных *h//c* в начале слова и аффиксов: *илле һум* 'пятьдесят рублей', *сирхауһыз* 'без болезни, безболезненно', *б//п бечән* 'сено', *бахутный* 'походный'; *с//ч юк сакда* 'когда нет', *Силәбе* 'Чилиба' и т. п. Для среднеазиатского *тюрки* подобные фонетические соответствия не характерны.

И. Н. ШЕРВАШИДЗЕ

К ВОПРОСУ О ДЕЕПРИЧАСТИИ НА -ujyn, -jin; -matyn|-maty, -majyn В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Форма *-ujyn, -jin* берет свое начало от тех же морфонологических трансформаций, которые рассматриваются ниже по отношению к *-majyn*. Забегая вперед, отметим, что *-ujyn, -jin* — синтетическая форма и восходит к сочетанию формы на *-ur* и суффикса исходного падежа.

К сожалению, частота употребления этого показателя в языке рунических памятников весьма ограничена и встречается преимущественно в сочетаниях с глагольной основой *tā-* 'говорить, сказать'. Анализ данной деепричастной формы осложняется и тем, что те два случая — *bol-majyn* Тон₂ и *bolujyn* Тон₇, которые Т. Текин рассматривает как деепричастные¹, В. Томсен не принял во внимание². В форме *bolmajyn* С. Е. Малов выделяет деепричастное окончание *-jyn*, тогда как вторую форму от той же основы *bol-* считает формой желательного наклонения³. Перевод С. Е. Малова или трех авторов — Г. И. Рамstedта, И. Г. Гранё и Пентти Аалто⁴ — VI и VII столбцов западной стороны памятника в честь Тоньюкука был бы более верным, нежели, например, у Т. Текина, если бы после написания *bol(V)jyn* стояла форма *täjin*.

Форма на *-ujyn, -jyn*: *bilgä tojuquq bojla baya tarqan birlä ältäriş qayan bolujyn bärijä tabğacıyū öñrä qytajuū jurağa oγuzuū üküş — ök ölürti* Тон₇ 'Став каганом, Ильтериш, вместе с мудрым Тоньюкуком — бойла бага тарканом, много поубивал направо (на юге) табгачей, спереди (на востоке) киданей, слева (на севере) огузов'⁵; *türk bodunuyū ötükan järkä ... qonmuş täjin äşidip bärijäki ... bodun kälti* Тон₁₇ 'Услышав, что тюркский народ поселился на земле Отюкен, ... пришли [к нам] южные ... народы'.

¹ Т. Текин. A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968 (Uralic and Altaic Series, vol. 69), стр. 183 и сл.

² V. Thomsen. Turcica. Etudes concernant l'interpretation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie. — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», XXXVII, Helsingfors, 1916, стр. 34.

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, стр. 71.

⁴ G. J. Ramstedt, J. G. Granö und Pentti Aalto. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», 60, Helsinki, 1958, стр. 31 и сл.

⁵ Т. Текин. Указ. раб., стр. 183 и сл. Форму *tojuquq bojla baya tarqan*, например, Г. Дёрфер переводит как «бойла Тоньюкук и таркан Бага», см.: G. Doerfer. Altaische Scholien zu Herbert Frankes Artikel «Bemerkungen zu den sprachlichen verhältnissen im Lia-Reich». — «Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn», 3, Wiesbaden, 1969, стр. 46.

Ср. еще: *tänrikänkä iſig bär̄tiſ tāj̄in* О₆ 'говоря: ты на божественного (августейшего) трудился'⁶.

В форме *bolujyn* фонема *u* в позиции между глагольной основой и показателем *-jyn* скорее является реликтом формы на *-ur*, нежели соединительным гласным.

По своему употреблению форма *tāj̄in*, вводящая прямую речь, не отличается от формы *tār*, ср.: *āki šad ulaju ini jūgūnim oylanym bağlārim bodunym kōzi qaşu jablaq boltaşu tār saqyntum* КТ₅₁ 'я предавался печали, думая: «Вот [скоро] испортятся очи и брови обоих шадов и идущих за ними моих младших родичей, моих огланов, моих правителей, моего народа!»'⁷.

Можно, однако, предположить, что форма *tāj̄in* относится к настоящему времени, тогда как форма *tār* от этой же основы — к прошедшему времени.

Форма на *-matyn/-maty* еще со времени В. Томсена⁸ остается наиболее спорной. Вновь вернувшись к вопросу о *-maty(n)*, спустя много лет после выхода в свет книги по дешифровке рунических надписей, В. Томсен специально отметил, что В. В. Радлов, так же как и П. М. Мелиоранский, в конце концов был вынужден с ним согласиться. Он повторил предлагавшуюся ранее сегментацию *-ma-ty(n)*, где *-ma-* — показатель отрицания, а *-ty(n)* восходит к деепричастной форме на *-p*⁹. Такая позиция не лишена оснований, но не вполне доказательна, поскольку в суффиксе *-ran* конечный сегмент *-an* является реликтом орудного падежа, в форме которого и застывает деепричастный показатель именного происхождения, между тем как природа элемента *-n* в составе *-matyn* скорее всего связана с конечным согласным исходного падежа.

К. Брокельман в сущности склоняется к тому же мнению, что и В. Томсен, когда приводит форму типа *uqmadyn* 'без понимания', хотя и не формулирует свою позицию достаточно определенно. Он же соглашается и с В. Бангом, усматривающим в форме *-di* притяжательный суффикс¹⁰. По Г. И. Рамstedту, форма типа *qalmaty* 'неустанно, все' (букв. 'не отставая') является отрицательной формой отглагольного наречия на *-ti*¹¹, однако следует заметить, что вряд ли можно признать данную форму девербативным наречием, поскольку она сохраняет свое глагольное управление и выступает в качестве обычного деепричастия, ср., например, в Уг₄ Bitig: *turujaqa quš tüšnākiñā qonmyš tujmatyn tozqa ilin-tiš uça umatyn olurur* ThS 11₉₄ 'Журавль сел на свое место, не заметив, угодил в силки и, будучи не в состоянии лететь, сидит'.

Другого мнения придерживаются В. В. Радлов и А. М. Щербак, позиции которых совпадают лишь формально, но не по существу. В. В. Радлов квалифицирует форму типа *almatyn* как форму инструментального падежа от *almat*, образуемую по аналогии с такими производными на *-t*, как *kirit* 'вход' от *kir-*, *kāçit* 'брод' от *kāç*¹². Правда, П. М. Мелиоранский критиковал подобный анализ, указывая, что при-

⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 10.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, стр. 43.

⁸ V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», V, 1896, стр. 143.

⁹ V. Thomsen. Turcica, стр. 10 и сл.

¹⁰ См.: С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 253.

¹¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 51.

¹² W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. StP., 1897, стр. 94 и сл.

меры *kirit* и *kācīt* общеизвестны, тогда как никто не встречал производных от отрицательной основы глагола форм типа *kir-mā-t* или *baḡ-mā-t*¹³.

А. М. Щербак считает суффикс *-тадуп* сложным, состоящим из суффикса *-таб* (> *-maj*) и показателя орудного падежа *-yn*¹⁴. Таким образом, А. М. Щербак согласен с В. В. Радловым в том, что конечный элемент *-yn* является формой орудного (инструментального) падежа. Однако остающаяся часть рассматриваемого показателя В. В. Радлов считает именем, образованным от отрицательной глагольной основы, а А. М. Щербак — отрицательной формой деепричастия настоящего времени¹⁵.

Хотя А. М. Щербак и возражает против того, что нельзя считать форму типа *baḡтадуп* параллельной форме типа *baḡmastyn*, что, в частности, исключает возможность исторического сближения *-тадуп* и *-majyn*¹⁶, тем не менее, кажется, именно здесь следует искать ответ на вопрос о морфологическом составе данной формы.

Прежде всего независимо от своего происхождения форма *-тадуп* в процессе развития могла сосуществовать с формой *-majyn*, в которой интервокальный согласный превратился в полугласный *j*. Далее, как можно проследить по ряду форм, на стадии развития языка, соответствующей времени создания рунических памятников, именные формы еще не полностью отделились от глагольных. Форма *baḡmastyn* действительно структурно изоморфна форме *baḡтадуп* и содержит в себе сегмент *-tyn* в качестве показателя исходного падежа и производную от отрицательной формы на *-r* — основу *baḡmas*. Иными словами, форма *-matyn/-maty*, так же как и форма *-majyn*, является вариантом формы *-тадуп*, в свою очередь восходящей к сочетанию отрицательной формы на *-r*, и показателя исходного падежа¹⁷. Возможно, варианты *-matyn/-maty* действительно обязаны своим существованием отсутствию в рунической или древнеуйгурской письменности знака *δ*¹⁸, либо же — редукции показателя *-r*; подобным же образом выпадает слог *at* или *aj* в хакасских формах *-min* ~ *-pin*¹⁹ (восходящих к форме *-matyn//majyn*) с последующим переходом билабиального назального в билабиальный ртовый: *-matyn//majyn* > *-min* > *-bin* > *-pin*. Между тем следует отметить, что в языке орхоно-енисейских памятников зависимый или дополнительный характер форм *-matyn/-maty* по отношению друг к другу установить пока трудно²⁰.

¹³ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. — «Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества», т. XII. СПб., 1899, стр. 91.

¹⁴ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 161.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ср., например, в узбекском; см.: S. Wurm. Das Özbekische. — В кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta». Tomus Primus. Wiesbaden, 1959, стр. 509, 512; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 242.

¹⁸ См.: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 161.

¹⁹ O. Pritsak. Das Abakan-und Čulymtürkische und das Schorische. — В кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», стр. 617; ср.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 344 и сл.

²⁰ См. другие этимологии: W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode der Verfässers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Л., 1928, стр. 226—229; T. Kowalski. Eine unbekannte gerundiale Konstruktion im Anatolisch-Türkischen. — «Archiv Orientalni», X, 1—2, 1938, стр. 119; M. Räsänen. Materialien zur

Приведем ряд примеров с формой на *-matyn/-maty, -majyn*: sabyn almatyn jār saju bardyу КТ₉ 'Не внимая его словам, ты бродил по разным странам'; tün udymaty küntüz olurmaty qyzyl qanym tökti qara tärüm jügürti işig küçig bārtim — ök Тон₅₁₋₅₂ 'Не спав по ночам, не имея покоя днем, я отдавал труды и силы [народу], проливая свою красную кровь и сгоняя семь потов (букв. изнурительный пот)'; türk bodun qanyn bolmajyn tabyaçda adygylyt qanlanty Тон₂ 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от [страны] табгач, стал иметь хана'.

Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 193; Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. Морфология, стр. 109; Х. Мирзазаде. Азәрбајҹан тарихи морфолоҹијасы. Бақы, 1962, стр. 292; М. Ergin. Türk dil bilgisi. Sofya, 1963, стр. 324 и сл.; В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 41; М. А. Ахметов. Деепричастия в языке орхоно-енисейских памятников. — «Советская тюркология», 1974, № 3, стр. 48, а также по морфологическому индексу кн.: «Philologiae Turcicae Fundamenta», стр. 800.

Д. М. НАСИЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ АЛТАИСТИКИ*

К концу XIX века был накоплен солидный фактический и теоретический материал по многим алтайским языкам: записаны и изданы тексты, изучены отдельные диалекты, составлены словари, введены в научный обиход памятники письменности различных эпох, написаны грамматики ряда языков¹. Все это создавало реальную базу для развертывания сравнительно-исторических исследований по языкам и для углубления алтаистических штудий. Однако реализация этих возможностей оставляла желать лучшего.

В 1895 году появилась интересная работа австрийского ученого Й. Грунцеля, как бы подводившая итоги развитию алтаистики в XIX веке. Это был первый очерк сравнительной грамматики алтайских языков, названный автором «Наброском», «Проспектом»². В нем «в сжатой систематической форме» излагались основы грамматического строя алтайских языков — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и японского, отнесенного автором также к алтайским. В фонетическом разделе была дана характеристика системы гласных в каждой из групп языков, рассматривались гармония (палатальная, лабиальная и по степени раствора, или открытости звуков) и особенности ее проявления, а также приводились общие сведения об изменениях звуков и их взаимных переходах, описаны основные согласные звуки, их соответствия по языкам, особое внимание уделялось сингармоническим вариантам слов и явлению редупликации³. В морфологическом разделе очерка после общей характеристики строя агглютинирующих языков перечисляются важнейшие деривационные показатели (в соответствии с группировкой согласных). В разделе, посвященном именам, рассматриваются категория множественности, а также формы и значения падежных показателей, Й. Грунцель обращает внимание на возможность сопоставления личных и указательных местоимений 1-го и 2-го лица как экспонентов простран-

* Статья третья. См. также: «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 77—93 и 1978, № 1, стр. 96—102.

¹ См.: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972; *его же*. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976.

² J. Grunzel. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch. Leipzig, 1895.

³ См. также: J. Grunzel. Die Vocalharmonie der altaischen Sprachen. Wien, 1895; *его же*. Zur Phonetik der altaischen Sprachen. — «Internationale Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft». V. Bd., 1890, стр. 48 и сл.; Д. М. Насилов. В. В. Радлов и проблемы алтаистики. — «Советская тюркология», 1978, № 1, стр. 101—102.

ственных значений (положение говорящего по отношению к собеседникам: 1-е лицо *bi—bu/mi*; 2-е лицо *ta—ol ~ ta/te*)⁴. Автор разделяет точку зрения об отсутствии в алтайских языках четких границ между глагольными и именными корнями, превращающимися в зависимости от аффиксации в имена или глагольные формы (при этом следует учитывать, что в основе финитных форм также лежат субстантивные). В очерке приводятся некоторые глаголообразующие аффиксы, показатели залогов и даются сводки форм глагольного словоизменения по всем группам языков. В сравнительном словаре содержится лексический материал, подтверждающий приведенные в грамматике правила (например: мо.: вост.-мо. *suda-sun*, калм. *sudu-sun*, бур. *suda-so*, *huda-han*, *hudo-huŋ* 'вена'; тунг.: тунг. *suda-sun*, *suda-hun*, ма. *suda-la* 'вена'; тюрк.: осм. *sinir* 'нерв'; яп.: *sudzi* 'сухожилие, сосуд').

И. Грунцель в своей работе широко использовал «Фонетику» В. В. Радлова, грамматики М. А. Кастрена, И. Шмидта, А. Бобровникова, А. Орлова, О. Бётлингера, И. Захарова, труды Г. Винклера, Ф. Мюллера. И все же в его проспекте были представлены преимущественно лишь внешние, формальные сопоставления формантов и лексем без необходимых попыток восстановления их праформ. Поэтому, видимо, Г. И. Рамстедт в целом к данной работе относился отрицательно⁵.

В 90-е годы XIX века с алтаистическими работами начал выступать немецкий ученый Вилли Банг, позднее внесший в тюркологию большой вклад своими изданиями древнеуйгурских текстов и исследованиями по исторической грамматике тюркских языков (нередко на алтаистическом фоне)⁶. В. Банг подчеркивал, как важно познать «каждый атом языка», то есть детально исследовать значения отдельных аффиксов, корней и слов, что может быть достигнуто только с помощью сравнительно-исторического метода⁷. Он, так же как и некоторые другие ученые, обращался к алтайским языкам, демонстрирующим восходящее развитие к флексии, что показательно и для индоевропейского языкознания (об этом см. ниже).

Рассматривая формы множественности, личные показатели презенса и локальные показатели в прономинальных корнях и личных местоимениях⁸, В. Банг считал, что основные формы личных местоимений в алтайских языках — 1-е лицо — *m⁰*, 2-е лицо — *s⁰*, *t⁰*, *n⁰* — в своем первоначальном значении выражают локальные отношения, что позволяет сопоставить их функционально с индоевропейскими показателями лица⁹. Более детально локальные значения этих элементов рассматрива-

⁴ J. Grunzel. Entwurf einer vergleichenden Grammatik..., стр. 55—58.

⁵ N. Poppe. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965, стр. 130.

⁶ См.: A. v. Gabain. W. Bang Kaup 1869—1934. [Некролог]. — «Ungarische Jahrbücher», XIV. Bd., H. 1, 1934, стр. 1—12 (здесь же приводится и библиография).

⁷ См.: W. Bang. Beiträge zur Kunde der Asiatischen Sprachen. — «T'oung Pao», vol. II, № 3, Leide, 1891 [отдельный оттиск], стр. 3—8; *его же*. Les Langues ouralo-altaïques et l'importance de leur étude pour celle des Langues indogermaniques. — «Mémoires couronnés... publ. par L'Académie royale de Belgique», vol. XLXI, Bruxelles, 1893 [отдельный оттиск], стр. 3—8.

⁸ Анализу отдельных падежных форм алтайского имени посвящена специальная работа: W. Bang. Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. I. Zum Genitiv-Affix. II. Zum Locativ-Affix -do. — «Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes», IX. Bd., Wien, 1895, стр. 267—276 (далее — WZKM). В. Банг основой алтайского показателя генитива считал -ni < n⁰ + i, где n⁰ является прономинальным элементом (стр. 272). Ср.: K. H. Menges. Morphologische Probleme. I. Zum Genitiv und Accusativ. Wiesbaden, 1960.

⁹ W. Bang. Beiträge zur Kunde der Asiatischen Sprachen, стр. 9—12; см. также: W. Bang. Mandschurica. 1. Zum Pronomen der 1. und 2. Person. 2. Zur Bildung des Genitiv. 3. Zu den Verbalformen in -mbi, -mbihe. — «T'oung Pao», vol. I, 1890, стр. 329—334.

ются в другой статье, где особое внимание уделяется элементу p^0 , который может выступать не только в местоимениях (например, во всех косвенных падежах), но и в глагольно-именных формах¹⁰. В тунгусских языках, например, он входит в состав презентного деепричастия (*gérondif présent*) на $-pa/-pe/-po < p^0 + a$ ($\sim e \sim o$), маньчжурского $-me < p^0 + b$ (e)¹¹ и является в этом языке темой в форме на $-mbi < -p^0 + bi$, а в монгольском — $-mui < -p^0 + bui$. Поэтому маньчжурские глагольные формы на $-mbi$ и на $-mbihe$ В. Банг возводил к сочетанию именной формы на $-p + bi$ 'быть, иметь' ($+he$ — показатель имперфекта), проводя морфологическое членение $-m + bi$, $-m + bum -bi$ ¹², например: *bajambi* 'обогащаться' $< bajan$ 'богатый' $+ bi$; *bajambumbi* 'обогащать' $< bajan$ 'богатый' $+ bumbi$; *dorolombi* 'совершать обряд' $< dorolon$ 'обряд'; *dorolombi* 'идти совершать обряд' $< dorolonon + bi$ (при *dorolon* 'обряд', *on* 'путь, дорога'). В таких сопоставлениях В. Банг особо подчеркивал именную характер алтайских глагольных форм. Недаром его построения одобрял Г. Винклер, последовательно развивавший идеи об именном характере алтайского глагола (об этом см. ниже)¹³.

В работах В. Банга, опубликованных в то время, известное место уделялось также межъязыковому сопоставлению первичных корней не только внутри самих урало-алтайских языков, но и с индоевропейскими и семитскими корнями. Сопоставления последнего типа В. Банг рассматривал как более глубокую вторичную праязыковую реконструкцию на основе праязыковых реконструкций отдельных языков¹⁴. В его работах анализируются, например, корни $k(V)r \sim k(V)l$, $g(V)s$, $d(V)r$, $s(V)r \sim l \sim n$, $\check{s}(V)r \sim l \sim n$, $t(V)r$, $g(V)r \sim l \sim n$ ¹⁵. Реконструкция подобных первичных корней позволяла В. Бангу разлагать на составляющие корни некоторые маньчжурские многосложные слова, построенные по «принципу синонимических композитов»; например: *ma. sandalambi* 'разделять, расставять' $< Vsn$ ($\sim sr \sim sl$) $+ Vdl$ ($\sim dr \sim dn$) $+ a + n + bi < sn$ '*отделять' (ср. *ma. sanambi* 'тянуться', *sirambi* 'продолжать', *soroki* 'воздержание'; *mo. sagni-* 'рассеиваться') $+ dl$ '*разделять' (ср. *ma. delhemb* 'отделяться, расходиться')¹⁶. Для маньчжурского он допускал следующую структуру корней: 1) V, 2) CV, 3) VC, 4) CVC¹⁷.

С 1879 года алтайскими языками, в том числе и японским, начал заниматься немецкий ученый Генрих Винклер (1848—1930), опубликовавший серию монографий и статей по различным проблемам алтаистики. Все его работы отличает единство развиваемой в них целостной кон-

¹⁰ W. Bang. Les Langues ouralo-altaïques..., стр. 9—19; *его же*. [Рец. на работу] H. Winkler. Japaner und Altaier. — *T'oung Pao*, vol. VIII, 1897, стр. 111—114.

¹¹ См.: W. Bang. Das Gerundium auf *-me* in Mandschu. — *WZKM*, XII. Bd., H. 1—4, 1898, стр. 269—271. Анализ этой точки зрения см.: О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962, стр. 267—280; см. также: W. Bang. Mandschurica. 3. Zu den Verbalformen in *-mbi*, *-mbihe*, стр. 330—334.

¹² К объяснению фонетических переходов см. также: W. Bang. Études ouraloaltaïques. — *Muséon*, vol. IV, 1891 [отдельный оттиск], стр. 3—8; *его же*. Zum auslautenden N im Altaischen. — *T'oung Pao*, vol. VI, 1895, стр. 216—221.

¹³ См.: W. Bang. Uralaltaische Forschungen. Leipzig, 1890, стр. 1—27.

¹⁴ Там же, стр. 29—30.

¹⁵ См.: W. Bang. Uralaltaische Forschungen, стр. 30—43; *его же*. Études ouraloaltaïques, стр. 8—15; *его же*. Beiträge zur Kunde, стр. 12—20.

¹⁶ W. Bang. Beiträge zur Kunde, стр. 20—23.

¹⁷ W. Bang. Études ouraloaltaïques, стр. 7.

депции относительно характерных черт строя этих языков¹⁸. Пожалуй, наиболее концентрированно эта концепция представлена в работе 1921 года¹⁹; именно данная целостность и последовательность взглядов позволяет остановиться на этой работе, хронологически выходящей за рамки нашего обзора. В центре внимания ученого стояла проблема, которая может быть теперь определена как морфологическая и структурно-синтаксическая типология алтайских языков. Такой требовательный алтаист, как Г. Дёрфер, высоко оценил алтаистические работы Г. Винклера, указав, что тот «первым обстоятельно и научно изложил строй монгольского языка в сопоставлении с другими алтайскими и даже уральскими языками»²⁰, хотя многие приводимые Г. Винклером конкретные факты ныне уже и не подтверждаются.

Г. Винклер в своих работах стремился вскрыть «во многом затемненный» фундамент языкового строя, выявить на основе анализа отдельных алтайских языков те общие основополагающие черты, которые позволяют говорить именно об урало-алтайском языковом строе в отличие, скажем, от грамматического строя индоевропейских языков. Он часто подчеркивал, что каждая из групп урало-алтайских языков своеобразно организована и четко отличается от других групп, что развитие каждой группы после членения общности протекало по своим законам, и именно поэтому трудно находить совпадения в формальных элементах алтайских языков (в этом вопросе Г. Винклер развивал идеи, высказанные еще Чельгреном²¹), однако в каждой группе языков и в каждом алтайском языке в той или иной степени проявляются заложенные в языковом состоянии черты внутренней организации всего строя языка, определившие единое направление развития всех алтайских языков²².

Касаясь сопоставления лексического материала, Г. Винклер замечает, что межгрупповое сравнение лексем возможно лишь на уровне первичных элементов слов (*Urelemente*), так как дальнейшее их развитие происходило по индивидуальным законам и с помощью самостоятельных для каждой группы языков словообразовательных формантов. Если же в языках из разных групп отмечаются незначительные вариации одного и того же слова, то это свидетельствует только о заимствовании. Г. Винклер отобрал по урало-алтайским языкам 400 основных слов (*Kernwörter*) и из них около 100 слов сопоставлял на уровне первичных элементов или корней (*Grundelemente*). В тех случаях, когда в языках эти основные элементы совпадают и слова отличаются лишь прочими дифференциальными элементами, можно говорить о внутреннем родстве первичных элементов и, следовательно, языков в очень отдаленном времени, до возникновения их собственных средств словообразования и

¹⁸ *H. Winkler*. 1) *Uralaltaische Völker und Sprachen*. Berlin, 1884; 2) *Das Uralaltaische und seine Gruppen*. Berlin, 1885; 3) *Zur Sprachgeschichte*. Nomen. Verb und Satz. Antikritik. Berlin, 1887; 4) *Japaner und Altaier*. Berlin, 1894; 5) *Der uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische*. Berlin, 1909; 6) *Tungusisch und Finnisch-ugrisch*. I — JSFOu, XXX, 9, 1913—1918; II — там же, XXXIX, 1, 1923; 7) *Die altaische Sprachen*. Berlin, 1924; 8) *Die uralaltaische Sprachen*. — «Keleti Szemle», vol. I, Budapest, 1900, стр. 132—140, 195—205.

¹⁹ *H. Winkler*. *Die altaische Völker- und Sprachenwelt*. Leipzig—Berlin, 1921.

²⁰ *G. Doerfer*. *Sprachbau*. — «Handbuch der Orientalistik». Abt. I, V. Bd., Abschn. 2. *Mongolistik*. Leiden—Köln, 1964, стр. 51.

²¹ См.: *Д. М. Насилов*. Взгляды акад. Ф. И. Видемана и проф. М. П. Веске на урало-алтайскую проблему. — В кн.: «Финно-угорские народы и Восток» («Ученые записки Тартуского госуниверситета», вып. 455). Тарту, 1978, стр. 52.

²² *H. Winkler*. *Uralaltaische Völker und Sprachen*, стр. 54—62; *его же*. *Das Uralaltaische und seine Gruppen*. Vorwort; *его же*. *Japaner und Altaier*, стр. 3—16.

словоизменения²³. Ученый пришел к выводу, что лексически тунгусские языки ближе к угро-финским, чем к монгольским и тюркским языкам.

Поскольку Г. Винклер признавал наличие ранних и глубоких расхождений между алтайскими языками, объясняющихся тем, что «каждая ветвь алтайских языков во всех пунктах грамматики шла своей дорогой»²⁴, он скептически относился к реконструкции алтайского праязыка (Ursprache), подобно реконструированию индоевропейского праязыка, произведенному А. Шлейхером.

Каковы же общие законы, объединяющие вместе с тем столь далекие друг от друга алтайские языки? Г. Винклер определял два таких основных закона, по которым организуется вся жизнь этих языков. Прежде всего Г. Винклер признавал, что в алтайских языках первоначально существовали только имена субстантивного характера (substantivartige Nomina), поэтому согласно первому закону для связанных в смысловом отношении двух и более слов возможно последовательное их присоединение, нанизывание, причем из двух рядом стоящих имен второе всегда выступает управляющим (Regens), а первое — управляемым (Rektum). Из этого закона вытекал второй закон: в тех случаях, когда между двумя связанными по смыслу именами отсутствуют указанные выше отношения управления, то между ними возникают предикативные отношения, причем предшествующее имя выступает субъектом, а последующее — предикатом²⁵. На первом законе покоятся системы именного словообразования и словоизменения и прежде всего склонение имен (в том числе и местоимений, так как и они в алтайских языках по своей природе — субстантивные имена); второй закон проявляется, например, в субъектном спряжении глаголов, в структуре алтайского отрицания, в конструкциях с транзитивными и нетранзитивными глаголами (финские языки) и т. п.²⁶ Г. Винклер в ранних работах последовательно и настойчиво доказывал, что и современные алтайские языки непреложно подчиняются этим законам, но позже он, видимо, начал склоняться к мнению, что указанные законы отражают особенности идеального алтайского языкового типа, ныне только частично представленного в языках. Поскольку этот идеальный строй может быть соотнесен лишь с определенным этапом развития языков или принят за некий праязыковой тип, то можно сопоставить с ним современные языки для определения степени их отклонения или сохранения идеальных черт (при выяснении дальности родственных отношений). Действительно, Г. Винклер, исходя из этих положений, стремился расставить алтайские языки по степени их близости между собой (и доказать, что японский язык по своему внутреннему строю является абсолютно алтайским): с одной стороны, тюркские и монгольские, с другой — финские, самодийские и тунгусские; японский язык ближе к последней группе.

²³ См.: *H. Winkler. Der uralaltaische Sprachstamm*, стр. 13—55.

²⁴ *H. Winkler. Die altaische Völker- und Sprachenwelt*, стр. 31.

²⁵ *H. Winkler. Japaner und Altaier*, стр. 17—20; *его же. Die altaische Völker- und Sprachenwelt*, стр. 32—33. Ср.: *М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков*. М., 1955, стр. 17; *G. Doerfer. Sprachbau*, стр. 50.

²⁶ *H. Winkler. Japaner und Altaier*, стр. 17—23; *его же. Die altaische Völker- und Sprachenwelt*, стр. 32—47.

Выше отмечалось, что в целостной концепции Г. Винклера находило объяснение или толкование через указанные закономерности значительное количество алтайских грамматических явлений. Так, при соединении двух зависимых имен возникают генитивные отношения между ними, формально обозначенные их соположением. Поэтому так необязательны показатели генитива, равно как и аккузатива (недаром грамматические падежи в этих языках не развиты). На этих же связях строится этимологически вся система пространственных падежей, поскольку их показатели восходят к именам с локальными значениями (ср. современную систему служебных имен в тюркских языках). В работах Г. Винклера впервые была представлена детальная разработка частных и более общих значений падежных показателей в алтайских языках²⁷. Основу алтайского предложения составляет конечное глагольное имя («абсолютный идеальный регенс!»), по отношению к которому все предшествующие и связанные с ним имена выступают как определения, и поэтому алтайское предложение есть фактически слово—предложение (Satzwort) с устойчивым порядком слов. Этим объясняется то, что в алтайских языках нет союзов и придаточных предложений (имеющееся — результат позднего развития или заимствования)²⁸. Сложное синтаксическое целое подчинено указанному закону соположений определений разных уровней. На базе конечного глагольно-субстантивного имени развиваются собственно глагольные финитные формы (идея о первоначальной нерасчлененности имени и глагола была уже не новой в алтаистике!), о чем свидетельствует личное спряжение (это развитие начинается обычно с форм 3-го лица). Первоначально «глагольное имя+личный показатель» индифферентно во временном отношении, позднее с помощью дополнительных средств возникают формы, выражающие многообразные временные и модальные значения (ср. идеи А. Боллера). Развитие личного глагольного спряжения из именных предикативных отношений особенно наглядно показывают тюркские, монгольские и самодийские языки, хотя во всех алтайских языках процветает другой тип оформления предикативных отношений, построенный на притяжательности (посессивности) и ее показателях²⁹.

В задачу данной статьи не входит изложение в деталях всей концепции Г. Винклера относительно строя алтайских языков и путей его исторического развития. Следует лишь отметить, что она оказала известное влияние на многих исследователей алтайских языков (ср., например, теории об именном строе этих языков, об именном происхождении алтайских глагольных форм, о посессивном строе, о противопоставлении посессивного и личного спряжения глаголов и т. п.). Идеи, близкие к винклеровским, продолжают жить и развиваться и в современных ра-

²⁷ См.: *H. Winkler. Das Uralaltaische*, стр. 10—20; *его же. Zur Sprachgeschichte*, стр. 28—274; *его же. Uralaltaische Völker- und Sprache*, стр. 171—441.

²⁸ См.: *H. Winkler. Die altaische Völker- und Sprachenwelt*, стр. 32—34; *его же. Tungusisch und Finnisch-ugrisch. I—II*. В этой работе впервые много места уделено описанию тунгусского синтаксиса, в частности развернутых синтаксических оборотов, с причастиями и деепричастиями.

²⁹ См.: *H. Winkler. Der uralaltaische Sprachstamm*, стр. 68—84.

ботах по алтаистике³⁰; критическая оценка их с учетом взглядов Г. Винклера, видимо, весьма полезна и не только с точки зрения истории науки. В конце XIX и начале XX века ни один ученый не дал такого всеобъемлющего типологического анализа строя алтайских языков, как это сделал Г. Винклер в рамках целостной теории, охватывающей все языковые ярусы.

Трудами Г. Винклера можно закончить обзор алтаистических работ XIX века. С 1907 года начинают выходить алтаистические работы Г. И. Рамштедта, знаменующие собой начало нового этапа в алтаистических исследованиях и следующего периода развития алтаистики, обзор которых составляет самостоятельную проблему и требует иного метода изложения. Можно сказать, что на трудах Г. И. Рамштедта основана вся современная алтаистика³¹. «Основным достоинством работы Г. И. Рамштедта, — пишет Н. А. Баскаков, — является то, что он, опираясь на факты тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков, при анализе конкретных грамматических форм выводит на основании соответствующих фонетических закономерностей как бы общую для всех этих языков алтайскую форму, характерную для общеалтайского языка-основы, и, далее, приводит значительный фактический материал по каждой из перечисленных групп языков, иллюстрирующий и доказывающий правомерность реконструируемой им формы... Благодаря такой методике создается определенная перспектива в развитии грамматических форм от наиболее древнего их состояния в алтайском языке-основе до соответствующих форм в современных живых языках алтайской семьи»³².

³⁰ Ср. рефлексы этих идей в современных исследованиях: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 76—105 (гл. «Строй тюркских языков»); *его же*. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975; *его же*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979. Б. А. Серебренников. О причинах устойчивости агглютинативного строя. — «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 46—56; D. R. Fokos-Fuchs. Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft mit besonderer Rücksicht auf das Problem der ural-altäischen Sprachverwandtschaft. Wiesbaden, 1962 (особенно стр. 57—116); Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6; *его же*. Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 65—76; *его же*. Языковая стратификация и классификация языков. — В кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 45—73; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973; ср.: G. Doerfer. Sprachbau, стр. 74—75; N. Poppe. Der altaische Sprachtyp. — «Handbuch der Orientalistik. Mongolistik», стр. 1—15.

³¹ Библиографию трудов Г. И. Рамштедта см.: K.-E. Henriksson. Sprachwissenschaftliche Veröffentlichungen von Prof. Dr. G. J. Ramstedt. — «Studia orientalia Fennica», vol. XIV, 12, Helsinki, 1950, стр. 5—13; Y. H. Toivonen. Gustaf John Ramstedt. — «Journal de la Société Finno-ougrienne», vol. 55, 1, Helsinki, 1951, стр. 3—21; «Aufsätze und Vorträge von G. J. Ramstedt». — Там же, vol. 55, 2, стр. 3—112; Г. И. Рамштедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 5—25.

³² Н. А. Баскаков. Предисловие. — В кн.: Г. И. Рамштедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология, стр. 11.

РЕЦЕНЗИИ

Б. БАЗЫЛХАН. ҚАЗАҚША-МОНҒОЛША СӨЗДІК.

РЕДАКТОРЛАРЫ Ж. АХМЕТ, Б. БАТАА. 30000-ға ЖУЫК СӨЗ.
УЛАНБАТЫР, 1977, 392 стр.

Двадцать четыре года назад был издан в Монголии «Монғолша-қазақша сөздік» («Монгольско-казахский словарь», составители С. Хабшай, А. Минис. Улан-Батор, 1955 — далее — МКС), содержащий около 10 000 слов. Рецензируемый более полный казахско-монгольский словарь составлен в аймаке (области) Баян-Улгий (МНР). Вышедший в 1954 году «Казахско-русский словарь» Х. Махмудова и Г. Мусабаева (далее — КРС) не был столь полным. Труд Б. Базылхана (далее — КМС) представляет собой первое лексикографическое издание, в котором монгольско-тюркские (в данном случае — монгольско-казахские) параллели и соответствия сопоставляются непосредственно. Ранее такие лексические сопоставления производились через посредство монгольско- и тюркско-иноязычных словарей, и поэтому некоторые факты могли выпасть из поля зрения исследователей-алтаистов. Это еще больше повышает ценность рецензируемой работы, подготовленной молодыми учеными — сотрудниками Института языка и литературы Академии наук Монгольской Народной Республики.

В КМС не включены слова устаревшие (как и архаические значения еще бытующих слов), местные, то есть диалектные, в том числе и монголизмы, встречающиеся лишь в языке баян-улгейских казахов, а также узко специальные (профессионализмы) и различного рода вульгаризмы.

Хотя КМС рассчитан на монгольского читателя и поэтому все пояснения даны в нем на монгольском языке, он может быть полезен и тем языковедам-тюркологами, которые занимаются проблемами тюркско- (особенно казахско-) монгольских лингвистических связей. Большой интерес для исследователей-компаративистов представляют гнездовые (словарные) статьи, где даны как тюркизмы, так и монголизмы. Подобные взаимные заимствования не всегда легко обнаруживаются в большинстве наших словарей. Приведем лишь один пример: в «Монгольско-русском словаре» (М., 1957) отсутствует гнездовая статья на тюркизм *хөрші* (поясняющий казахское *көрші* 'со-

сед'), оказавшийся «спрятанным» в гнездовой статье *айл* (= каз. *ауыл*), а именно — в словосочетании *айл хөрші улс* 'сопредельное государство'. Не отмечен этот тюркизм и в калмыцкой лексикографии, хотя его легко можно найти в бурятской, то есть в бурятско-русских и русско-бурятских словарях.

В отдельных случаях монголизмы казахского языка в КМС не зафиксированы, например, в нем нет *қапсағай* (по КРС: 'ущелье') или *қапшағай* (по МКС: *хавцғай* 'ущелье, отвесная скала'). Возможно, автор КМС эти варианты одного и того же монголизма считал узкими диалектизмами. Но как бы то ни было, эти варианты любопытны потому, что, во-первых, они говорят об особенностях местных казахских говоров, а, во-вторых, свидетельствуют о более раннем (*қапсағай* ← монг. *кабчагаи* ← **кабчагаи*) и более позднем (*қапшағай* ← *монг. *кабчагаи*) проникновении данного монголизма в лексику различных казахских говоров. При этом следует иметь в виду, что монголизмы *қапсағай* и *қапшағай* в историко-фонетическом плане не могут рассматриваться как равноценные с явлениями типа *-ш- → -с-*, например, в таких словах, как *таш → тас* 'камень'. Что касается «собственного» казахского *қапсағай*, то оно поясняется в словаре монгольскими *хүдэр чийрэг* (даются как парные сочетания, по отдельности означающие: 'сильный, здоровый' и 'сильный, крепкий, дюжий', 'плотный'), *том* ('крупный, рослый, взрослый'), хотя в КРС это слово и переведено как 'сухощавый' и 'рослый'. Очевидно, здесь у казаховедов нет единого мнения о значении данного слова. Отметим также, что в МКС монгольское *хавцғай* на казахский язык переведено как *тік құз*, *тік жар тас*, *қапшағай*, *шың* (соответственно 'узкая скала', 'узкий обрывистый камень', 'ущелье' и 'вершина', из которых последнее нельзя считать точным эквивалентом монгольского *хавцғай*).

В КМС приведены монголизмы *құнажын*, *құнан* (о самках и самцах животных-трехлеток) и *дөнен* (о самцах-четырёхлетках),

но отсутствует *дөнежін* (о самке-четырёхлетке), хотя оно и имеется в КРС. Вообще, следовало бы указать, что в тюркских языках эти термины применяются по отношению ко всем животным, тогда как в монгольских языках — только к крупным животным (но не к овцам и козам). Нужно также отметить, что в монгольских языках возраст лошадей определяется чаще всего по зубам: бурят. *шүдэлэнг* (от *шүдэн* 'зубы') 'трехлетний', *хизааланг* (от *хизаа-р* 'край, конец') 'четырёхлетний', *ноёолонг* (от *ноёо* 'клык') 'пятилетний'.

В словарных статьях КМС приводится достаточное количество иллюстраций-примеров, поясняющих значения казахских слов и их употребление, в особенности многозначных. Большинство этих иллюстраций весьма удачны. Так, казахское *ақ* поясняется в его переносном значении как *гэмгүй, буруугүй* 'невинный, безвинный', в сочетании *с~адам* 'безвинный человек'. Основное же значение этого слова поясняется в примере: *~ түсті* с переводом *цагаан өнгөтэй* 'имеющий белый цвет'. Известно, что в различных словарях вопросы лексических омонимий и полисемий решаются по-разному. В рецензируемом КМС предпочтение отдано омонимичности. Например, если в КРС явные омонимы даны как полисемичные слова — *жақ* 1. 'щека' ... 2. 'сторона' ... 3. 'лук' (переносные значения опускаем), то в КМС они даны именно как омонимы: *жақ I эруу* 'нижняя челюсть, подбородок', *жақ II нум* 'лук для стрельбы', *жақ III зүг, чиг* 'сторона, направление', *тийшээ* 'туда, в сторону чего-то', а также *тухай* 'насчет, о'. Эти переводы пояснены в соответствующих примерах, однако перевод *талаар* не имеет примеров-иллюстраций, и поэтому не ясно, как еще надо понимать казахское *жақ III*, ибо *талаар* может означать: «по степи», «по линии», «зря, впустую». С другой стороны, правильно данное в КРС как полисемичное *ақ* 'белый', 'честный', 'молоко', 'невинный, невиннованный' и 'белок', в КМС трактуется как омоним в значениях: «белый», «молоко» и «белок» с пояснением *нудний* 'глаз'. Любопытную метаморфозу претерпели в КМС омонимы *білік* 'ось' и *білік* 'знание, образование', приведенные здесь как одно многозначное слово. Однако производные от них омонимы *білікті* 'осевой' и *білікті* 'знающий, образованный' даны в этом словаре именно как омонимы. Заслуживает внимания то обстоятельство, что монгольский тюркизм *билиг* имеет значение, отличное от казахского *білік*, но совпадает по своему значению с казахским *дарын* (или *каблет*) 'дар, способность, талант'. Поэтому в КМС казахское *білік* пояснено однозначными с ним монгольскими *мэдлэг* 'знание, осведомленность' и *боловсрол* 'образование, просвещенность, образованность'.

Некоторые отступления от правил подачи лексикографических помет не умаляют значения рецензируемого труда, поскольку

здесь не имеются в виду омонимы типа приведенных выше: *жақ I*, *жақ II* и *жақ III* (ср. соответственно киргизские *жаак*, *жаа* и *жақ*). В этом смысле КМС следует признать в целом вполне удовлетворительным, ибо в нем казахские слова адекватно переданы по-монгольски. Однако есть и спорные моменты. Так, в КМС сочетание *жар-жар* (о девушке, выдаваемой замуж) снабжено переводом *сургамж үг* 'поучение' (наставление девушке о том, как вести себя в доме мужа). Дело в том, что по-монгольски в подобных случаях говорят *ерөөл* 'благопожелание', а не 'наставление...'. Если же казахское *жар-жар* действительно соответствует приведенному выше монгольскому *сургамж үг*, то это, несомненно, представляет известный интерес для сравнительной казахско-монгольской этнографии.

Коль скоро в вышеприведенном случае казахское *білік* 'знание' совершенно обоснованно не переведено его монгольским этимологическим эквивалентом, то казахское *туулағ* в значениях «опора, защита» можно было бы также пояснить монгольским *тулага* 'таган, подпорка, кронштейн, упор, столб' (ср. киргизское *тулга* 'таган-тренога'). Такого рода уточнения подняли бы значение КМС для сравнительно-типологических штудий: каз. *тулага* монг. *тулага тул* 'опираться'.

Как и в других двуязычных словарях, в КМС также много иллюстративных словосочетаний (иногда в виде поговорок и пословиц). Эти иллюстрации будут весьма полезны при исследовании казахско-монгольских типологических схождений и расхождений. В словарной статье *ауылдас* — «*айл хөрші, хөрші, хөрші айла*» ('айльные, или аульные, соседи'; 'соседи'; 'соседние айлы') приведена пословица: *агайынның аты озғанша, ауылдастың тайы озсын* — «*ах дүүгийн агт түрүүлснээс айл хөршийн даага түрүүлсэн дээр*» ('пусть в скачке опередит годовалый жеребенок у соседа, чем взрослый мерин у братьев'). По мнению автора, эта пословица соответствует монгольской *айл хүний амь нэг, саахалт хүний санаа нэг* 'жизнь одна у людей, живущих в одном айле, помыслы одни у людей, живущих в соседних айлах'. Во-первых, казахское *ауылдас* точнее было бы передать по-монгольски как *нэг айлынхан* 'одноайльцы' или 'одноаульцы' (*ауылдас* соответствует русскому 'односельчане'. — См.: «Русско-казахский словарь». М., 1954, стр. 446). Во-вторых (эти иллюстрации весьма любопытны в грамматико-типологическом плане), если приведенную казахскую пословицу перевести на монгольский язык морфологически калькой, то получится (опускаем определения): *агт түрүүлтэл даага түрүүлэг* 'до того как опередит взрослый мерин, пусть опередит годовалый жеребенок'. Но если монгольский эквивалент этой казахской пословицы перевести обратно на казахский язык, то получится: (*Аталастың*) *аты озғанша (ауылдастың) тайы озсын!* (ср.: *күткеннен де қыймылда-*

ған жақсырақ 'лучше действовать, чем ждать').

КМС завершается кратким очерком сравнительной грамматики (и фонетики) казахского и монгольского языков (стр. 372—392), который благодаря умело составленным схематическим таблицам дает достаточно ясное представление об излагаемом предмете. В очерке (стр. 377) сообщается общеизвестное положение об отсутствии в казахском языке долгих гласных. Однако наряду с этим на стр. 379 утверждается, что казахские [и], [у], [ю], то есть [ju] и [jy], [я], то есть [ja] произносятся как монгольские долгие: [ий] ([и:]), [уу] и [үү], [юу] и [юү] ([ju:] и [jy:]). Б. Базылхан приводит примеры: *ки*: 'навоз', *ула*: (орфографически *улы*) 'ядовитый', *үадэ*: (орфографически *үәде*) 'обещание', *ају*: 'медведь', *кеју*: 'быть недовольным' и т. д. Здесь речь идет, видимо, о том, что казахские дифтонгоиды¹ в монгольском языке воспринимаются как долгие гласные: явление, которое должно стать предметом со-

поставительного казахско-монгольского фонетического исследования, осуществляемого в специальных лабораторных условиях. В монгольских языках (кроме калмыцкого) имеются как восходящие, так и нисходящие дифтонги, а также долгие гласные с глайдами (чаще всего в виде крайне редуцированного [и]).

В фонетическом разделе рассмотренного очерка имеется указание, что казахское [ә] произносится примерно, как монгольское (орфографическое) [а] в словах типа *дахх* 'повторять'. Следовало, однако, уточнить, что этот казахский гласный произносится примерно, как западномонгольский (ойратский) или калмыцкий [ә], ибо халхаский (то есть собственно монгольский) гласный [а] в словах указанного типа является звуком среднего, а не переднего ряда (в монголоведческой транскрипции различают [а] и [ä]).

В целом же «Қазақша-моңғолша сөздік» Б. Базылхана является ценным трудом, представляющим большой интерес как для тюркологии (казахovedения), так и для монголоведения.

Г. Д. Санжеев

¹ См.: «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962; Ж. А. Аралбаев. Вокализм казахского языка. Алма-Ата, 1970.

А. Қ. ҚҰРЫШЖАНОВ, А. Қ. ЖҰБАНОВ, А. Б. БЕЛБОТАЕВ. КУМАНША-ҚАЗАҚША ЖИЛІК СӨЗДІК

ҚАЗАҚ ССР-ІНІҢ «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1978, 276 стр.

Широко известный письменный памятник средневековья «Кодекс Куманикус» в свое время был переведен на различные иностранные языки (латинский, немецкий — дважды, французский — дважды), однако ни на один из языков народов СССР не переводился. Поэтому издание этого памятника на казахском языке следует расценить как заметное событие в отечественной тюркологии.

«Кодекс Куманикус» издан в виде куманско-казахского частотного словаря, обратного-алфавитного словаря куманского языка. Для этого материалы памятника были обработаны на ЭВМ. Словарь составлен под научным руководством большого знатока «Кодекс Куманикус», доктора филологических наук А. К. Курышжанова.

А. К. Курышжанов еще в 50-е годы занимался исследованием этого памятника и защитил по нему кандидатскую диссертацию. «Кодекс Куманикус» является памятником старокипчакского языка и поэтому содержит ценный материал по истории

тюркских языков вообще и кипчакских языков в частности.

Цели и задачи словаря ясно определены авторами в «Предисловии» (стр. 5—10). Словарю предпослана обстоятельная вводная статья (стр. 11—34) на казахском языке, дающая достаточно полное представление о памятнике. Как известно, частотные словари имеют не только практическое значение. Статистические данные нужны для составления учебников и словарей-минимумов, для осуществления машинного перевода и т. д. Они могут быть использованы также для изучения некоторых теоретических, а в данном случае исторических вопросов лексикологии. Прежде всего каждый частотный словарь знакомит читателя со степенью употребляемости слов в речи. В рецензируемом словаре, построенном на сугубо научной основе, дана частотная квалификация всех слов анализируемого текста.

Частотный словарь памятника включает 2940 реестровых слов, которые в текстах

повторяются 8296 раз. Первая часть памятника охватывает почти весь словарный состав. Статистические данные в словаре приводятся по каждой части речи. Авторы отметили интересную, на наш взгляд, закономерность: по количеству имена существительные, прилагательные и глаголы занимают соответственно первые три места среди других частей речи, что наблюдается и в статистических исследованиях современного казахского языка. Это, видимо, еще раз указывает на генетическое родство куманского и казахского языков.

В словаре приводится краткий обзор статистического подсчета слов по начальным буквам (см. таблицу на стр. 8 рецензируемого издания). «Введение» состоит из пяти разделов. В первом подробно описывается сама рукопись, говорится о времени, месте, истории и целях составления памятника, его объеме. Во втором разделе содержатся интересные сведения об истории исследования рукописи памятника: от Петрарки и Лейбница до современных исследователей К. Грэнбека и В. Дримбы. В третьем разделе дается краткий исторический очерк о кыпчаках IX—XIV веков, населявших территорию от Байкала до Венгрии и от Урала до Египта.

В четвертом разделе освещаются роль и значение старокыпчакского языка и истории современных тюркских, в частности кыпчакских языков. Авторы относят язык «Кодекс Куманикус» к северо-западной группе тюркских языков и рассматривают его как памятник разговорной речи кыпчаков, отличавшейся от традиционной литературной формы их языка.

В резюме на русском языке дается краткий обзор лишь четырех первых разделов «Введения», тогда как именно в последнем пятом разделе говорится о структуре и составе словаря. Кстати, резюме дано также на немецком и английском языках.

На наш взгляд, правильно поступили авторы, не включив в словарь слова и формы, еще не получившие удовлетворительной научной транскрипции и убедительной семантической интерпретации. Реестры слов расположены в алфавитном порядке. В «Кодекс Куманикус» первыми приводятся имена существительные и глаголы, на-

чинающиеся с буквы А. Слова выписаны в три столбика: в первом — на латинском языке, во втором — на персидском, в третьем — на куманском, то есть старокыпчакском языке.

Далее авторами дается перечень основного содержания памятника:

I. Латинско-персидско-кыпчакский словарь (стр. 1—58.);

II. Наречия (стр. 59—67);

III. Образцы склонения имени существительного и местоимений (68—69);

IV. Трехязычный словарь слов, сгруппированных по значениям (стр. 70—110).

Эти слова в свою очередь подразделяются по сорока значениям, например: а) слова религиозного характера (стр. 70), б) слова, связанные с погодными явлениями, землей и космосом (стр. 71), в) слова, связанные со стихийными явлениями природы, торговлей, названия частей тела человека и т. д. На этом заканчивается первая, так называемая «Итальянская» часть памятника. Далее следует вторая, «Немецкая» часть — от V до XXXVII параграфа или пункта.

Оригинал словаря, как известно, был обнаружен в Венеции в книгохранилище собора св. Марка, где он находится и в настоящее время. По сведениям, приведенным авторами, эту рукопись подарил Венецианской республике вместе с другими рукописями великий поэт средневековья Петрарка в 1362 году. В конце вводной части излагаются методы подачи материала в словаре (стр. 32—34).

Нельзя не согласиться с авторами словаря, отмечающими во «Введении», что многие ученые, ссылаясь на труд В. В. Радлова «О языке куманов по поводу издания куманского словаря» (СПб., 1884), часто повторяют в своих работах допущенные Е. В. Радловым ошибки как в транскрипции, так и в переводе.

При ознакомлении с рецензируемой книгой каждый исследователь, надо полагать, извлечет из нее определенное количество ранее неизвестных ему данных и фактов. Историография отечественной тюркологии, несомненно, обогатилась еще одним ценным справочным изданием.

А. Б. Кошкарров

Ф. Ф. АЛИЕВ. ОЧЕРКИ ПО ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКА ТУРОК КАЗАХСТАНА

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1978, 100 стр.

В нашей стране, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1970 года, проживают 79 тысяч турок, 92,3 процента которых считают родным языком турецкий. Турки расселены главным образом в Узбекской, Казахской, Киргизской, частично в Азербайджанской ССР и Кабардино-Балкарской АССР. Большая часть советских турок проживает в Узбекистане, в частности в Ташкентской, Самаркандской, Андижанской, Кокандской, Ферганской и некоторых других областях.

В Казахстане турки проживают в Алма-Атинской, Джамбульской, Чимкентской и Кызыл-Ордынской областях, куда они переселились из Адигенского, Аспандизского, Ахалкалакского, Ахалцихского и Догановского районов Грузии.

Рецензируемое исследование старшего научного сотрудника Института языкознания Академии наук Казахской ССР Ф. Ф. Алиева посвящено изучению лексики речи турецкого населения Казахстана.

Турецкое население Казахстана многоязычно. Турки здесь владеют наряду с турецким языком также русским, казахским и некоторыми другими языками, которыми пользуются в сфере общественной деятельности. На родном языке турки Казахстана говорят главным образом в семье, в быту, при общении друг с другом.

Работа Ф. Ф. Алиева является первой попыткой изучения речи турецкого населения Казахстана и посвящена лексике, которая дает наиболее яркое и наглядное представление об этой речи в целом и ее связях с другими языками (как тюркскими, так и нетюркскими).

Книга состоит из введения, трех глав и общих выводов.

В первой главе «Лексика языка турок Казахстана по сферам употребления» описывается терминологическая лексика (термины родства и родственных отношений, названия частей тела и внутренних органов человека, народные названия болезней человека и скота, зоологические и ботанические термины, названия месяцев и дней, наименования мер и денежных единиц).

Следует отметить, что многие слова, характерные для бытовой лексики речи турецкого населения Казахстана, встречаются и в каракалпакском языке в прямом и семантически измененных значениях; на-

пример: *чорба* 'похлебка, суп' — ккалп. *сорпа* 'бульон', *суфра* 'обеденный стол' — ккалп. *сытыра* 'стол' или 'клеенка-скатерть для приготовления теста' и др.

Немало общего имеется между речью турецкого населения Казахстана и каракалпакским языком и в терминологической лексике, например: *чершамба* 'среда' — ккалп. *сэршемби*; *першамба* 'четверг' — ккалп. *пийшемби*; *жума* 'пятница' — ккалп. — то же самое; и др.

Любопытно, что слово *сали* в речи турецкого населения Казахстана употребляется в значении «вторник», а в каракалпакском языке оно встречается только как мужское имя собственное.

В главе уделяется внимание архаизмам, неологизмам, антропонимам, полисемии, омонимии, синонимии, антонимии, структурно-семантическим разрядам слов и др.

Вторая глава озаглавлена «Лексика языка турок Казахстана с точки зрения происхождения». В ней характеризуется лексика тюркского происхождения, иноязычная лексика (слова арабского, иранского, а также европейского происхождения) и, наконец, слова, заимствованные из казахского языка.

В третьей главе «Освоение иноязычной лексики» рассматриваются закономерности заимствования иноязычной лексики речью турецкого населения Казахстана, осуществляющегося главным образом устным путем.

Заимствованные слова прежде всего относятся к именам существительным и лишь некоторые — к другим частям речи. В результате длительного употребления характерные для речи турецкого населения Казахстана иноязычные слова претерпели ряд фонетических, морфологических, семантических (сужение, расширение и переосмысление значений, получение иноязычным словом новых дополнительных значений) и других изменений.

Работа Ф. Ф. Алиева является первым шагом в деле синхронного, общедialeктологического и социо-лингвистического описания лексики языка турок Казахстана; она послужит полезным пособием для дальнейшего изучения особенностей языка турецкого населения, проживающего в СССР.

У. Д. Доспанов

И. М. ОТАРОВ. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ)

ИЗД-ВО «ЭЛБРУС», НАЛЬЧИК, 1978, 108 стр.

Значение исследования лексики языка для разработки истории его носителей отмечали многие ученые. «Именно лексика, как чуткий и безобманный отметчик, — пишет В. И. Абаев, — прямо и непосредственно регистрирует все изменения в производстве, быте, культуре, а также все сколько-нибудь взаимные сношения и влияния между народами»¹.

Рецензируемая работа И. М. Отарова является заметным вкладом в изучение лексики карачаево-балкарского языка, словарный состав которого исследован гораздо слабее по сравнению с фонетикой и грамматикой.

Монография написана на конкретном языковом материале (названия одежды и обуви), собранном самим автором в течение ряда лет путем опроса местных жителей Карачая и Балкарии, а также извлеченном из различных научных источников, карачаево-балкарского фольклора и художественной литературы. В книге представлен обширный сопоставительный материал из словарей древних и современных тюркских и монгольских языков. Привлечены данные и из языков соседних народов Северного Кавказа.

Поскольку изучение интересующих автора названий проводится им в соответствии с известным методом «слова и вещи», в монографии использованы исследования дореволюционных и советских этнографов, посвященные одежде и обуви карачаевцев и балкарцев.

В первой главе «Лексико-семантические группы терминов одежды и обуви» автор выделяет девять тематических групп: названия верхней и нижней одежды и ее частей; наименования дополнительных предметов одежды; названия головных уборов; названия обуви и ее компонентов; наименования материалов для изготовления одежды и обуви; наименования украшений; названия орудий труда; названия отдельных процессов производства; названия лиц по профессии. Каждой тематической группе предпослана соответствующая характеристика. Карачаево-балкарские термины и сопоставляемые названия из других языков тщательно документированы.

В этой же главе дается интерпретация терминов, что, несомненно, будет способствовать в будущем решению сложных этимологических проблем. В ряде случаев автор предлагает свою этимологию некоторых слов. Таковы, например, *köpsek* 'брю-

ки' < *köp* 'кожа' (о широком использовании в прошлом шкур для изготовления различных видов одежды, в том числе и брюк, говорится в целом ряде этнографических исследований); *žujguc* 'женское платье' < *žujguc* < *žujg* 'сморщить' (первоначальное слово *žujguc* обозначало «сборчатая обшивка, пришитая к краям платья», затем оно заменило у балкарцев термин *čerkep*, который и сейчас употребляют карачаевцы в значении «женское платье»); *mipsaq* 'бусы' < *mojen*/*mojup* 'шея'.

Попутно с названиями одежды и обуви автор приводит также ценные сведения по истории предметов материальной культуры. Говоря о названии горской обуви *qöp šaguc*, он отмечает, что в селах Черекского района имеется ряд диалектных названий: *düpen šaguc* (букв. 'осетинский чарык') и *čerkes šaguc* (букв. 'кабардинский чарык'). Очевидно, этот вид обуви заимствован карачаевцами и балкарцами у соседних народов. Небезынтересны наблюдения автора, связанные с тем, что первоосновой женского платья у многих народов была рубаха. Это подтверждается идентичностью современных названий этих двух видов одежды в большинстве тюркских языков, а также в языках чеченцев, адыгейцев и других северокавказских народов, женщины которых не носили платья поверх рубахи, тогда как кабардинки, балкарки, карачаевки и осетинки надевали и то, и другое, и поэтому у них эти виды одежды (платье и рубаха) имеют разные названия (стр. 25).

В результате анализа терминов И. М. Отаров приходит к выводу, что большинство их представляет собой карачаево-балкарско-тюркские слова, из которых одни употребляются почти во всех языках тюркской семьи (*kijim* 'одежда', *kölek* 'рубашка' *top* 'шуба'), другие — в нескольких тюркских языках (*qurtp* 'ножицы' — в карачаево-балкарском, хакаском, якутском и караймском), третьи — только в карачаево-балкарском языке (*žujguc* 'женское платье', *köpsek* 'брюки').

Вторая глава посвящена источникам и способам образования названий одежды и обуви. Автором установлено, что главным источником обогащения исследуемой лексики являются внутренние ресурсы языка, реализуемые посредством использования трех способов словообразования: лексико-семантического, морфологического (аффиксального) и синтаксического. Особый интерес представляют термины, образованные лексико-семантическим способом, то есть путем метафорического пе-

¹ В. И. Абаев. История языка и история народа. — «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 40.

реноса значений (ага 'спина человека' — ага 'спинка одежды'), и метонимии (серкен 'домотканое сукно' — серкен 'черкеска', которую шили обычно из такого сукна), а также путем субстантивации причастий и прилагательных (tigilgen 'шов', хазуг 'газыри').

С привлечением богатого языкового материала изложен раздел о морфологическом способе образования терминов (стр. 75—79). Аффиксы, образующие термины, разделены на продуктивные и непродуктивные.

Синтаксический способ терминообразования, ввиду теоретической неразработанности критериев определения понятий «сложное слово» и «сложный термин», рассматривается более подробно.

Анализируя мнения исследователей о способах образования сложных терминов и сложных слов в разных языках, автор присоединяется к точке зрения тех ученых, которые считают, что сложные слова образуются способом словосложения, приводящим к семантическому единству их компонентов (А. Н. Кононов и др.).

Для карачаево-балкарского языка характерен описательный способ образования терминов. В данном случае автор придерживается мнения Г. О. Винокура, который пишет: «Одним из языковых средств систематизации терминов является двусоставный термин, одна часть которого является у него общей с другими терминами, а другая служит отличительной характеристикой в ряду смежных понятий»² (ср. бихаг бõгк 'каракулевая шапка', ага бõгк 'шапка с золотым шитьем', kijiz бõгк 'шапка из кошмы' и др.).

В отдельном параграфе рассматриваются внешние источники образования терминов — заимствование и калькирование. В ближайшем соседстве с карачаевцами и балкарцами с давних пор живут кабардинцы, черкесы и осетины. Тем не менее заимствований из их языков в исследуемых тематических группах выявлено немного (кабардино-черкесские: laudan 'шелковая ткань', из которой шили верхнюю одежду', sapzõx 'подшивка из другого материала

ла под женское платье для удлинения', хаг 'кружево', бõхсija 'женское платье', gefxin 'передник, фартук', хедик 'вышивка': осетинские: çibug 'жилетка', çyndaj 'чулок', хижун 'шнурок из сыромятной кожи для плетения подошв горской обуви', çук 'петля на подошве чабуров', халу 'нитка', ñzmelt 'виток чесаной шерсти, подготовленный для прядения', gülmendi 'тонкий шелковый платок с узорами по краям'). Подробно анализируются автором заимствования из арабского, персидского, русского языков и интернациональные названия, а также общие термины в карачаево-балкарском и монгольских языках.

Подводя итог, автор правильно отмечает, что с изменениями в экономической, социальной и культурной жизни общества, а также в связи с постепенным уходом из жизни людей старшего поколения — основных носителей развивавшейся веками профессиональной лексики — бесследно исчезают и народные термины. Поэтому большой научный интерес представляет тщательное собрание и исследование карачаево-балкарских терминов различных отраслей хозяйственной жизни и производства (животноводства, промысловой охоты, строительства и т. д.). Материалы таких исследований могут быть использованы при создании научно-технических терминов, а также при освещении отдельных вопросов истории, хозяйственной, социальной и культурной жизни карачаевцев и балкарцев.

Монография не лишена и некоторых недостатков. При выяснении языковой принадлежности отдельных терминов автор часто ограничивается приведением мнений исследователей иносистемных языков, хотя некоторые из этих слов, судя по всему, имеют тюркскую этимологию (например, ñzmelt, çyndaj, gülmendi и др.). Следует отметить, что в первой главе ряд терминов, особенно слова, взятые из азербайджанского языка, записаны неверно (ke'it вместо g'e'it, хиг'ип вместо хиг'ип и т. д.). Пользующихся монографией это может ввести в заблуждение.

Несмотря на указанные частные недостатки, работа И. М. Отарова и привлеченный в ней большой фактический материал представляют несомненный интерес для исследователей лексики карачаево-балкарского и других тюркских языков.

Г. К. Кулиев

² Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. — В сб.: «Труды Московского института истории, философии и литературы», т. V. М., 1939, стр. 13.

PERSONALIA

РИЗАУТДИН САЛАХУТДИНОВИЧ ГАЗИЗОВ

(К восьмидесятипятилетию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят пять лет крупному специалисту в области методики преподавания русского языка в нерусских школах и вузах, автору многочисленных учебников, русско-татарских и татарско-русских словарей Ризаутдину Салахутдиновичу Газизову.

Р. С. Газизов родился 28 августа 1894 года в деревне Тураево нынешнего Елабужского района Татарской АССР.

Получив начальное образование в местном медресе, Р. С. Газизов поступил в Казанскую татарскую учительскую школу, где проучился до конца 1916 года. В свое время там получили светское образование известные татарские революционеры Х. Ямашев и Г. Кулахметов, видные деятели науки и просвещения М. Курбангалиев, Г. Аппаров, М. Фазлуллин, Ф. Мухаммедьяров, А. Вяселев.

В годы первой мировой войны Р. С. Газизов был призван в армию и направлен в Казанское военное училище, которое окончил незадолго до февральской революции. После победы Великого Октября Р. С. Газизов встал в ряды защитников молодой Советской республики. Во главе батальона Первой татарской бригады он сражался против колчаковцев и басмачей до полной победы Советской власти в Туркестане в 1922 году. Много лет спустя (1968), за участие в этих боях Р. С. Газизов был награжден медалью «За боевые заслуги».

В тяжелые годы послевоенной разрухи учителя боролись за ликвидацию неграмотности, налаживали школьное образование, создавали учебные пособия. Р. С. Газизов был одним из зачинателей этой ответственной и благородной работы.

Первая книга Р. С. Газизова, написанная в соавторстве с М. Курбангалиевым «Грамматика татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка», вышла в свет в 1924 году, а впоследствии дважды переиздавалась. Она стала первым учебным пособием по изучению русского языка в татарских школах. Впоследствии Р. С. Газизов коренным образом переработал эту книгу, которая еще трижды издавалась в Казани под названиями: «Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков» (1952; см. рецензию М. Закиева и Х. Курбатова в журн. «Совет мектебе», 1953, № 1), «Сопоставительная грамматика татарского и русского языков» (1966 и 1977 годы). Эта работа получила положительную оценку академика В. В. Виноградова.

Большие заслуги принадлежат Р. С. Газизову в области подготовки и издания переводных словарей. Его первый «Татарско-русский словарь», составленный им в соавторстве с М. Курбангалиевым, был напечатан в 1927 и 1931 годах. В 1950 году вышел в свет его второй «Татарско-рус-

ский словарь», а в 1947 и 1949 годах — составленный совместно с М. Гимадиевым «Школьный русско-татарский словарь». Работая в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, Р. С. Газизов возглавлял авторский коллектив четырехтомного «Русско-татарского словаря». Он же был основным составителем и специальным редактором одноименного «Русско-татарского словаря», вышедшего в свет в 1971 году.

Свою научно-исследовательскую работу Р. С. Газизов успешно сочетает с преподавательской и общественной деятельностью. Он учительствовал в Елабужской средней школе (1918—1919), преподавал в Казанской областной партшколе (1922—1925), в объединенной татаро-башкирской военной школе (1925—1932), вел курсы русского языка в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина и в Казанском государственном педагогическом институте (1932—1934), который ранее успешно окончил. В течение многих лет Р. С. Газизов работал инспектором народного образования при Министерстве просвещения Татарии, ученым секретарем Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР.

Р. С. Газизов плодотворно трудится, создавая многочисленные школьные учебные пособия. Он является автором учебника по синтаксису, выдержавшего ряд изданий (1940—1948), им в соавторстве написаны учебники по русскому языку для начальных классов татарских школ (1946—1956).

Особо следует отметить кропотливую работу Р. С. Газизова по созданию и совершенствованию «Русского букваря для татарских школ», который до сих пор переиздается. Р. С. Газизовым написано оригинальное пособие «Татарский язык» (1960) для желающих самостоятельно изучать татарский язык.

Большое практическое значение имеют методические пособия, подготовленные и

изданные Р. С. Газизовым: «Сборник упражнений по развитию речи» (1941), «Морфологические таблицы» (1938), «Таблицы и упражнения по морфологии русского языка в сопоставлении с фактами татарского языка» (новое издание в 1952 году).

Р. С. Газизов успешно выступал и в периодической печати: им опубликовано по различным вопросам языкознания и методики преподавания татарского и русского языков свыше тридцати статей. По его инициативе в журнале «Совет мектебе» был создан специальный раздел, посвященный вопросам преподавания русского языка в татарской школе.

В процессе работы над четырехтомным «Русско-татарским словарем» Р. С. Газизов активно занимался и теоретическими проблемами тюркской лексикографии. На страницах журнала «Вопросы языкознания» он выступил со статьей «Из практики составления русско-татарского словаря» (1952). А его статья «О принципах составления русско-тюркских словарей» была помещена в лексикографическом сборнике Института языкознания Академии наук СССР за 1953 год.

Активный участник гражданской и Великой Отечественной войн, ветеран народного просвещения, неутомимый труженик науки Ризаутдин Салахутдинович Газизов встречает свое 85-летие полным желания работать. Он и сегодня активно сотрудничает с научно-исследовательскими учреждениями и учебными заведениями, участвует в составлении двуязычных словарей.

Коллеги и многочисленные ученики Ризаутдина Салахутдиновича желают ему крепкого здоровья и больших успехов в его многосторонней и полезной деятельности.

К. С. Сабиров

СОДЕРЖАНИЕ

- Н. А. Баскаков* (Москва). Основные вехи развития советского уйгуроведения 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- З. И. Будагова, В. Л. Гукасян* (Баку). Об азербайджанско-армянских языковых контактах 10

ОНОМАСТИКА

- В. У. Махпиров* (Алма-Ата). Антропонимы в «Дивану лугат-ит-тюрк» и «Кутадгу билиг» 22
А. Дубиньски (Варшава). Карaimские женские имена в Крыму и их семантико-этимологический анализ 29

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Н. Маматов* (Ташкент). Об отличии собственносложных слов от синтаксических сочетаний 38
И. Х. Ахматов (Нальчик). Об определении безличности предложения в кара-чаево-балкарском языке 47

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Р. Г. Усенбаева* (Фрунзе). Бессоюзные сложные предложения с общим значением обусловленности в русском и киргизском языках 54
С. Ф. Миржанова (Уфа). О языке башкир племени «кыпчак» 62
А. Г. Хамитова (Ташкент). Об аффиксах, выражающих неполноту признака в именах прилагательных тюркских языков 69
Ю. В. Щека (Москва). Некоторые структурно-семантические особенности предикативных конструкций с глагольными повторами в турецкой разговорной речи 75
Р. Х. Халикова (Уфа). О языке исторических письменных памятников башкир XVIII—XIX веков 84
И. Н. Шервашидзе (Тбилиси). К вопросу о деепричастии на -ujup, -jin; -matyn/-maty, -taјup в языке древнетюркских рунических памятников 90
Д. М. Насилов (Ленинград). Из истории алтаистики 94

РЕЦЕНЗИИ

- Г. Д. Санжеев* (Москва). Б. Базылхан. Қазақша-моңғолша сөздік 101
А. Б. Қошқаров (Алма-Ата). А. Қ. Құрышжанов, А. Қ. Жұбанов, А. Б. Белботаев. Куманша-қазақша жиілік сөздік 103
У. Д. Доспанов (Нукус). Ф. Ф. Алиев. Очерки по лексике языка турок Казахстана 105
Г. К. Дулиев (Баку). И. М. Отаров. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка 106

PERSONALIA

- К. С. Сабиров* (Казань). Ризаутдин Салахутдинович Газизов 108

CONTENTS

- N. A. Baskakov* (Moscow). The main stages of development of Soviet Uigurian philology 3

LANGUAGES IN CONTACT

- Z. I. Budagova, V. L. Gukasyan* (Baku). On Azerbaijanian and Armenian linguistic contacts 10

ONOMASTICS

- V. U. Maxpirov* (Alma-Ata). Anthroponyms in «Divānu lûgat-it-türk» and «Kutadgu Bilig» 22
- A. Dubinsky* (Warsaw). Female names of Karaimes in Crimea and their semantico-etymological analysis 29

DISCUSSIONS

- N. Mamatov* (Tashkent). On distinction of compound proper words from syntactic combinations 38
- I. Kh. Akhmatov* (Nalchik). On definition of impersonality of sentence in the Karachai-Balkar language 47

REPORTS, SURVEYS

- R. G. Usenbayeva* (Frunze). Asyndetic composite sentences with primary meaning of conditionality in the Russian and Kirghiz languages 54
- S. F. Mirzhanova* (Ufa). On the language of the bashkir «kipchak» tribe 62
- A. G. Khamitova* (Tashkent). On adjective affixes in the Turkic languages, expressing incompleteness of marker 69
- Yu. V. Scheka* (Moscow). Some structural-semantic peculiarities of predicative constructions with verbal repetitions in the Turkish colloquial speech 75
- R. Kh. Khalikova* (Ufa). On language of historical written records of Bashkirs in the XVIII—XIX-th centuries 84
- I. N. Shervashidze* (Tbilisi). Towards the problem of adverbial participles -ujyn, -jin; -matyn/-maty, -majyn in the Turkic runic inscriptions 90
- D. M. Nasilov* (Leningrad). From the history of altaistics 94

REVIEWS

- G. D. Sanzheyev* (Moscow). Б. Базылхан. Қазақша-моңғолша сөздік 101
- A. B. Koshkarov* (Alma-Ata). А. Қ. Құрышжанов, А. Қ. Жұбанов, А. Б. Белботаев. Куманша-қазақша жиілік сөздік 103
- U. D. Dospanov* (Nukus). Ф. Ф. Алиев. Очерки по лексике языка турок Казахстана 105
- G. K. Kuliyeu* (Baku). И. М. Отаров. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка 106

PERSONALIA

- K. S. Sabirov | (Kazan). Rizautdin Salakhutdinovich Gazizov 108